

1961 г.

Защита X
48

ИСТОРИЯ ПРОВЕРЕНО

СВЯТЫХЪ ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ.

1893

Печатня в 1893 г.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Вселенскіе соборы: Никейскій 1-й, Константинопольскій 1-й и Ефесскій.

Епископа Іоанна.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

1870 10 18

82

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	1—8
Первый вселенскій соборъ—Никейскій	4—70
Судьба православія и аrianства между первымъ и вторымъ все- ленскими соборами.	70—103
Второй вселенскій соборъ—Константинопольскій	103—142
Третій вселенскій соборъ—Ефесскій	143—248

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, декабря 18 дня 1870 г.

Цензоръ Протоіерей С. Зерновъ.

ИСТОРИЯ СВЯТЫХЪ ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ.

„Иисусъ Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки.“ (Евр. 13, 8).

Послѣ первоначальнаго основанія церкви на землѣ Господомъ Иисусомъ Христомъ и перваго распространенія ея трудами святыхъ Апостоловъ періодъ вселенскихъ соборовъ составляетъ самую достопримѣчательную по своему высокому значенію въ исторіи церкви пору ея жизни. Высочайшая важность вопросовъ, подававшихъ главный поводъ къ созванію соборовъ, способъ изслѣдованія и рѣшенія сихъ вопросовъ, всеобщая примѣнимость и обязательность постановленій соборныхъ для временъ послѣдующихъ, и главное, — несомнѣнно видимое какъ изъ собственныхъ дѣяній и выраженій соборовъ, такъ и изъ частныхъ свидѣтельствъ святыхъ отцевъ и учителей церкви—особенное содѣйствіе отцамъ соборовъ отъ Святаго Духа, — все это доставляетъ святымъ вселенскимъ соборамъ непреерекаемый авторитетъ, а исторіи ихъ высокой интересъ.

Не удивительно послѣ сего, что лица, занимающіяся изслѣдованіями церковно-историческими, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются какъ на исторіи самихъ соборовъ, такъ и на исторіи частныхъ лицъ, соприкосновенныхъ къ сей исторіи; не удивительно, что изъ посвятившихъ себя изученію жизни и науки церковно-исторической, нѣкоторые избираютъ предметомъ своихъ особыхъ занятій исторію собственно соборовъ и издають, внушающе къ себѣ почтеніе обшир-

ные труды по истории соборовъ. На исторію вселенскихъ соборовъ было обращено вниманіе и въ нашемъ отечествѣ; въ «Христіанскомъ Чтеніи» направлѣнъ (съ 1842 по 1848 г.) помѣщена исторія всѣхъ вселенскихъ соборовъ; но эту исторію и самъ авторъ ея называлъ краткою, и самое содержаніе ея оставляетъ неудовлетвореннымъ желаніе видѣть разъясненіе на нѣкоторые вопросы, существенно относящіеся къ исторіи соборовъ. Главный и самый ощутительный недостатокъ въ этой исторіи—это недостатокъ объясненія естественной исторической связи между ересями, служившими поводомъ къ созванію вселенскихъ соборовъ. Не менѣе чувствителенъ здѣсь недостатокъ въ раскрытіи какъ самаго ученія еретиковъ, такъ и особенно въ раскрытіи православнаго ученія, направленного противъ лжеученій еретическихъ.

За тѣмъ относительно исторіи всеяенскихъ соборовъ обращаютъ на себя особенное вниманіе нѣсколько статей въ «Воскресномъ Чтеніи», нѣсколько главъ въ «Опытѣ курса церковнаго законовѣдѣнія» пресвященнаго Іоанна, нѣсколько монографій, относящихся къ исторіи нѣкоторыхъ вселенскихъ соборовъ,— помѣщенныхъ въ Воскресномъ и Христіанскомъ чтеніи, и въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отцевъ.— Но всѣ эти произведенія, помѣщенные въ различныхъ мѣстахъ и посвященные различнымъ частнымъ предметамъ, суть не болѣе какъ малая, хотя и добрая частица изъ этой широкой, едва обозримой области. — «Дѣянія вселенскихъ соборовъ», издаваемая при Казанской духовной академіи, представляютъ важное облегченіе для составителя исторіи соборовъ, но предпосылаемая агамъ *Дѣяніямъ* передовая статья, въ коихъ излагается исторія соборовъ, содержатъ слишкомъ краткія свѣдѣнія о нихъ.

По чувству съ одной стороны высокаго авторитета святыхъ вселенскихъ соборовъ, съ другой—по вниманію къ ощутительному недостатку въ нашемъ отечествѣ полныхъ и самостоятельно обработанныхъ сочиненій по исторіи вселенскихъ соборовъ, мы приняли на себя трудъ изслѣдованія этого важнаго предмета, въ намѣреніи и надеждѣ при помощи Божіей

предложить благочестивымъ сынамъ церкви и любителямъ церковной науки поучительное и назидательное чтеніе.

Что касается до пособій и источниковъ на основаніи коихъ будетъ составлена наша исторія, то объ этомъ въ настоящей разѣ считаемъ нужнымъ сказать слѣдующее:

При составленіи исторіи собственно первыхъ двухъ вселенскихъ соборовъ, дѣянія коихъ, какъ извѣстно, не дошли до насъ,—пособіями и источниками для насъ, кромѣ монографій, относящихся къ исторіи сихъ соборовъ, и біографій лицъ, сопряженныхъ къ исторіи сихъ соборовъ, будутъ служить церковныя исторіи Евсевія, Сократа, Созомена, Феодорита, равно какъ и писанія святыхъ отцевъ, принимавшихъ участіе въ защищеніи догмата о божествѣ Сына Божія противъ Арія и о божествѣ Духа Святаго противъ Македонія. Для исторіи прочихъ вселенскихъ соборовъ—кромѣ писаній святыхъ отцевъ принимавшихъ участіе на сихъ соборахъ—руководственнымъ сочиненіемъ предъизбирается: *Concilia generalia et provincialia graeca et latina Severini Vini*.—При этомъ главномъ руководствѣ предполагается принять къ свѣдѣнію трудъ Казанской духовной академіи, издаваемый какъ извѣстно по Орр. Labbei et Cossartii, и приобрѣтшую себѣ столь почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ *Concilien Geschichte Geuele*.

Епископъ Іоаннъ.

Первый вселенский собор Никейский.

Ересь Ария, как поводъ къ созванію собора.—Мнѣніе о связи арианства съ воззрѣніями александрийской школы, Оригена, Павла Самосатскаго и св. Афанасія.—Оригинальность Аріева лжеученія.—Первое обнаруженіе его.—Александръ, епископъ александрийскій отлучаетъ Арія.—Сторонники Арія и тайный мессажъ имъ Евсевій никомидійскій.—Послание александрийскаго епископа въ объясненіе Арія.—Соборъ въ Винонии въ пользу Арія.—Два созванія Арія.—Безуслышная усилія императора Константина къ прекращенію церковныхъ смутъ и вызвадія собора.—Несостоятельность свидѣній о немъ.—Лича, прибывшія на первый вселенскій соборъ.—Предварительныя совѣщанія.—Торжественное открытіе собора.—Речь на соборѣ императора Константина.—Разсужденія на соборѣ.—Никоекое исповѣданіе о Сынѣ.—Св. Афанасій—обличитель первыхъ виновниковъ арианства.—Соборный притворъ противъ Арія и его лжеученія.—Определеніе собора о времени празднованія Пасхи.—Дѣло о расколѣ Мелетія.—20 правилъ соборныхъ.

Главнымъ поводомъ къ созванію перваго вселенскаго собора было появленіе и усиленіе лжеученія Аріева. Кромѣ этого, обвиненія и рѣшенія соборнаго требовали вопросъ о празднованіи Пасхи, дѣло Мелетія епископа оивандскаго, дѣло о новатіанахъ, о послѣдователяхъ Павла Самосатскаго и другія, какъ это видно изъ правилъ соборныхъ.—Но эти послѣднія обстоятельства были какъ бы второстепенными, такими, обсудить которыхъ положено было уже по окончаніи соборныхъ совѣщаній о дѣлѣ первомъ, главнымъ,—лжеученіи Аріевомъ.—Какъ возникло, откуда родилось это лжеученіе?

Писатели исторій, притязательные на строго научное изслѣдованіе историческихъ явленій, желая показать внутреннюю, органическую связь между появившемъ арианствомъ и состояніемъ церковнаго ученія во время предшествовавшее его появленію, ищутъ корня арианскихъ сужденій въ тогдашней александрийской философіи и, почитая однимъ изъ наиболее полныхъ между христіанами выразителей тогдашняго направленія александрийской философіи—Оригена, съ усиліемъ стараются выставить сходство между пунктами системы арианской и богословскими воззрѣніями Оригена, въ намѣреніи такимъ образомъ поставить и Оригена въ рядъ проводниковъ арианскихъ мыслей еще до появленія Арія (См. *Vaug Christl. Kirche* 4—III Jahrg. стр. 353, 354.). Но это объясненіе

происхожденія арианства страдаетъ довольно ощутительною натяжкою. Что касается до виновности въ происхожденіи арианства—александрийской философіи вообще, то, не говоря уже о томъ, что ни у самаго Арія, ни у послѣдователей его нигдѣ не встрѣчается доказательствъ происхожденія ихъ ученія отъ философіи (ариане представляли себя стоящими по преимуществу на почвѣ Св. Писанія); не говоря дѣлье о томъ, что изъ одной и той же александрийской школы выходили и строгіе ревнители православія, какъ св. Діонисій александрийскій, и св. Афанасій Великій—чего не могло бы быть, еслибы александрийская философія сама по себѣ вела къ арианству: въ самомъ содержаніи александрийской философіи нельзя указать ничего, что могло бы вести такъ или иначе именно къ арианству; то въ александрийской философіи—на которое обыкновенно указываютъ писатели, державшіеся приводимаго объясненія, имѣетъ весьма малое отношеніе къ христіанскому ученію о тайнствѣ Пр. Троицы, и самое арианское ученіе о свойствахъ втораго Лица Пр. Троицы и Его отношеній къ Богу Отцу—совершенно иного характера, чѣмъ ученіе александрийской философіи о Логосѣ и умѣ (*Λόγος, υἱός*) и Его отношеній къ Высочайшему. По ученію александрийской философіи *Λόγος* или *υἱός* есть свойство, принадлежность Высочайшаго; въ арианствѣ Сынъ Божій признается самостоятельнымъ, отличимымъ отъ Бога Отца Лицомъ.—Въ частности, что касается до Оригена, то кромѣ того что и тотъ и другой учили и дѣйствовали въ Александріи, между Аріемъ и Оригеномъ общаго въ направленіи ученія весьма не много, почти ничего. Той глубины богословскихъ знаній, той возвышенности богословскихъ созерцаній, какою ознаменовалъ себя великій учитель александрийскій,—въ Аріѣ нѣтъ и малѣйшей доли, такъ что Аріева система, если ставить ее въ связь съ воззрѣніями Оригена и вообще церковныхъ учителей александрийскихъ, не только не составляла бы собою учтуванія къ дальнѣйшему развитію богословія (какъ хотѣлось бы утверждать державшимся этого мнѣнія), а напротивъ обозначала бы поразительный поворотъ отъ возвышенныхъ созерцаній богословскихъ къ упадку. Основной пунктъ православнаго ученія о Сынѣ Божіи

емь—вѣчное Его бытіе и божественное достоинство, противъ котораго такъ упорно возставалъ Аріи—Оригеномъ исповѣдуемъ былъ съ ясностію и рѣшительностію, исключаящими всякое сомнѣніе. Въ подтвержденіе этого нашего мнѣнія объ Оригенѣ мы прежде всего могли бы указать на пренія Оригена съ Берилломъ. Оригенъ тѣмъ самымъ, что привелъ къ раскаянію Берилла, отрицавшаго личное бытіе и божественное достоинство второго Лица Пр. Троицы, даетъ видѣть, что самъ онъ исповѣдывалъ личное бытіе и божественное достоинство Сына Божія. Впрочемъ послыку это свидѣтельство о преніяхъ Оригена съ Берилломъ, по причинѣ неясности изложенія его у Евсевія, подвергается различнымъ перетолкованіямъ, то мы, не придавая ему особенной силы, можемъ для подтвержденія своего мнѣнія объ Оригенѣ обратиться къ обзорнію другихъ мѣстъ изъ его многотомныхъ сочиненій^(а).

Между несомнѣнными, вообще обязательными истинами, кои заповѣданы всѣмъ людямъ отъ Апостоловъ, Оригенъ между прочимъ поставляетъ: «вѣровать, что Богъ есть Единъ, потомъ, — что Иисусъ Христосъ—прежде всѣхъ тварей рожденъ отъ Отца; Сей Иисусъ Христосъ, послѣ того какъ послужилъ Богу Отцу въ созданіи всего (послыку чрезъ Него все сотворено), въ послѣднія времена истощилъ Себя, будучи Богомъ сталъ человѣкомъ, и сдѣлавшись человѣкомъ пребылъ—чѣмъ прежде былъ—Богомъ.—Сей Сынъ Божій въ чести и славу равенъ съ Богомъ Отцемъ.—Свѣтъ не можетъ быть безъ снѣга: какъ же могъ бы кто-либо сказать, что Отецъ могъ быть когда-либо безъ Сына? (De princ. 1, § 7. 10; 4, 2: 8. In Ioh 13, 25). Богъ Отецъ пребываетъ отъ вѣчности, а по этому вѣчно должно быть и снѣганіе Отчее—Сынъ. Не было времени, когда бы не было Сына» (De princ. 1, 2; 2, 4; 4, 28; Contra Cels. 8, 12; in Ioh T. I. 32. Hom. in Ierem 4, 9.). Къ «Сыну — по разсужденію Оригена въ другомъ мѣстѣ—можетъ быть приложено сравненіе съ пото-

(а) Мы потому особенно распространяемъ въ размыканіяхъ объ ученіи Оригена, что мнѣніе предводителя любингенской школы Баура о причастности Оригена жеученію Аріи находитъ себѣ многихъ сторонниковъ.

комъ; источникъ этому потоку—можетъ служить подобіемъ Отца» (in Ioh T. VI, 26). Этимъ сравненіемъ Оригенъ хочетъ выразить нераздѣлимость по существу между Богомъ Отцемъ и Богомъ Сыномъ, какъ онъ и выражается въ одномъ мѣстѣ: и Богомъ Сыномъ, какъ онъ и выражается въ другомъ мѣстѣ: *αὐχρηστὸς ἐστὶ τοῦ πατρὸς* (in Math. 13, 19; Contra Cels 4, 14. 16; in Ioh T. II, 1. XIX, 1). Божественное естество Сына — едино (*ἕνωμενον*) съ нерожденнымъ естествомъ Отца.— Какъ бы совмѣщая вратѣ сущность своего богословствованія о Лицахъ Пресв. Троицы, Оригенъ въ одномъ мѣстѣ выражается такъ: «Три суть источника спасенія: Отецъ, Сынъ и Духъ: кто не жаждетъ къ сямъ тремъ, тотъ не можетъ обрѣсти Бога (in Ierem. hom. 18, 9); все, что есть въ Богѣ (Отцѣ)—то-есть и во Христѣ». (In Ierem. hom. VIII, 2.). Если въ иныхъ мѣстахъ у Оригена и говорится о подчиненности Бога Сына Богу Отцу, — чѣмъ особенно и пользуются ащитники мнѣнія о виновности Оригена въ происхожденіи арианства^(б); то подобныя выраженія должно понимать не иначе, какъ въ духѣ ученія о семъ предметѣ, предагаемаго и Св. Писаніемъ, именно въ томъ смыслѣ, что Сынъ Божій подчиненъ Богу Отцу какъ причинѣ Своего бытія; выраженіями своими о подчиненности Бога Сына Богу Отцу Оригенъ отнюдь не имѣлъ въ виду умалять полноту Божественныхъ свойствъ Сына или уничижать Божественность Его существа. «Сынъ — по ученію Оригена — есть Богъ по естеству (*natura*) (Fragm. ap. Pampl. de la Rue IV, 99). Онъ не можетъ измѣняться на степенъ меньшаго совершенства, ни усовершаться совершенствомъ большимъ; Онъ обладаетъ совершенствомъ безконечнымъ» (in Ioh. T. XXXII, 17; in Lev. tom. 13, 4). Мѣстъ, подобныхъ приведеннымъ нами, выражающихъ совершенно православное мудрствованіе Оригена объ отношеніяхъ между Богомъ Отцемъ и Богомъ Сыномъ—можно бы было и еще привести въ значительномъ количествѣ; но и при-

(б) Такъ наприм. въ 3-й кн. о *началахъ* Оригенъ, говоря объ отношеніяхъ между Богомъ Отцемъ и Богомъ Сыномъ, между прочимъ выражается: «*ἄριστος οὗτος ἀποδείκτερον τοῦ Πατρὸς* (de princ III, 5 7), или въ другомъ мѣстѣ: *ἐλάττωτος πρὸς τὸν πατέρα ὁ υἱος. δεύτερος γὰρ ἐστὶ τοῦ Πατρὸς* (de princ I, 3. 5).

веденных нами, думаем, вполне достаточно, чтобы видеть, какое безконечное—можно сказать—разстояние существует между выспринитом созерцанием Оригена и малосмысленным—как увидимъ въ послѣдствіи—мудрованіемъ Арія.

Другіе изъ писателей по церковной исторіи, будучи движимы этимъ же желаніемъ провести органическую связь между арианствомъ и лжеученіями, предшествовавшими ему, останавливаются на изображеніи сходаства возрѣвнй арианскихъ съ ученіемъ Павла Самосатскаго, — надѣясь такимъ образомъ изъяснить происхожденіе арианства отъ лжеученій Самосатскаго (Гефеле т. 2, стр. 225; Швале—Dogmengesch., стр. 203.). — Тождество мѣстности—гдѣ жили Павелъ Самосатскій и Арій (Арій въкоторое время былъ въ Антиохіи), свидѣтельство въ пользу этого мнѣнія со стороны Александра, еп. Александрійскаго, который въ арианствѣ видѣлъ осадокъ нечестія Павла Самосатскаго (Теодорита Ц. II, 1, 4), повидимому благопріятствуютъ этому мнѣнію о связи арианства съ ересью Павла Самосатскаго; но внимательное разсмотрѣніе того и другаго изъ сихъ лжеученій показываетъ, что всѣ эти предположенія о сходаствѣ между арианствомъ и ересью Павла Самосатскаго—прочной основы для себя не имѣютъ: внутренней, органической связи между ними лжеученіями указать нельзя. Всѣ свидѣтельства о Павлѣ Самосатскомъ, какія только сохранились до насъ отъ временъ древнихъ, согласно утверждаютъ, что Павелъ Самосатскій во всѣхъ словахъ и дѣйствіяхъ своихъ унижалъ Божественное достоинство Искупителя, или вѣрнѣе сказать отрицалъ Божественное достоинство въ Искупителѣ. Потому-то Павелъ Самосатскій отмѣнилъ древнія иѣсновѣнія въ честь Христа, какъ Бога. Отселъ же, т.-е. изъ отрицанія Божественнаго естества Искупителя—увліе Самосатскаго въ изображеніи и превознесеніи собственнаго человѣческихъ совершенствъ во Христа (Иисусъ Христосъ *κτὸς θεῶν* (Евс. 7. 30)). Что касается до Божественнаго естества въ лицѣ Иисуса Христа, то Павелъ Самосатскій—впостаснаго бытія втораго Лица Пр. Троицы не признавалъ, а допускалъ только дѣйствія въ Иисусѣ Христѣ Божественной, безвпостасной силы (Ерірн. haec 65, 4).—

Обращая вниманіе на главнѣйшіе пункты лжеученія Аріева, замѣчаемъ, что Арій—ни превыше человѣческаго достоинства въ Иисусѣ Христѣ, ни личнаго самостоятельнаго существованія втораго Лица Пр. Троицы не отрицалъ; основная мысль, около которой вращалось все его лжеудованіе, была та, что второе Лицо Пр. Троицы—Сынъ Божій не можетъ быть во всемъ равенъ Богу Отцу, что Отецъ и ниже Отца по существу, и имѣетъ начало бытія Своего во времени: пункты—очевидно не имѣющіе сходаства съ основными положеніями Самосатскаго; общее, въ чемъ сходятся между собою лжеученія Арія и Самосатскаго, это ихъ заявленіе, что они ревнуютъ объ неповѣданіи единства Божества; но въ дальнѣйшемъ развитіи этого ученія о единствѣ Божества—Арій и Самосатскій расходятся совершенно въ различныя стороны. Самосатскій вовсе отрицаетъ бытіе кого-либо изъ лицъ Пр. Троицы, кромѣ Бога Отца,—Иисуса Христа признаетъ простымъ человѣкомъ; Арій—хотя и не православно—учитъ о бытіи Втораго и Третьяго Лица Пр. Троицы и признаетъ воплощеніе Сына Божія—хотя православное ученіе о семъ высокомъ предметѣ совершенно извращаетъ. Такимъ образомъ и мнѣніе о ерѣдствѣ арианства съ ученіемъ Павла Самосатскаго оказывается несостоятельнымъ.

Въ исторіи арианскихъ преній встрѣчается обстоятельство, которое можетъ наводить еще на одно объясненіе происхожденія арианства. Арій, какъ только подвергся высказаніямъ со стороны Александра, еп. Александрійскаго, обратился къ Евсевию Никомидійскому съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ называетъ Евсеяна истиннымъ *соллудіанствомъ*. Ересепачальникъ указываетъ сямъ на то, что оба они, Евсеяна и Арій, учились въ Антиохіи у знаменитаго въ то время Лукіана, пресвитера Антиохійскаго. Не отъ сего ли учителя Арій заимствовалъ свое лжеученіе? Подозрѣніе усиливается тѣмъ, что св. Лукіанъ, какъ видно изъ посланія Александра еп. Александрійскаго, по подозрѣніямъ въ неправославіи—въ продолженіи многихъ лѣтъ не имѣлъ общенія съ православными епископами (Теодорит. 1, 4). Какъ смотрѣть на эти обстоятельства? Безъ объясненія понятно, что подоз-

рвать св. мужа въ распространѣнн ученій согласныхъ съ арианскими на основаніи приведенныхъ основаній, было бы совершенно несправедливо. Что касается до ссылки Арія на св. Лукіана, то трудно толковать ее въ смыслъ намереннаго схода въ ихъ ученія, или, если и допускаетъ она такое толкованіе, весьма удобно можетъ быть объяснена желаніемъ ересеучителя прикрыться какимъ-нибудь авторитетомъ; временное отлученіе Лукіана отъ церковнаго общенія, за недостаткомъ объясненій какъ и почему онъ отлученъ былъ, ничего не доказываетъ; высокое же титло исповѣдника и мученика, усвоенное св. Лукіану св. Церковію, не оставляетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ въ его православіи. Древніе историки Церкви для насъ сохранили исповѣданіе вѣры, которое Аріане будто бы приписывали Лукіану (Созом. Ист. Ц. III, 5. Сокр. 2, 10). Вотъ это исповѣданіе: «Вѣруемъ во единого Бога всяческихъ, Творца и Промыслителя всего мыслимаго и чувственнаго... и... во единого Сына Божіа *Единороднаго*, Который былъ прежде всѣхъ вѣковъ и со-существуетъ родившему Его Отцу, черезъ Котораго произошло все видимое и невидимое, и Который въ послѣдніе дни по благоволенію Отца низшелъ, принявъ плоть отъ Святой Дѣвы, и, исполняя всю отеческую о Немъ волю, пострадалъ, воскресъ, вознесся на небеса и сѣдѣтъ одесную Отца, и придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и пребудетъ Царемъ и Богомъ во вѣки; вѣруемъ и въ Духа Святаго, воскресеніе плоти и жизнь вѣчную.» Исповѣданіе—для насъ представляющее никакими православными мыслями не представляющее рѣшительно ничего обласнительнаго; то правда, конечно, что въ этомъ исповѣданіи нѣтъ тѣхъ выольвѣ точныхъ и строгихъ выраженій, какія были внесены въ символъ вѣры по поводу лжеученій арианскихъ; но если примемъ во вниманіе, что къ выраженіямъ тѣмъ не было тогда еще и повода; то легко поймемъ неосновательность даже малѣйшаго подозрѣнія святаго Лукіана въ неправославіи, на основаніи одного сего исповѣданія. Ссылки на св. Лукіана со стороны Ариана, кои она дѣлали въ послѣдствіи—суть ни больше, ни меньше какъ злонамѣренная клевета на святаго мужа.

По нашему мнѣнію, никакого ближайшаго вѣдѣнаго источника, изъ коюго могли бы генетически, такъ сказать, происходить воззрѣнія Ариана, указать нельзя. Главнымъ и единственнымъ источникомъ всѣхъ этихъ лжеученій, вужно признать собственный оригинальный образъ мыслей Арія. Конечно въ этой системѣ отрицанія божественности Втораго Лица Пр. Троицы предшественники Арію были; такими предшественниками Арію можно признать всѣхъ, такъ называемыхъ, монархіанъ во всѣхъ ихъ различныхъ направленіяхъ; но что при сходствѣ съ предшествовавшими ему монархіанами въ одномъ пунктѣ отрицанія равенства и единосущія Втораго Лица Пр. Троицы съ Богомъ Отцемъ, у Арія въ развитіи сего ученія гораздо больше самостоятельности и оригинальности, чѣмъ зависимости и подражательности имъ,—это несомнѣнно видно изъ всей системы арианства. Вліянія на Арія съ различныхъ сторонъ конечно быть могли; были вліянія монархіанскія, могли быть даже вліянія со стороны школы Александрійской и именно со стороны Оригена (только не въ томъ смыслѣ, что Арій усвоилъ себѣ поданный образъ мыслей этого учителя, а скорѣе въ томъ, что Арій многими выраженіями Оригена злоупотребилъ): только ни одному изъ сихъ вліяній Арій не поддавался страдательно и всѣ ихъ переработалъ по свойству и характеру воззрѣній своихъ. Мы думаемъ, что въ томъ-то между прочимъ и заключалась тайна необычайныхъ успѣховъ арианства, что ученіе это было оригинально ново, чѣмъ и увлекало умы жаждавшіе новаго, но не стязавшіе искусства въ различіи истиннаго отъ ложнаго.

Первое обнаруженіе лжеученія арианскаго представляется, по древнимъ историческимъ памятникамъ, при такихъ обстоятельствахъ. Александръ, епископъ Александрійскій, строго слѣдуя ученію Св. Писанія и преданію благочестивыхъ предшественниковъ своихъ (Дюннися, Теофоста, Шерія, Петра, Ахилла), нѣрѣдко богословствовала въ присутствіи подвластныхъ ему пресвитеровъ и другихъ клириковъ о Святой Троицѣ, разсуждая, какъ замѣчаетъ ц. историкъ Сократъ, философски, что Святая Троица есть въ Троицѣ единца. Очевидно было, что признавалъ единосущіе всѣхъ лицъ Пресвятыя

Троица, и следовательно единосущие Сына Божия съ Богомъ Отцемъ. Аріи, пресвитеръ подчиненный Александру, изъ любви, какъ утверждаетъ Сократъ, уклонился ко мѣтнѣю противному мыслямъ Александра, и на слова епископа сталъ грубо предлагать возраженія, говоря, что если Отець родилъ Сына, то рожденный имѣеть начало бытія; отсюда слѣдуетъ, что было время, когда Сына не было, и что Сынъ имѣеть свое существо иль небытія (Ц. Ист. Сократа кн. 1, гл. 5). Нѣсколько въ инакомъ видѣ это начало спора представляется у Созомена; этотъ историкъ пишетъ, что Аріи, безотнositельно къ учению Александра, нѣсколько разъ высказывалъ недѣльныя выраженія, такъ что дерзнулъ изречь въ церкви такую, никѣмъ прежде не высказанную мысль: Сынъ Божій произошелъ изъ неущаго; было время, когда Его не было; по самопроизволению Онъ способенъ къ злу и добродѣтели; Онъ есть созданіе и тварь. Нѣкоторые, слыша подобныя выраженія изъ устъ Арія, начали порицать Александра, зачѣмъ онъ, вопреки долгу, терпитъ нововведенія въ догматы. Александръ, не желая, чтобы въ святомъ дѣлѣ вѣры имѣло мѣсто принужденіе, и желая примирить спорящихъ путемъ свободнаго убѣжденія, дозволялъ спорящимъ состязаніе. Аріи защищаль высказанныя имъ положенія; прочіе доказывали, что Сынъ единосущенъ и совѣченъ Отцу. Было и другое засѣданіе: разсуждали о тѣхъ же вопросахъ; но споряшіе опять не сошлись между собою. Такъ какъ разсматриваемый предметъ казался еще сомнительнымъ, то сперва колебался нѣсколько и самъ Александръ, похвалая иногда однихъ, иногда другихъ^(а); по довольномъ времени испытанія той и другой стороны Александръ присоединился къ тѣмъ, которые утверждали, что Сынъ единосущенъ и совѣченъ Отцу, и Арію приказалъ, чтобы и онъ, оставивъ противорѣчія, мыслялъ такимъ же образомъ (Созом. 1, 15). Аріи

(а) Свидѣтельства о началѣ споровъ арианскихъ, приводимыи другими историками, Сократомъ, Феодортомъ, Евсевіемъ Кесар., даютъ основаніе предполагать, что эта послѣдняя фраза о сомнительности спорнаго предмета для самаго Александра—слова ли не собственное предположеніе Созомена.

послѣдовать требованію епископа не заблагоразсудилъ; на противъ ободренный тѣмъ, что на сторонѣ его нашлось нѣ сколько епископовъ (Секундъ, Теопа, см. Сокр. 1, 6), пресвитеровъ (Аноалъ, Ахиллъ, Караоній, Сарматій, еще Аріи) и діаконовъ (Евзой, Макарій, Іоулій, Мина и Елладій), вступилъ съ своимъ епископомъ въ отношенія надменныя и даже шельмъ съ своимъ епископомъ въ отношенія надменныя и даже неприязненныя; не обращая вниманія на неблаговоленіе къ нему епископа, началъ собирать сборища единомышленниковъ и въ этихъ, вышедшихъ изъ повиновенія епископу сборищахъ — предлагать свое новое ученіе. — Александръ, по свидѣтельству Феодорита, старался вразумить Арія увѣщаніями и совѣтами; но когда увидѣлъ, что тотъ упорно безумствуетъ и открыто проповѣдуетъ свое нечестіе, то въ согласіи съ сослужителями своими (какъ называетъ ихъ Александръ). Египетскими, Египетскими, Ливійскими, Пентапольскими, Сирскими, Ликійскими и прочими изъ областей сопредѣльныхъ (въ числѣ около ста. Сокр. 1, 6), — отлучилъ Арія и сообщниковъ его отъ общенія церковнаго. Аріи, считая себя осужденнымъ несправедливо, обратился съ жалобами на своего епископа къ нѣкоторымъ, прежде знакомымъ ему епископамъ, прося ихъ заступничества за себя, и особенно крѣпкую надежду возложилъ на прежняго сотоварища своего въ школѣ Лукиановой—Евсевія Никомидійскаго. Въ письмѣ къ Евсевію, еп. Никомидійскому, Аріи представляетъ себя невиннымъ страдальцемъ за истинное Евангельское ученіе и умоляетъ Евсевія защитить его отъ несправедливыхъ нападений на него Александрійскаго епископа. Епископъ Александрійскій, писалъ между прочимъ Аріи, сильно преслѣдуетъ насъ и гонитъ, употребляя къ тому все средства: онъ даже призвалъ насъ людьми безбожными и изгналъ изъ города за то, что мы не согласились съ нимъ, когда онъ всенародно говорилъ: Богъ всегда; Сынъ всегда; вмѣстѣ Отець, вмѣстѣ Сынъ; Сынъ сосуществуетъ Богу нерожденно: Онъ всегда рождаемый и нерожденно рожденный; Богъ ни мыслію, ни какимъ-либо атомомъ не предшествуетъ Сыну; Сынъ изъ самаго Бога. — Отрицаніе это (защѣтитъ, значительно искаженное имъ) ученіе Александра,

Арій предлагаетъ Евсею сущность богословствованія своего: «мы говоримъ и мыслимъ, учили и учимъ такъ: Сынъ ни не рожденъ и ни въ какомъ смыслѣ не есть часть нерожденнаго, и не произошелъ изъ чего-либо предсуществовавшаго, но по волѣ и совѣту Божию былъ преждевременно и прежде вѣковъ совершенный Богъ, едиnorodный, неизмѣнный. Однакожь Его не было прежде, чѣмъ Онъ былъ рожденъ, или сотворенъ, или опредѣленъ, или основанъ, ибо до рожденія Онъ не существовалъ. Намъ преслѣдуютъ за то, что мы говоримъ, что Сынъ изъ несущаго. Но мы говоримъ это потому, что Онъ не есть часть Бога, и не происходитъ изъ чего-либо предсуществовавшаго.» — Помни наши скорби, заключаетъ Арій, истинный Солукианистъ, Евсевій (Феодор. 1, 5). Сужденія о Сынѣ Божіемъ Аріевъ во всемъ сходны были съ убѣжденіями касательно этого пункта и у Евсевія Никомидійскаго (см. Феодор. 1, 6). Отчасти по этому сходству убѣжденій, а отчасти и потому, что Арій успѣлъ значительно извратить смыслъ ученія православныхъ ⁽⁶⁾ — въ своемъ сообщеніи объ этомъ Евсею, — Евсевій вступился за Арія. Въ своемъ отвѣтѣ Арію Евсевій одобряетъ его ученіе и ободряетъ Арія къ дальѣйшему раскрытію и распространенію его: «ты мыслишь, писалъ Евсевій Арію, правильно; я прошу тебя позаботиться о томъ, чтобы и всѣ такъ мыслили; ибо для каждаго должно быть ясно, что то, что произошло, не было прежде чѣмъ произошло» (Ав. о собор. Селев. и Рим. гл. 17).

Будучи весьма гордымъ для того, чтобы вступить въ сношенія съ Александромъ Александрійскимъ, начальственнымъ епископомъ Арія, непосредственно, — Евсевій пишетъ къ Павлану еп. Тирскому съ просьбою, чтобы Павланъ постарался

(6) Что Евсевій имѣлъ превратное представленіе о сущности ученія православныхъ, это ясно видно изъ его выраженій въ письмѣ Павлану: «мы никогда не сказали о духѣ существахъ нерожденныхъ, никогда не учились и не вѣруемъ, будто Божество раздѣляется на два, или обнаруживаетъ нѣчто свойственное тѣлесности.» Никто изъ православныхъ такого ученія и не предлагалъ.

сообщить Александру «истинное», какъ представлялось Евсею, ученіе о лицѣ Сына Божія, и тѣмъ обратились бы Александра на путь истинный (Феод. 1, 6). Писалъ ли Павланъ къ Александру, неизвѣстно; только Александръ скоро узналъ, что на сторонѣ Арія собирается и еще значительное число сообщниковъ, даже изъ епископовъ (сторону Арія теперь приняли: Евсевій Кесарійскій, Феодотъ Лаодикійскій, Афанасій Амасарбекій, Григорій Беритскій, Азій Лидійскій), и что сильный по своему положенію Евсевій Никомидійскій принялъ сторону Арія. Тогда-то строгій ревнитель православія, несомнѣнно увѣренный въ правотѣ и чистотѣ своихъ убѣжденій и дѣйствій, почелъ долгомъ своимъ увѣдомить всѣхъ православныхъ братьевъ и послужителей своихъ о положеніи церковныхъ дѣлъ въ его епархіи, въ намѣреніи сообщить всѣмъ надлежащее понятіе о сущности новаго ученія и предохранить вѣрныхъ сыновъ православія отъ вліянія коварственныхъ лжеучителей. Съ этою цѣлію Александръ еп. Александрійскій издалъ нѣсколько посланій ⁽⁷⁾ къ епископамъ разныхъ городовъ; изъ посланій этихъ до насъ сохранилось два: одно на имя Александра, старѣйшаго между епископами округа Фракійскаго ⁽⁸⁾; другое окружное по всѣмъ прочимъ православнымъ епископамъ восточнымъ. Эти два посланія Александра еп. Александрійскаго къ Александру еп. Константинопольскому и окружное посланіе по всѣмъ церквамъ (Сокр. 1, 6) имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи зрѣанства. Они важны: 1) потому, что сообщаютъ намъ свѣдѣнія о сущности лжеученія Аріева, сообщаютъ, какъ первоначальный, непосредственный источникъ; 2) что разоб-

(7) Св. Епископъ говоритъ, что Александръ издалъ такихъ посланій до 70; есть свѣдѣнія, что писалъ Александръ и къ папѣ Симплицію. Гецеле. Ист. Соб. т. I. стр. 184.

(8) У св. Феодорита, который приводитъ посланіе еп. Александрійскаго, въ написаніи его допущена нѣкоторая неточность: Александръ, которому адресованъ епископъ Александрійскій свое посланіе, не могъ называться тогда Константинопольскимъ; потому что въ то время еще не было Константинополя; илие одно и тоже; только сей Александръ занималъ тогда кафедру по всей вѣроятности византійскую (Феод. 1, 19).

лачают передъ нами тѣ скрытыя, тайныя нити, которыми сплеталась первая сѣть арианства; 3) особенно потому, что представляютъ намъ сущность богословскихъ воззрѣній православнаго еп. Александрійскаго, чѣмъ самымъ снимаютъ всякую тѣнь подозрѣній въ нетвердости ученія будто бы и всей церкви Александрійской, — каковую тѣнь готовы набрасывать на эту церковь историки рационалисты.

Что касается до сущности лжеученія собственно Аріеана, какъ оно представляется въ этихъ двухъ посланіяхъ Александра, то оно состоитъ въ слѣдующемъ: «Богъ Отецъ не всегда былъ Отцемъ; было время, когда Отъ Отецъ не былъ; было время, когда Сына Божія не было; Сынъ Божій родился во времени, не существовавъ прежде; когда бы то ни было — только Онъ сотворенъ, какъ и прочія твари, какъ и всякій человѣкъ. Сынъ — какъ и всѣ твари сотворенъ изъ несущаго Причисляя Сына Божія къ совокупности разумныхъ и неразумныхъ тварей, Аріій и его сообщники утверждали, что природа Сына измѣнчива и можетъ воспринимать добро и зло. — Сынъ Божій есть и называется Сынъ Божій не по особенному какому существенному отношенію Его къ Богу Отцу, но потому, что не смотря и на измѣляемость Своей природы, Онъ, чрезъ упражненіе Себя въ нравственной дѣятельности, не уклонился къ худшему, такъ что еслибы равную силу въ этомъ показала Павелъ или Петръ то ихъ усыпленіе ни мало не отличалось бы отъ Его усыпленія. Какъ сотворенный во времени, Сынъ не свободенъ отъ условій ограниченности. Онъ не знаетъ вполнѣ сущности Отца. Отецъ невзлаголомъ для Сына; потому что Сынъ не знаетъ Его совершенно и не можетъ видѣть Его въ совершенствѣ; не знаетъ Сынъ и собственной своей сущности» (Восд. 1, 4. Сокр. 1, 6).

Для насъ могло бы представиться непонятнымъ, какъ такія, очевидно противорѣчивыя Св. Писанію, сужденія могли встрѣтить себѣ сочувствіе и одобреніе у современныхъ Арію христіанъ, еслибы къ уразумѣнію сего не шли въкоторыя изъ объясненій еп. Александра Александрійскаго, какия онъ представляетъ въ посланіи къ еп. Александру Константино-

польскому. Въ своемъ посланіи еп. Александрійскій между прочимъ замѣчаетъ, что Аріій и единомышленники его, стыдясь сами своего изобрѣтенія и сознавая свою неправоту, и на первыхъ порахъ не открывали тѣмъ, къ кому обращались съ своимъ ученіемъ и съ своими жалобами, не открывали того, чему они лукаво учили, когда были еще въ общеніи съ церковію, не признавались яeno въ томъ, что они дѣлали и за что извержены изъ Церкви. «Объ этомъ они молчатъ, пишетъ Александръ, или оставляютъ это въ тѣни посредствомъ хитро вымышленныхъ рѣчей и писаній. Прикрывая такимъ образомъ габельное свое ученіе убѣдительными и вградчивыми бесѣдами, они увлекаютъ къ себѣ того, кто податливъ на обманъ, и въ то же время не упускаютъ случая оклеветать предъ всѣми и наше благочестіе». Посредствомъ этой-то хитрости Арію и удалось склонить на свою сторону многихъ изъ тогдашнихъ членовъ Церкви, и даже изъ епископовъ. Но лукавство его не могло укрыться отъ пронидательнаго взора православнаго епископа александрійскаго. Понимая коварство и зловедность новозымышленнаго ученія, Александръ постыжается возвѣстить объ угрожающемъ бѣдствіи всѣмъ истиннымъ сынамъ православія и по преимуществу епископамъ, какъ особенно обяваннымъ охранять спасеніе вѣрующихъ. Извѣщая о возникшемъ лжеученіи, сообщая свѣдѣнія о сущности его, Александръ въ видахъ предохраненія вѣрующихъ отъ заразы этимъ лжеученіемъ не пренебрегъ изложить и опроверженіе на него. Въ томъ и другомъ своихъ посланіяхъ еп. александрійскій приводитъ мѣста изъ Св. Писанія, кои опровергаютъ новое ученіе Аріеана, равно какъ старается показать несостоятельность сего ученія и передъ началами здраваго разумія: «Кто слыша глаголы Іоанна, пишетъ еп. александрійскій: *въ началѣ бы Слово* — не осудить говорящихъ, что было время, когда Его не было? Или кто слыша въ Евангеліи: *Едиnorodный Сынъ*, и: *всѣ Тѣмъ быша* (1, 3, 8), не возненавидятъ произносящихъ, что Сынъ есть одно изъ твореній? Какъ можетъ Онъ быть равнѣ сотвореннымъ отъ Него вещамъ? Какъ могъ Онъ произойти изъ несущаго, когда Отецъ говоритъ: *изъ чрева прежде денницы*

родикъ тѣя (Ис. 109, 3)? Какъ Онъ не подобенъ сущности Отца, когда Самъ говоритъ: *истинный Мое, видѣть Отца* (Иоан. 14, 9)? Какъ могутъ они называть Сына измѣняемымъ, когда Апостолъ говоритъ: *Иисусъ Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8)? Когда они утверждаютъ, будто Сынъ не знаетъ совершенно Отца, то самъ самымъ по называютъ, что они отвергаютъ слова Иисуса Христа: *яко же знаетъ Мѣ Отецъ, и Азъ знаю Отца* (Иоан. 10, 15). Обращаясь къ соображеніямъ отъ разума, еп. Александрийскій между прочимъ рассуждаетъ: «выраженіе: *никогда не существовало* должно относить или ко времени, или къ какому нибудь продолженію вѣчности. Если же справедливо, что *всѣ Тѣлѣ быши*, если т.-е чрезъ Него произошла и цѣлая вѣчность, и время и отдѣлы времени, и самое *никогда*, въ которомъ содержится несуществованіе, то не лѣпо ли говорить, будто тотъ, Кто сотворилъ времена, вѣчность и лѣта, въ которыхъ содержится несуществованіе, самъ никогда не существовалъ? Въ самомъ дѣлѣ было бы крайне безмысленно и невѣжественно полагать, что выводить какой-нибудь вещи получивъ свое бытіе послѣ происхожденія сотворенной имъ вещи». Новая точка зрѣнія для сирверженія Арианства Александру открывается изъ разбора названій *Отецъ и Сынъ*. «Отецъ всегда есть Отецъ, поелику всегда имѣетъ Сына, по которому и называется Отцемъ. Если же Отецъ всегда имѣетъ Сына, то Онъ всегда есть Отецъ совершенный, родившій Единороднаго Сына не во времени и не изъ несущаго. Не нечестиво ли также говорить, что премудрость Божія никогда не существовала, или что силы Божіей никогда не было, что слово Божіе когда-то безмолствовало, или что въ Богѣ не было когда-то и другихъ свойствъ, по которымъ узнается Сынъ и качествуется Отецъ? Кто говоритъ, что нѣтъ снѣгъ славы (Евр. 1, 3), тотъ отвергаетъ бытіе и первообразнаго Свѣта, отъ котораго происходитъ снѣгъ. Если не всегда существовалъ Образъ Бога (2 Кор. 4, 4. Кол. 1, 15), то очевидно не всегда существовалъ и Тотъ, чей это образъ». Отсюда же, изъ созерцанія Божественныхъ свойствъ Сына, Александръ усматри-

ваетъ и нелѣпость мысли объ измѣняемости и усовершенности Бога Слова. «Въ чемъ усовершенаться премудрости Божіей? Въ чемъ получить приращеніе самой истинѣ или Богу Слову? Какъ улучшаться истинной жизни и истинному свѣту?—Пришедши еще нѣсколько опроверженій противъ Арія, Александръ заключаетъ: «все это мы написали вамъ, чтобы никто изъ васъ не прищамалъ этихъ людей, преданныхъ анаемѣ, и не соглашался съ тѣмъ, что имъ пишется, или говорится: ибо они обманщики, все лгутъ, правды у нихъ нѣтъ. Они ходятъ по городамъ съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобы подъ видомъ дружества и подъ именемъ мира лицемерно и льстиво раздавать и получать письма и этими письмами утверждать въ заблужденіи обманутыхъ ими и утопающихъ во грѣхахъ женщинъ». Эти послѣднія слова даютъ намекъ на одну изъ тайныхъ силъ, участвовавшихъ въ первоначальномъ распространеніи нечестиваго ученія.

До сихъ поръ, благодаря тому, что кружокъ, въ которомъ действовали ариане, былъ довольно не широкъ, и ученіе ихъ извѣстно было только въ одной почти ихъ средѣ; дѣло объ Арианахъ не получало еще большой огласки и не возбуждало о себѣ особенныхъ толковъ; но «какъ скоро посланія Александровы разошлись были по всѣмъ городамъ, пишетъ Сокрытъ, зло еще болѣе увеличилось. Потому что, узнавъ написанное, многіе вступали въ состязаніе и одни соглашались съ посланіемъ, подписывали его, другіе дѣлали противное». Св. Афанасій Великій приводитъ отрывки изъ писемъ Афанасія еп. Аназарбскаго и Георгія Лаодикійскаго къ Александру еп. Александрийскому, въ которыхъ оба эти епископа укоряютъ Александра за то, что онъ исключилъ изъ церковнаго общенія Арія. «Почему порицаешь Аріявъ, писалъ Афанасій Аназарбскій, если говорить, что Сынъ Божій произведенъ изъ несущихъ какъ тварь и есть единая изъ всѣхъ тварей? Шедшу въ притчѣ подъ именемъ ста овецъ разугнѣются всѣ созданія, то и Сынъ есть одинъ изъ нихъ. Георгій Лаодикійскій писалъ: не порицай Аріявъ, если говорить: было, когда Сына Божія не было; ибо и Исая былъ сынъ Амосовъ, однакоже Амосъ былъ прежде нежели получилъ бытіе Исая».

(Ав. о соб. Ар. и Селевк., стр. 127—8). Особенно же враждебно расположение, по свидетельству Сократа, обнаружил Евсевий Никомидийский за то, что Александръ въ своемъ посланіи отзывался о немъ худо. Евсевій Никомидийскій, по свидетельству Сократа, непрестанно отправляетъ посланія то къ Александру, чтобы онъ прекратилъ начатый споръ и снова принялъ Арія въ церковь, то къ епископамъ городовъ, чтобы не соглашались съ Александромъ (Сокр. 1, 6). Евсевій этого, замѣчаетъ Сократъ, былъ тогда очень силенъ, поэтому многіе епископы слушались его. Приверженцы Евсевія, пишетъ Созоменъ (1, 13), въсколько разъ просившіе Александра и неудовлетворенные имъ, сочли себя обиженными и вознегодовавъ на него, еще ревностнѣе стали защищать ученіе Аріево. Они собрали даже соборъ въ Ввешніи и писали ко всѣмъ епископамъ, чтобы единомысленниковъ Арія, какъ людей правомыслящихъ, епископы принимали въ церковное общеніе и расположили къ тому же Александра; но такъ какъ Александръ не согласался, то Аріи и приверженцы его обратились къ Павлину еп. Тирскому, Евсевію Кесарійскому и Патрофулу Скиеопольскому съ просьбою, чтобы имъ позволено было собирать преданный имъ народъ, такъ какъ они прежде имѣли санъ пресвитеровъ^(а). Поманутые епископы, спешившіе съ другими епископами Палестины, согласились на прошеніе Аріанъ, позволили имъ собираться какъ прежде, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы они подчинались Александру. Но Аріи и сторонники его, воспользовавшись этимъ разрѣшеніемъ, не захотѣли исполнять условія, подъ которыми имъ позволено возвратиться въ Александрію; не захотѣли оказывать повинности епископу: отъ этого несогласіе, какъ естественно ожидать, не могло не продолжаться.

Ко времени пребыванія Арія въ Ввешніи, относятся въкорныя изъ его сочиненій, важныя въ исторіи Аріанства, какъ первоначальные источники свѣдѣній о лжеученіи Арія. Между

(а) Въ Александріи, по замѣчанію Созомена, былъ обычай, что пресвитеры подъ властью одного надъ всѣми епископа являлись особенными церквами и собирали въ нихъ народъ отдѣльно (1, 13).

этими произведеніями считаютъ: 1) письмо Арія къ Александру еп. Александрійскому. Управшая съ одной стороны друзей своихъ епископовъ о хозатайствѣ за него предъ Александромъ, Аріи и съ своей стороны старается какъбы вынудить у Александрійскаго епископа согласіе на принятіе его въ церковное общеніе, въ этихъ видахъ, т. е. чтобы сильнѣе подѣйствовать на Александра, Аріи старается разъяснить своему епископу, будто ученіе его, Арія, есть то же самое, какое проповѣдуетъ и епископъ Александрійскій, и будто это ученіе свое онъ, Аріи, заимствовалъ отъ Александра. «Вѣра наша, пишетъ Аріи въ письмѣ къ Александру, пріятая отъ предковъ, квою научились и отъ тебя, блаженный отецъ, такова: вѣдаемъ единого Бога, единого нерожденнаго, единого вѣчнаго, единого безначальнаго, единого истиннаго, единого имѣющаго безсмертіе, единого премудраго, единого благаго, единого властителя, всѣхъ судію, правителя, домостроителя, непреложнаго, неизмѣнимаго, праведнаго и благаго, Бога закона и пророковъ и новаго завѣта. Сей Богъ прежде временъ вѣчныхъ родилъ едиnorodнаго Сына, Которымъ Онъ сотворилъ и вѣки и всеселеня, родилъ же не мнимо, но дѣйствительно; собственнымъ изволеніемъ создалъ непреложную, неизмѣнимую тварь Божію, совершенную, но не какъ одну изъ тварей, рожденіе, но не какъ одно изъ рожденныхъ, не исторженіе — каково Отчее рожденіе по Валентинову, не единосуцную часть, каково Отчее рожденіе по изъясненію Манихей, не Сынъ-Отца, какъ наименовалъ Савелій, раздѣляя едипицу, не свѣтильникъ отъ свѣтильника, или свѣчицу раздѣленный на два, какъ говорилъ Иераскъ, и не прежде сущаго, въ послѣдствіи же рожденнаго, или возведеннаго въ Сына, какъ и самъ ты, блаженный отецъ среди перкви и на соборѣ многократно оуждалъ дающихъ сіи толкованія, — но, — какъ мы говоримъ, по волѣ Божіей прежде временъ и вѣковъ созданнаго, и живнъ и битіе пріившаго отъ Отца, Который даровалъ Ему вмѣстѣ и славу; Отецъ, дагъ Ему все въ наслѣдіе, не лишавъ Себя того, что имѣеть въ Себѣ не рожденнаго, потому что Онъ источникъ всего. Посему тричпостаси. И какъ Богъ, виновникъ всего, единственно безнача-

лось и на отношениях между сторонниками того и другого. Мало того, что предстоятели церкви раздѣлялись на разные стороны, и поражали друг друга словами, — теперь раздѣлился и самый народъ, склоняясь кто на ту, кто на другую сторону, и дѣло дошло до такой, какъ выражается Сократъ, нелѣпости, что надъ христианами стали смѣяться публично, также въ театрахъ (Ц. II. 1, 6.).

Слухъ объ арианскихъ преніяхъ, достигшихъ такого широкаго размѣра, дошелъ наконецъ до императора Константина Великаго; слухъ этотъ тѣмъ паче не могъ не дойти до императора, что Константинъ Великій около этого времени прибылъ (послѣ победы надъ Ликиніемъ) въ Никомидію, кафедральный городъ Евссіи, защитника Аріева. Нѣкоторые изъ писателей по Церковной исторіи (Гефеле т. 1, стр. 248 Müller, Athan 228), высказываютъ предположеніе, что первая свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ сообщены были императору стороною неблагопріятствовавшей православнымъ: предположеніе, можно сказать, вѣроятное, — но не больше; твердыхъ какихъ-либо оснований для этого предположенія указать нельзя. Къ принятію этого предположенія можетъ слювить одно только обстоятельство, именно то — почему императоръ обнаружилъ такой недостатокъ вниманія къ правой, православной сторонѣ, какой замѣтенъ во всемъ тонѣ его посланія къ Александру и Арію. Но это обстоятельство можетъ быть объяснено и тѣмъ, что Константинъ Великій хотѣлъ быть безпристрастнымъ къ той и другой сторонѣ. — Было ли предваряющее влияние на императора со стороны аріанъ или нѣтъ — во всякомъ случаѣ несомненно то, что отношенія императора къ той и другой сторонѣ казались безразличными. По взгляду императора въ возникшей споръ виновата была и та и другая сторона, и Арій и Александръ. Такой недостатокъ должнаго вниманія и благорасположенія къ сторонѣ православныхъ удобно изъясняется тѣмъ, что императоръ не могъ еще составить себѣ надлежащаго понятія о сущности дѣла: какъ видно по всему тону посланія императора къ Александру и Арію — императоръ съ перваго раза не составилъ себѣ отчетливаго представленія о сущности спора. То онъ представ-

ляетъ предметъ пренія между Александромъ и Аріемъ непостижимымъ по его величію и высотѣ и совѣтуетъ изъ уваженія къ его величію не прикасаться его. «Кто можетъ, пишетъ между прочимъ Константинъ Великій въ своемъ посланіи въ Александрію, обстоятельно узнать, или по надлежащему истолковать силу столь великихъ и столь трудныхъ предметовъ? Въ изысканіяхъ этого рода надобно удерживаться отъ многословія, чтобы или по слабости своего естества — не имѣя силы истолковать предложенный вопросъ, или по тупости слушателей не могли сообщить имъ яснаго понятія о высказанномъ ученіи, тѣмъ или другимъ образомъ не довести народа либо до богоухульства, либо до раскола» (гл. 69). То вдругъ представляется смуту, что на это дѣло обращено спорящими вниманія больше, чѣмъ сколько это дѣло заслуживаетъ: Константинъ нѣсколько разъ о предметѣ спора выражается, что «поводъ къ этимъ спорамъ весьма не значителенъ, что предметъ спора вовсе не стоитъ такого пренія»; называетъ предметъ спора «маловажнымъ и ничтожнымъ»; говоритъ, что предметъ сей не касается какаго-либо главнаго ученія въ законѣ, что это — мелочное и суетное словопрение; что подобные споры дѣло черни, и болѣе приличны дѣтскому неразумію, нежели вниманію людей священнаго и разумнаго». — Отъ этой-то неясности и неотчетливости представленій Константина Великаго о предметѣ спора между Аріемъ и Александромъ и происходило, что Константинъ не понималъ всей важности дѣла и не предполагалъ возможности того, что онъ приметъ такіе широкіе размѣры, какіе принялъ онъ въ послѣдствіи. На сей разъ Константинъ Великій находилъ наилучшимъ совѣтовать Александру и Арію оставить словопрение, — что если у нихъ есть несогласныя мнѣнія, то эти несогласныя мнѣнія «должны оставаться въ ихъ умѣ и храниться въ тайникѣ души». — Онъ думалъ, что для спокойствія Церкви (а оно же составляло и столь дорогое для Константина спокойствіе государства), что для спокойствія Церкви гораздо было бы выгодно оставить это дѣло въ томъ состояніи, въ какомъ оно было доселѣ, чѣмъ подвергать его преніямъ и обсужденіямъ. «Возвратитесь ко взаимному дру-

жеству и любви, убеждает Константина Александра и Ария, узнайте снова друг друга; по отложении вражды и по примирении, дружба чаще бывает тѣмъ пріятнѣе» (гл. 71). Для того чтобы съ большимъ успѣхомъ содѣйствовать столь желательному примиренію несогласныхъ, Константинъ Великій послалъ съ своимъ посланіемъ известнаго ему своимъ благочестіемъ, образованностію и своею ревностію о вѣрѣ—Осій, епископа Кордубскаго, — съ повелѣніемъ водворить миръ между враждовавшими (гл. 63). Но дѣло зашло уже такъ далеко, пишетъ отъ себя Евсевій, что его нельзя уже было остановить однимъ посланіемъ; ссора враждующихъ чрезвычайно усилилась: потокъ зла разлился по всемъ областямъ востока (кн. 2, гл. 73).

Что предпринималъ съ своей стороны маститый старецъ Кордубскій въ Александрію для примиренія спорившихъ, — не известно, — известно только, что пугешество Осія оказалось безуспѣшнымъ и императоръ вынужденнымъ нашелся передать это дѣло на обсужденіе вселенскаго собора. Весьма вѣроятнымъ представляется свидѣтельство Сульпіція Севера, что Никейскій соборъ созванъ былъ по внушенію Осія (auctore Osio) Sulp. Sev. hist. II, 55.

Подлинно достойное сожалѣнія обстоятельство, что мы ни отъ кого изъ тогдашнихъ современниковъ не имѣемъ полнаго описанія засѣданій и дѣяній Вселенскаго Никейскаго собора. Истреблены ли эти дѣянія аріанами, или во время самыхъ занятій собора не было обращено вниманія на составленіе протоколовъ—сказать съ рѣшительностію нельзя: наиболѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе послѣднее, т. е. что на самомъ соборѣ актовъ собора не составлено⁶⁾. Отъ этого недостатка несомнѣнныхъ свидѣтельствъ

(а) Въ предисловіи къ арабскому собранію (откр. въ XVI в.) церковныхъ правилъ говорится, что акты Никейскаго собора въ свое время писаны были, что они по обширности своей составили около 40 кн. и распространены были повсюду. Живисидоръ въ предисловіи къ своему собранію говоритъ, будто онъ отъ восточныхъ узналъ, что акты Никейскаго собора были обемѣстѣ чѣмъ 4 Евангелія. На Флорентійскомъ соборѣ одинъ защитникъ папства утверждалъ между прочимъ, будто бы еще Ава-

неносредственныхъ имѣть возможности изобразить въполнѣ внутреннюю, существенную сторону въ совѣщаніяхъ собора, передать содержаніе и свойство самыхъ разсужденій, какія имѣли между собою члены собора. Все несомнѣнно достоверны свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ, какія имѣемъ мы⁶⁾, кромѣ того что разсѣяны мелкими частіцами по разнымъ мѣстамъ, представляются по тому не вполнѣ удовлетворительными для изслѣдователя исторіи, что ограничиваются по большей части одною внѣшнею стороною дѣла. Поэтому-то для сужденія о характерѣ разсужденій и совѣщаній на соборѣ догматическихъ мы усматриваемъ необходимость обратиться между прочимъ и къ догматическимъ сочиненіямъ св. отцевъ, ближайшихъ ко времени Никейскаго собора, и между ними

нашій Великій спрашивалъ отъ папы Юлія неповрежденнаго списка дѣяній Никейскаго собора, жалуюсь, что всѣ списки восточные чуждаются Аріанами. Но всѣ эти сказанія не подтверждаются никакими достоверными свидѣтельными историческими. Въ частности, что касается до сказанія на св. Аванасія, то здѣсь допущена жалкая ошибка, если только не злонамѣренная ложь. Ни въ какомъ изъ своихъ писемъ св. Аванасій не спрашивалъ Рим. папу объ актахъ Никейскаго собора: рѣчь объ актахъ есть въ одномъ письмѣ св. Аванасія къ нѣкому Марку, но и это письмо не считается подлиннымъ (Гефеле, Concilgesch. I, стр. 249—50). Къ такимъ же не вполне достовернымъ источникамъ свѣдѣній о Никейскомъ соборѣ слѣдуетъ отнести и извѣстное сочиненіе Геласія, еп. Квилическаго въ Пропондидѣ, жившаго въ 5 вѣкѣ. Пользуясь съ одной стороны достоверными издачіями отчасти своего предшественника на кафедрѣ Дамаціи, отчасти церковныхъ историковъ (Евсевій, Сократа, Созомена), Геласій съ другой стороны и даже неизвѣстно откуда внесъ въ свою исторію нѣкоторые сказанія и недостоверныя, напр. о преніяхъ между отцами собора и ариософами. Что пренія между отцами собора и ариософами были, на это есть указанія и у достоверныхъ историковъ; но что пренія эти были тѣ же самыя, какъ приводятся у Геласія,—это подлежитъ сомнѣнію. Не мало у Геласія и др. предметовъ возбуждающихъ сомнѣніе.

(б) Такими несомнѣнными источниками для исторіи Никейскаго собора считаются: Символъ вѣры и 20 правилъ, постановленныхъ на Никейскомъ соборѣ, нѣкоторые указанія въ сочиненіяхъ св. Аванасія, какъ въ его письмахъ объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора, и посланіе къ Африкамъ: свидѣтельства церковныхъ историковъ: Евсевія, Сократа, Созомена, Феодорита, и Руфина.

по преимуществу къ догматическимъ сочиненіямъ святаго и великаго Аванасія Александрійскаго.

Прежде чѣмъ приступимъ къ внутренней сторонѣ совѣщаній соборныхъ, соберемъ, что осталось касательно вѣншей обстановки Никейскаго собора.

Понимая неблагопріятныя послѣдствія, могущія произойти отъ раздражительнаго раздѣленія членовъ церкви, и всячески желая эти послѣдствія предотвратить, императоръ, какъ усердно заботившійся о религіозномъ и политическомъ объединеніи всѣхъ своихъ подданныхъ, не жалѣлъ расходовъ, необходимыхъ къ достиженію предположенной имъ цѣли. По указу его всѣмъ епископамъ, собравшимся на соборъ (по согласному свидѣтельству церковныхъ историковъ числомъ 318) и даже свитѣ ихъ (которой по выраженію одного историка не было и числа) назначены были и прогоны и содержаніе изъ государственнаго казначейства. Къ назначенному дню ^(в) собрались въ Никею епископы отъ всего христіанскаго міра; въ частности Евсевій упоминаетъ о епископахъ изъ Сиріи, Киликіи, Финикіи, Аравіи, Палестины, Египта, Оливъ, Ливіи, Месопотаміи, Персіи, Сирии, Понта, Галатіи, Памфиліи, Каппадокіи, Азіи, Фригіи, Фракіи, Македоніи, Ахаіи, Епаріи, и наконецъ Испаніи. — «Не былъ только, замѣчаетъ Евсевій, по причинѣ своей старости, предстоятель царственаго города: а потому вмѣсто его присутствовали исполнявшіе его должность пресвитеры». Приглашенъ былъ въ Никею и главный виновникъ этого собранія Аріій (Ruf. hist. Eccles. I, 1).

Въ промежуткѣ между временемъ назначеннымъ для открытія собора по указу и между временемъ самаго открытія торжественнаго, къ которому долженствовали прибыть и самъ императоръ, происходили частныя совѣщанія и разсужденія между православными, аріанцами и философами, какъ объ этомъ свидѣлствуется Сократъ (I, 8) и Созоменъ (I, 17); въ это время неоднократно были приглашаемы епископами къ совѣщанію и Аріій, и здѣсь свободно излагалъ свое ученіе.

(в) О времени перваго Никейскаго собора см. ниже

Уже въ это время ясно было видно, что на сторонѣ Арія много было сторонниковъ, даже изъ епископовъ; Филоеторгій Аріанинъ пишетъ, что епископовъ державшихъ сторону Арія было 22, именно: шесть изъ Ливіи, 1 изъ Египта, 2 изъ Палестины, 2 изъ Финикіи, 3 изъ Киликіи, 3 изъ Каппадокіи, 2 изъ Понта, 3 изъ Влошии (L. I. с. 8). Руфинъ пишетъ, что ихъ было 17; Θεодоръ поименно исчисляетъ 10, именю: Евсевій Никомидійскій, Θεогигіусъ Никейскій, Марсъ Халкидонскій, Θεодоръ Ираклійскій (во Фракіи), Менофантъ Фессекій, Патрофілъ Савонопольскій, Наркиссъ изъ Киликіи, Θεона Мармарарскій, Секундъ Птолемаидскій (въ Египтѣ), Евсевій Кесарійскій. Множество было священниковъ и мірянъ, кои принимали участіе въ преніяхъ, одни стоя на сторонѣ Арія, другіе на сторонѣ православныхъ. На сторонѣ православныхъ особеннымъ одобреніемъ и уваженіемъ пользовался св. Аванасій, тогда еще діаконъ Александрійскій, и пресвитеръ константинопольскій Александръ, послѣ заступившій мѣсто своего престарѣлаго епископа (Сокр. I, 8). Всѣ эти частныя пренія были въ нѣкоторомъ смыслѣ частною подготовкою и первоначальной рѣшеніемъ торжественнымъ обсужденіемъ и окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла.

Когда наступилъ день, назначенный для разрѣшенія недоумѣній спорившихъ, по Созомену воскресный (1, 19): тогда всѣ приглашенныя въ собраніе вступили во внутреннюю палату царскаго дворца, гдѣ по обѣимъ сторонамъ разставлено было въ порядкѣ множество сѣдалищъ; занявъ каждый приличное ему мѣсто, — ожидая прибытія царя. Когда поданъ былъ знакъ, которымъ обыкновенно возбуждалось прибытіе царя, всѣ встали, царь вошелъ и вступилъ на среднюю собранія, когда подставили царю сдѣланное изъ золота кресло, онъ сѣлъ, но не прежде, какъ давъ знакъ садиться епископамъ. Послѣ царя всѣ такъ и поступили. Затѣмъ одинъ изъ епископовъ, занимавшій первое мѣсто съ правой стороны ^(в) (увы авторитетъ папскихъ легатовъ!) привѣтствовалъ

(в) Созоменъ говоритъ, что это Евсевій Кесарійскій; Θεодоръ, что Евстазіій Антокійскій. Θεодоръ Моисеевскій говоритъ, что Александръ Александрійскій; трудно согласиться съ Созоменомъ.

царя кратко рѣчь и вознесъ за него благодареніе Богу. Рѣчи этой Евсевій въ своей исторіи не приводитъ, но если согласиться съ бл. Феодоритомъ, что рѣчь передъ началомъ собора говорилъ Евстацій Антиохійскій, то рѣчь эта у Григорія пресвитера кесарійскаго (Combels Auctuar. I Стр. 555) представляется въ такомъ видѣ:

«Благовѣрнѣйшій государь! Благословенъ Богъ, избравшій тебя царемъ земли, рукою твоею истребившій идолопоклонство и водворившій чрезъ тебя въ сердцахъ вѣрующихъ миръ! Уже поправа власть духовъ злобы; апосторожены олтари многобожія; разсвѣтаетъ яракъ нечестія, и свѣтъ божественнаго ученія озаряетъ всю вселенную. Прославляется Отецъ, почитается и Сынъ, возбѣщается и Духъ Святый, Троица единосущная, единобожество въ трехъ лицахъ всюду проповѣдуется. На семь ученій, государь, утверждается величіе твоего благочестія. Сохрани его для насъ цѣлымъ и не нарушеннымъ, да никто изъ еретиковъ, принявъ въ церковь, не расточаетъ единства троицнаго Бога и не подвергаетъ нашей вѣры поруганію. Причиною же настоящаго собранія и разсужденій нашихъ неистовый Арій, который, принявъ служеніе пресвитера въ Александрійской церкви, оказался чуждымъ ученія блаженнѣйшихъ пророковъ и апостоловъ. Нбо едиnorodнаго Сына и Слово Отчее онъ не признаетъ единосущнымъ и равнымъ Отцу, и почитатель твари хочетъ сопричислять Творца къ творенію: повели государь, чтобы онъ, оставивъ свое заблужденіе, не возставалъ противъ ученія апостольскаго; или, если останется упорнымъ въ своемъ нечестивомъ мнѣніи, изгони его изъ общества православной церкви, да не колеблетъ онъ болѣе своими нечестивыми мнѣніями вѣры душъ слабыхъ».

Гефеле безъ всякихъ объясненій считаетъ эту рѣчь «весьма сомнительною» (4, 268). По нашему мнѣнію вопросъ о подлинности или неподлинности этой рѣчи долженъ стоять

чтобы рѣчь эту говорилъ самъ Евсевій; въ началѣ собора, когда еще не извѣстно было, чѣмъ кончится дѣло Арія, Евсевій едва ли бы могъ такъ сильно и рѣшительно выражаться о чуждыхъ, къ которому онъ питалъ некоторое время разнозаченіе

въ связи съ вопросомъ о томъ, кто говорилъ рѣчь передъ императоромъ. Если признать, что рѣчь говорилъ Евсевій, то она, безъ сомнѣнія, не могла быть произнесена имъ въ такомъ тонѣ; но если рѣчь передъ императоромъ провозносилъ Евстацій: въ такомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній подозрѣвать ее въ неподлинности.

На пріиствственную рѣчь представители собора императоръ съ своей стороны отвѣчалъ рѣчью же, въ которой изъявлялъ радость свою, что видитъ вокругъ себя собраніе столькихъ наставителей, и убѣждалъ ихъ къ единомыслию въ вѣрѣ. И въ этой рѣчи къ собору, такъ же какъ и въ приведенномъ нами выше посланіи къ Александру и Арію, Константинъ представляется намъ тѣмъ же, съ одной стороны многопочтительнымъ и вышнемъ и внутреннею миръ государста, для котораго нѣтъ ничего дороже, какъ видѣть подданныхъ своихъ въ единеніи политическомъ и религіозномъ, съ другой — человѣкомъ не твердыхъ и не опредѣлившимся еще убѣжденій. Онъ все еще какъ будто ищетъ истину, и до сихъ поръ, уже послѣ многихъ изысканій и совѣщаній предварительныхъ, все еще не осмѣливается произнести на виновниковъ раздора слово осужденія. Вотъ эта рѣчь Константина, какъ представляетъ ее Евсевій: «Цѣлю моего желанія, друзья мои, было насладиться созерцаніемъ вашего собранія. Достигнувъ этого, я благодарю Царя вѣснскихъ за то, что сверхъ другихъ безчисленныхъ благъ Онъ даровалъ мнѣ зрѣть и это лучшее изъ всѣхъ благо, — разумѣю то благо, что вижу всѣхъ насъ въ общемъ собраніи и что всѣ вы имѣете одинъ общій образъ мыслей. Итакъ да не возмущаетъ нашего благополучія никакой завистливый врагъ, и послѣ того, какъ силою Спасителя Бога богоборство тирасовъ совершенно низложено, да не порицаетъ божественнаго закона коварный демонъ: ибо внутренній раздоръ церкви для меня страшнѣе и тягостнѣе всякой войны и битвы; это печалитъ меня болѣе, чѣмъ все вышнее. Посему, когда волею и содѣйствіемъ Всеблагаго я одержалъ побѣду надъ врагами⁽¹⁾: то считалъ первымъ долгомъ воздать

(1) Разумѣется Ликиній съ его сообщниками.

благодарение Богу и сорадоваться тѣмъ, которыхъ Онъ освободилъ чрезъ меня. Потому узнавъ о вашемъ, совершенно неожиданномъ для меня несогласіи, я не оставилъ и этого безъ вниманія, но желая содѣйствіемъ своимъ уврачевать зло, немедленно собралъ всѣхъ васъ. Радуюсь, видя ваше собраніе, но думаю, что мои желанія тогда только исполнятся, когда я увижу, что вы всѣ оживлены единодушіемъ и блюдете одно общее, миролюбивое согласіе, которое вы, какъ посвященные Богу, должны возвѣщать и другамъ. Не медлите же, други, служители Божіи и благіе рабы общаго нашего Владыки—Спасителя; не медлите разсмотрѣть причины вашего раздора въ самомъ ихъ началѣ и рѣшить всѣ спорные вопросы мирными опредѣленіями. Чрезъ это вы совершите и дѣло угодное Богу и доставите величайшую радость мнѣ, вашему сослужителю» (Ев. ж. К. III, 12 въ рус. пер., стр. 177). Въ изложеніи обстоятельствъ происшедшаго этой рѣчи, какъ представляеть ихъ Евсевій, есть одно повидающему незначительное, но на самомъ дѣлѣ важное указаніе къ столь важному для латинявъ вопросу о предсѣдательствѣ на Никейскомъ соборѣ. Приведши рѣчь Константина, Евсевій между прочимъ замѣчаетъ: сказавъ это на римскомъ языкѣ, императоръ посредствомъ толмача передалъ свою рѣчь предсѣдательствовавшимъ на соборѣ. Еслибы на Никейскомъ соборѣ предсѣдателями были папскіе легаты, какъ утверждаютъ это латиняне, то императору не было нужды обращаться къ этимъ предсѣдательствовавшимъ при посредствѣ толмача. Но если онъ пользуется для передачи своей рѣчи толмачемъ, то это значитъ, что предсѣдательствовавшие на соборѣ были Греки, кои, весьма вѣроятно, не владѣли свободнымъ пониманіемъ рѣчи латинской.

Послѣ императорской рѣчи должны были начаться общія совѣщанія и разсужденія. Эти общія совѣщанія и разсужденія начались, по свидѣтельству Евсевія, взаимными обвиненіями и даже взаимными порицаніями. Евсевій не говоритъ самъ, въ чемъ состояли эти взаимныя обвиненія и порицанія; но по всей вѣроятности здѣсь разумѣются препирательства и обвиненія другъ друга между православными и арианами:

православные обвиняли въ еретичествѣ арианъ, ариане обвиняли православныхъ въ отступленіи отъ ученія Священнаго Писанія. Весьма дѣятельное, какъ видно, участіе въ примиреніи спорившихъ принималъ самъ императоръ; онъ всѣхъ выслушивалъ, какъ замѣчаетъ Евсевій, незлобиво, со вниманіемъ принималъ предложенія и разбирая въ частности сказанное тою и другою стороною, мало-по-малу примирялъ упорно состязавшихся. Кротко бесѣдуя съ каждымъ на эллинскомъ языкѣ, который равнымъ образомъ знали, царь былъ усладительно пріятенъ. Убѣждая однихъ, усвоившая словомъ другихъ, хвалилъ говорившихъ хорошо, и каждого склоняя къ единому слову, императоръ наконецъ согласилъ понятія и мнѣнія касательно спорныхъ предметовъ (Ж. К. III, 13). Евсевій въ своемъ изложеніи занятій членовъ Никейскаго собора не говоритъ ничего объ участіи, какое принималъ въ этихъ занятіяхъ Аріій; но Руфинъ въ своей исторіи (I, 2) замѣчаетъ, что въ засѣданія собора часто былъ приглашаемъ и Аріій; что въ присутствіи собора ему позволено было изложить свое ученіе, но что это ученіе Аріево до того оскорбляло православныхъ, что они даже заграждали свой слухъ. Члены собора внимательно разсуждали объ ученіи Арія, долго разсуждали о томъ, что нужно постановить и принять противъ него; несравненное большинство членовъ собора отвергло нечестивое ученіе Арія, и особенно рѣшительно высказались противъ этого нечестія исповѣдники (confessores). Но и теперь, даже въ открытомъ торжественномъ засѣданіи нашлись и сторонники Арію. Блаженный Теодоритъ называетъ ихъ по именамъ (имена ихъ приведены нами прежде), и говоритъ, что они даже письменно изложили и представили собору свое исповѣданіе вѣры, которое, по прочтеніи, всѣми названо было негоднымъ и тотчасъ разорвано (I, 7). Противъ защитниковъ Арія поднялся сильный ропотъ; всѣ начали обвинять ихъ въ измѣнѣ благочестію; они убоялись, и, вставъ, первые отлучили Арія. На сторонѣ Арія остались только двое изъ епископовъ—Секундъ Птолемаидскій и Теона Вармарискій. Изложивъ такимъ образомъ нечестивца, епископы съ общаго согласія начертали исповѣ-

даніе вѣры, сохраняемое и донынѣ въ церквахъ, и противъ тѣхъ, кто рѣшился бы противорѣчить изложенному въ символѣ ученію, именно противъ тѣхъ, кои рѣшились бы говорить, что было время, когда Сына не было, что Его не было до рожденія, что Онъ родился изъ несущаго, — кто сталъ бы утверждать, что Сынъ Божій существуетъ изъ иной Упостаси, или сотворенъ, или измѣняемъ, — изрekli отлученіе (Неод. 1, 7).

Прежде чѣмъ приступимъ къ дальѣйшему изложенію занятій и опредѣленій собора, считаемъ нужнымъ изложить нѣкоторыя подробности изъ исторіи составленія Никейскаго Символа вѣры.

Основаніемъ, на которомъ, такъ сказать, наздана была формула исповѣданія Никейскаго, послужило вѣроисповѣданіе церкви Кесарійской. Надобно предполагать, что шаткость вѣроисповѣданія Евсевія Кесарійскаго послужила для отцевъ собора поводомъ испытать его исповѣданіе. Евсевій Кесарійскій въ присутствіи собора прочиталъ исповѣданіе церкви Кесарійской, исповѣданіе, которое принялъ онъ отъ предшествовавшихъ ему епископовъ, которое читалось и при оглашеніи и при воспріятіи крещенія; это исповѣданіе читалось такъ: «Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго; и во единого Господа Иисуса Христа, Слово Божіе, въ Бога отъ Бога, въ Свѣтъ отъ Свѣта, въ Жизнь отъ Жизни, въ Сына едиnorodнаго, первожденного всей твари, Который прежде всѣхъ вѣковъ родился отъ Бога Отца, чрезъ Котораго все произошло, Который для нашего спасенія воплотился и пожилъ между людьми, и страдалъ и воскресъ въ третій день и восшелъ ко Отцу и придетъ опять во славу судить живыхъ и мертвыхъ. Вѣрую и во единого Духа Святаго. Вѣрую, что каждый изъ Нихъ есть и имѣетъ бытіе, что Отецъ истинно Отецъ, Сынъ — истинно Сынъ, Духъ Святой — истинно Духъ Святой; какъ и Господь нашъ, посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь сказалъ: *идите научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.*

Выслушавъ это изложеніе вѣры, изъясняетъ Евсевій, отцы

собора не нашли въ немъ повода къ противорѣчію, и даже самъ царь первый засвидѣтельствовалъ, что оно вѣрно, и что онъ самъ также мыслить, а потому повелѣлъ присоединиться къ нему всѣмъ, подписать эти догматы и бытіе въ согласіи съ ними, прибавивъ только слово: *единосущный* (4). Интересны также нѣкоторыя подробности, сообщаемыя свѣтымъ Аванасіемъ Великимъ о тѣхъ ухищреніяхъ и о той изворотливости, къ каковымъ прибѣгали во время совѣщаній на соборѣ сторонники Арія. Когда православные епископы, пишетъ св. Аванасій, желали истребить выдуманнны аріанами нечестивыя изреченія, т.-е. что *Сынъ изъ несущаго*, и другая, и написать то, что говорится въ писаніяхъ, именно, что Сынъ есть Единородный изъ Бога по естеству, что Онъ есть Слово, Сила, истинная Премудрость Отца, Богъ истинный, какъ сказалъ Іоаннъ, или сіяніе славы и образъ Упостаси Отчей, какъ написалъ Павелъ: тогда Евсевіане (отъ Евсевія Никомид.), увлекаясь собственнымъ злымъ ученіемъ, сказали другъ другу: согласимся; ибо и мы также изъ Бога: одинъ Богъ, изъ Негоже вся (1 Кор. 8, 6). Они ссылались и на то, что написано въ книгѣ Пастырѣ: «прежде всего вѣруй, что Богъ одинъ, что Онъ все сотворилъ, все устроилъ и привелъ изъ небытія въ бытіе». Епископы, видя хитрость ихъ нечестія, явѣе высказали, что значитъ изъ Бога, и написали, что Сынъ изъ сущности Божіей, а твари, хотя происходятъ изъ Бога же, но въ томъ смыслѣ, что онѣ существуютъ не изъ себя самихъ или не безъ причины, но имѣютъ начало своего происхожденія, между тѣмъ какъ Сынъ единъ собственно изъ существа Отчаго; ибо въ этомъ состоитъ особенность Единороднаго и истиннаго Слова Отчаго. Потомъ епископы опять спросили малочисленныхъ, повидимому, арианъ:

(4) По лукавымъ соображеніямъ и по хитрой изворотливости своей Евсевій не по всѣхъ пунктахъ точно обозначаетъ различіе Никейскаго исповѣданія отъ исповѣданія Кесарійской церкви. Будучи въ душѣ поударяниномъ, онъ опасался какъ бы не измѣнить сторонникамъ своимъ, но и какъ бы не пачебу на себя гнѣва императорскаго; оттого онъ такъ искусно (хотя и въ то же время и такъ фальшиво) объясняется въ своемъ посланіи. (См. посл. Евсевія къ церкви Кесар.)

называют ли они Сына не творениемъ, а Силою, единою природою и образомъ Отца, вѣчнымъ, ни въ чемъ совершенно не различающимся отъ Него и Богомъ истиннымъ? Евсевиане дали понять другъ другу мановеніемъ, что и это-де согласно съ нашимъ ученіемъ, ибо и мы называемся образомъ и славою Божіею (1 Кор. 11, 7). За насъ свидѣтельствуе не только то, что мы называемся присноимъ Богу, — Отъ (Христость) назвавъ насъ даже братьями. Поэтому если Сына называютъ Богомъ истиннымъ, это не печалитъ насъ; ибо содѣланный истиннымъ дѣйствительно истиненъ. Епископы, усмотрѣвъ коварство еретиковъ, собрали въ Нисейскія слова: *святѣ, источникъ, утѣха, образъ Упокоенія*, выраженіе: *азг и Отецъ едино есма* (Иоан. 3, 30), наконецъ ясно и кратко написали, что Сынъ единосущъ Отцу; ибо все вышесказанное заключаетъ въ себѣ этотъ именно смыслъ. Еретики возразили, что сихъ рѣченій вѣтъ въ Писаніи; но зная она только больше обличили себя; ибо и они выразили свое нечестіе словами написанными, поелику нигдѣ не написано: «изъ несущаго, или было ибкогда время, когда Сынъ не было». Но православные епископы не выдумывали словъ сами собою, замѣчаетъ святой Афанасій, а писали на основаніи отеческихъ свидѣтельствъ. Какъ видно, святой Афанасій разумѣлъ Дионисія еп. Римскаго и Дионисія же еп. Александрийскаго. Такимъ образомъ, заключаетъ св. Афанасій, Евсевиане, «крывая свою болѣзнь, изъ близости многочленного сына епископовъ, согласились съ составленнымъ на соборѣ изложеніемъ вѣры и подали пророческою обличенію. ибо въ нѣмъ то зывалъ Богъ всяческихъ: «приближаются Мнѣ люди сии усты своими; сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене»^(в) (Ис. 39, 13).

По согласному свидѣтельству древнихъ церковныхъ историковъ, особенно дѣятельное участіе принималъ и особенно замѣчательные успѣхи въ опроверженіи арианъ на соборѣ ока-

(в) Эта укоризна со стороны св. Афанасія на епископовъ подпавшихъ подъ опредѣленіемъ соборнымъ, вызвана, безъ сомнѣній, тѣмъ обстоятельствомъ, что многие изъ подписавшихъ изъ послѣдствій отказались, какъ увидимъ, отъ исповѣданія Никейскаго.

завъ святой Афанасій Великій. Въ то время, когда происходилъ Никейскій соборъ, святой Афанасій былъ еще только въ санѣ діакона; но вѣроятно, что образованность его въ православномъ вѣроученіи уже въ ту пору достигла полной зрѣлости; по этому мы по всей вѣроятности не погрѣшимъ, если за руководство для сужденій о дѣятельности св. Афанасія на соборѣ примемъ во вниманіе всѣ вообще догматическія сочиненія св. Афанасія, — не обрашая особеннаго вниманія на то, что большая часть изъ сочиненій сего св. мужа писана имъ въ санѣ арменискаго. Зѣтъ же еще одно замѣчаніе: многія изъ мыслей арианскихъ, опроверженіемъ коихъ занимается св. Афанасій, высказаны были арианами послѣ Никейскаго собора; по этому при изложеніи ученія св. Афанасія въ настоящемъ мѣстѣ мы займемся только тѣми изъ сужденій св. защитника православія, кои могли быть направлены противъ сужденій, высказанныхъ первыми виновниками арианства.

Первымъ пунктомъ въ джеученіи арианъ, — пунктомъ, изъ котораго они послѣдовательно выводили всѣ прочіе, было ученіе о томъ, что Сынъ Божій сотворенъ изъ ничего и имѣетъ начало своего бытія. Это богохульное ученіе св. Афанасія обличалъ съ безиритornoю, неоправданою дѣятельностію. — «Сынъ Божій, или Слово, по мнѣнію арианъ, есть твореніе, назначенное творить всѣ прочія твари». Но такое творящее твореніе, по разсужденію св. Афанасія, заключаетъ противорѣчіе въ самомъ себѣ. Какъ твореніе, и оно само должно принадлежать въ числу тварей и слѣдовательно, подъ именемъ всего состава творенія надобно разумѣть, и Его. Но Слово Божіе говоритъ намъ: «вся яже Отецъ творить, — сія и Сынъ тажежде творить» (Иоан. 5, 19); что творить Отецъ, то творить и Сынъ, творимое Отцемъ — творится и Сыномъ; итакъ что же? Слѣдуетъ, что или Сынъ творить Самаго Себя, есть Самъ Свой творецъ, или — творя дѣла Отца — Онъ Самъ не есть твореніе. Да и какъ возможно, чтобы существо сотворенное изъ ничего возвало несущее изъ небытія въ бытіе? Творишь несвоейлично твари, какъ бы высока ни была она по своему достоинству; а приписывать какой-либо одной изъ тварей способность творить значить приписывать ее

всѣмъ; но этого быть не можетъ. Общій законъ: существа сотворенныя, конечныя, не могутъ творить; самые ангелы не могутъ творить, потому что они сотворены (развѣ согласитесь съ еретиками: Валентиномъ, Маркиономъ, Василидомъ?). Существа конечныя могутъ только измѣнять, разнообразить, давать различныя формы вещамъ уже существующимъ: но творить изъ ничего—не ихъ дѣло. Слѣдовательно одно изъ двухъ: или Сынъ Божій—тварь, и тогда Онъ не можетъ творить въ собственномъ смыслѣ сего слова, творить изъ ничего,—или Онъ творитъ (а это подтверждается Писаниемъ), тогда Онъ не принадлежитъ къ числу тварей⁽⁶⁾.

Другимъ, часто употреблявшимся выраженіемъ у арианъ о Сынѣ Божіемъ было: *ἦν πρὸτε, ἔτε οὐκ ἦν*—было время, когда Его не было; Богъ Отецъ не всегда былъ Отцемъ; но сдѣлался Отцемъ въ послѣдствіи, когда получилъ бытіе Сынъ.—Для опроверженія этого софизма св. Афанасій обращается къ анализу итальскаго слова *отецъ*: съ именемъ отца, по толкованію св. Афанасія, необходимо соединяется мысль о дѣйствительномъ бытіи сына, происшедшаго отъ родившаго. «Художникъ, замѣчаетъ св. Афанасій, можетъ быть названъ художникомъ и тогда, когда еще не явились его произведенія, но никто не можетъ ни быти, ни называться отцемъ, когда у него нѣтъ сына. Быть отцемъ значитъ не имѣть только возможности родить, иначе всякій изъ людей могъ бы назваться отцемъ,—но значить уже на самомъ дѣлѣ имѣть у себя сына, такъ что если кому приписывается наименованіе отца, то симъ выражается дѣйствительное бытіе сына: называющій кого отцемъ—съ тѣмъ вмѣстѣ указываетъ на бытіе сына». «Перенося сіи понятія объ отцѣствѣ къ Существому Высочайшему и разумія ихъ богоприлично, мы должны будемъ, говоритъ св. Афанасій, сдѣлать такое заключеніе: если бытъ отцемъ значитъ дѣйствительно имѣть сына, то у Отца по природѣ своей вѣчнаго и неизмѣняемаго не можетъ быти и Сына—не вѣчнаго. Людямъ свойственно родить во времени, по несовершенству ихъ природы, но рожденіе Божіе вѣчно, по-

тому что природа Божественная всегда въ высочайшей степени совершенна. Если бытъ отцемъ значитъ имѣть рожденнаго изъ своей природы или сущности, то у Бога Отца, вѣчнаго по существу Своему, вѣчно былъ и есть Сынъ, исходящій изъ собственной Его природы, или, что тоже, ему единосущный». Къ тому же заключенію приводитъ св. Афанасій посредствомъ анализа слова *сынъ*. «Сынъ есть не что иное, какъ то, что рождается отъ отца; ибо кто слыша названіе сына въ то же время не разумѣетъ чего-то собственнаго существу отца? Сынъ тѣмъ и отличается отъ всякой другой собственности отца, что онъ носитъ въ себѣ природу того, отъ котораго онъ получилъ начало своего бытія; всѣ прочія вещи, которыя не называются именемъ сыновъ, чужды природы отца. Что находится внѣ меня, и чуждо мнѣ, то есть моя собственность, или мое твореніе (например, домъ или другая вещь) и отъ меня можетъ перейти къ другому; а сынъ отъ меня происходитъ, есть собственное и точное подобіе моего существа, не чуждое мнѣ произведеніе, но мое рожденіе; я весь въ немъ, самъ оставаясь впрочемъ тѣмъ же, чѣмъ и былъ. Сынъ можетъ называться и дѣйствительно быти сыномъ только въ такомъ случаѣ, если онъ одной природы или одного существа со отцемъ своимъ: сынъ таковъ, каковъ отецъ, отъ котораго онъ естественно родился. Это собственность сына по отношенію къ отцу, по которой и отецъ называется собственнымъ его отцемъ; иначе почему онъ и сынъ, если не изъ него, т. е. отъ отца, или изъ сущности отца имѣетъ начало своего бытія?»

«Родить, рассуждаетъ святитель въ другомъ мѣстѣ, значитъ дѣлать кого-либо причастникомъ себя самого; родиться значитъ получать или имѣть причастіе въ комъ-либо. Богъ Отецъ рождаетъ; слѣдовательно есть существо, которое причастно Ему. Сынъ рождается отъ Него; слѣдовательно Онъ причастенъ Богу Отцу. Такое причастіе одного божескаго лица въ отношеніи къ другому можетъ быть дѣйствительнымъ и полнымъ не иначе, какъ если оно состоитъ во взаимномъ причастіи, совершенномъ подобіи или тождествѣ самаго естества ихъ, однимъ словомъ, если Богъ Отецъ

(6) Противъ арианъ сл. II, III, IV; обх опредѣл. Ник. соб. гл. II.

в Сынъ Божій единосущны другъ другу. Пбо представите, продолжаетъ святитель, что Сынъ причастенъ Богу не самою природою своею, а какъ-нибудь иначе, то выйдетъ во 1-хъ, что Сынъ причастенъ не самому Богу, по чему-то постороннему, воображаемому въ природы божественной; если же это вѣ-что чуждо природѣ Отца, то Сынъ причастенъ уже не Отцу, а тому, что въ Отца, и поему находится не непосредственно при Отцѣ, но между Нимъ и Отцемъ есть вѣчто третье, следовательно Онъ и не Сынъ Отца въ собственномъ смыслѣ, а Сынъ того третьяго, чему онъ причастенъ, во 2-хъ выйдетъ, что у Отца вѣтъ никого, кто былъ бы причастенъ Ему Самому. Если Сынъ не есть Сынъ въ собственномъ смыслѣ сего слова, то пусть назовутъ Его творениемъ и припишутъ Ему все, обыкновенно приписываемое тварямъ, пусть не называютъ Его одного Сыномъ, Словомъ и Премудростію.»

Препираясь съ противниками своими на попрѣцѣ діалектики, св. Аванасій главною основою для себя, главнымъ камнемъ прибѣжища неуклонно считалъ для себя ученіе Св. Писанія. Въ доказательствахъ изъ Св. Писанія у св. Аванасія замѣтно близкое сходство уже съ видѣнными нами приемами Алексавдра еп. Александрійскаго; но и здѣсь св. Аванасій не преминулъ оставить печать своего глубокаго мышления, своей неподражаемой оригинальности. Мы приведемъ нѣсколько изъ разсужденій св. Аванасія, построенныхъ на этомъ не позыблемомъ основаніи. Оставляя вниманіе свое на словахъ св. Ап. Павла объ Иисусѣ Христѣ: «Иже сый сїяніе славы, и образъ Упостаси Его» (Евр. 1, 3); «Иже во образѣ Божій сый, не восхитивъ сѣбѣ нищеза быти равенъ Богу» (Фил. 2, 6); «Иже есть образъ Бога невидимаго» (Кол. 1, 15), святій Аванасій разсуждаетъ: «Истиннымъ образомъ Бога Отца не можетъ быть какое-нибудь вѣтшее изображеніе, чуждое природѣ Божественной, или приближающееся къ ней однимъ слабымъ подобіемъ, но такимъ образомъ можетъ быть лишь Тотъ, Кого рождаеть Самъ Отецъ, въ Комъ созерцающая Себя Самаго, Онъ радуется, по словамъ Писанія: *Азъ блжхъ, о нейже (премудрости) радовашися* (Првт. 8; 30). Когда же Богъ не созерцалъ себя въ своемъ образѣ, когда Онъ

имъ не радовался? Следовательно дерзко говорить, будто образа Божія когда либо не было... П опять, какъ Творецъ и Создатель можетъ созерцать Себя въ существѣ сотворенномъ и созданномъ? Образъ долженъ быть таковъ, каковъ и первообразъ Отецъ Его». — Далѣе перечисляя различныя имена, свойства и дѣйствія Бога Отца (Онъ вѣченъ, безсмертенъ, всемогущъ, Свѣтъ, Царь, Владыка, Богъ, Господь, Творецъ, Промыслитель), — св. Аванасій говоритъ: «все это должно быть и въ Образѣ Божіемъ, дабы Ему повстинѣ и вполне можно было сказать: *видѣмый Моею, видѣть Отца*». — «Сыну, разсуждаетъ святій Аванасій въ другомъ мѣстѣ, приписываются въ Св. Писаніи всѣ наименованія, усвоаемыя Богу Отцу, кромѣ одного имени Отца. Такъ Онъ называется Богомъ (Іоан. 1, 1), благословеннымъ во вѣки (Рим. 9, 5), Богомъ истиннымъ, Вседержителемъ, Который былъ есть и будетъ (Іоан. 17, 3. Апок. 1, 8), Господомъ (1 Кор. 8, 6. Іоан. 20, 28), Свѣтомъ (Іоан. 8, 12), Истиною, Жизнію (Іоан. 14, 6). Самое свойство сихъ именъ, рѣшительный токъ, съ каковымъ они высказаны, и снесеніе съ именами Бога Отца (Быт. 19, 24. Втор. 6, 4. Пс. 49, 1 и др.) достаточно ручаются за то, какъ мы должны почитать ихъ. «Это, замѣчаетъ великій учитель, сдѣлано въ Св. Писаніи для того, дабы всякій, слыша о Сынѣ тоже, что сказано и объ Отцѣ, тотъ часть видѣть Отца въ Сынѣ и Сына равнымъ образомъ созерцалъ въ Отцѣ, потому что тому и другому приписывается совершенно одно и тоже. Почему же принадлежащее Отцу усвоается Сыну какъ не потому, что послѣдній рожденъ отъ перваго? Почему и все сыновнее принадлежитъ Отцу, если не потому, что первый рожденъ отъ послѣдняго по естеству? Именно по этой и по одной этой причинѣ справедливо сказано: *всѣ твои мои суть и моя твои* (Іоан. 16, 15; 17, 10)». — Но у насъ не достало бы времени, еслибы мы стали подробно изображать здѣсь все разнообразіе приемовъ св. Аванасія въ опроверженіи зріанъ: надобно самимъ читать эти безсмертныя творенія, чтобы основательнѣе познакомиться съ этими столпами православія.

Дѣйствіемъ себѣ-то неумалимой, всеокружающей діалекти

ни св. Аванасія, мудрою разсудительностію многихъ другихъ ревнителей православія ^(а), присутствовавшихъ на соборѣ, навпаче же всемогущимъ содѣйствіемъ божественной силы благодатной, явившей даже видимымъ разнообразнымъ способомъ свое вспомоцествованіе православнымъ, — съѣзъ арианскаго лжеученія оказался проторгуютою отвѣдою, всѣ разсужденія арианскія были изобличены, всѣ аргументы еретиковъ поразрушены. Ариане, какъ изобличенные въ богохульствѣ, преданы авасемъ, самъ Арій и сообщники его присуждены были къ ссылке, сочиненія арианъ преданы были огню; имѣть у себя сочиненія арианъ запрещено подъ страхомъ наказанія; для внушенія большаго презрѣнія къ арианамъ, имъ усвоено ненавистное наименованіе «Порофиріане» — отъ имени злостнаго явчанина писавшаго сочиненія противъ божественности вѣры христіанской: такъ Божіимъ содѣйствіемъ нечестивая ересь посрамлена, вѣра же православная восторжествовала!

Къ сожалѣнію, до полнаго наслажденія торжествомъ въ самой дѣйствительности православію суждено было еще пройти — поистинѣ можно сказать — седмицею разжегнную печь искушенія. Опредѣленія Никейскаго собора относительно вѣроисповѣданія члена о Сынѣ Божіемъ вскорѣ же послѣ собора, по стеченію различныхъ обстоятельствъ, подверглись различнымъ пререканіямъ, защитники сихъ опредѣленій — различнымъ злостраданіямъ.... Но оставляя исторію сихъ пререканій и злостраданій до времени послѣдующаго, въ настоящемъ случаѣ для большаго порядка займемся обзорніемъ другихъ распоряженій Никейскаго собора.

Послѣ того какъ составлены были опредѣленія касательно Арія, и сторонниковъ его ученія, соборъ приступилъ къ разсмотрѣнію вопроса о празднованіи Пасхи. Вопросъ этотъ столь важный въ церковной практикѣ, сильно занималъ въ то время многихъ, и особенно, какъ видно, императора; а потому императоръ и предложилъ его на разсмотрѣніе соборное. Несогласіе между церквами Восточными и Западными въ раз-

(а) Особенно крѣпко ратовали за православіе, по замѣчанію Руфина, исповѣдники (Ref. hist. Eccl. I, 2).

сужденіи празднованія Пасхи началось еще со втораго вѣка; несмотря на различныя попытки къ устраниенію сего несогласія ^(а), оно продолжалось и въ третьемъ и, какъ видно по памятникамъ оставшимся отъ времени Никейскаго собора — не устраниено было и къ началу четвертаго. Какъ видно, — въ всѣхъ разсужденіяхъ относившихся къ этому предмету, главнымъ предметомъ разногласія — было собственно время празднованія Пасхи. Восточные христіане, какъ еще во время св. Поликарпа и Поликрата Ефесскаго, такъ и теперь — въ началѣ 4-го вѣка держались обычая праздновать христіанскую Пасху въ то же время, какъ Евреи праздновали Пасху іудейскую. Какъ у Евреевъ праздникъ Пасхи всегда начинался 14 ч. мѣсяца Нисана, такъ и христіане Церкви Восточной всегда праздновали свою Пасху въ тотъ же день, когда приходилась Пасха іудейская, — не обращая вниманія на то, будетъ ли то первый, или второй, или пятый, или какой другой день недѣли. Въ основанія свои христіане сіи приводили такіа разсужденія: Иисусъ Христосъ праздновалъ съ учениками Своими Пасху во время праздника іудейскаго; и послѣдователи Его не могутъ считать себя свободными отъ обязанности подражать этому примѣру; ближайшій ученикъ и наперникъ Христовъ, св. Іоаннъ, указалъ христіанамъ такъ именно праздновать Пасху, и преданіе его вѣрно хранится въ Церкви ефесской. Съ теченіемъ времени въ защиту этого празднованія начали приводить и другія доказательства. Такъ когда восточнымъ христіанамъ доказывали, что 14-го Нисана Христосъ Спаситель не могъ совершить пасхи еврейской, потому что Онъ въ это время пострадалъ, то христіане восточные, съ одной стороны не будучи въ состояніи представить какое нибудь опроверженіе противъ этого нападенія на нихъ, но съ другой — не желая отказаться и отъ своей прежней практики, начали отстаивать свой обычай на другихъ основаніяхъ; они именно разсужда-

(а) Въ видахъ устраниенія несогласія во времени празднованія Пасхи еще въ третьемъ вѣкѣ составлены были пасхальныя исчисленія, какъ напр. Дионисіево, Анатоліево, Ипполитово; 1-е опредѣляло время празднованія Пасхи на 8 лѣтъ, 2-е на 19, 3-е на 119 лѣтъ.

ли: ежели Спаситель 14-го Нисана уже преданъ былъ на страданія, то ученикамъ Его прилично и необходимо праздновать день Его страданій, какъ день искупленія; вслѣдствіе сего въ день страданій Спасителя учреждена была пасхальная вечеря—литургія—съ вечернею любви. Если примемъ во вниманіе, что въ восточныхъ церквяхъ большинство вѣрующихъ было изъ Іудеевъ, для которыхъ особенно дорого было если не полное сохраненіе, по крайней мѣрѣ воспоминаваніе праздника чревяго, започѣданнаго еще Моисеемъ, то поймемъ силу ощущенія, съ какою закрепили эту практику державшіеся обычая восточнаго. На Западѣ гдѣ большинство вѣрующихъ было изъ язычниковъ, такая подражательность послѣдованію іудейскому не могла встрѣтить себѣ большаго сочувствія. Между тѣмъ какъ восточные христіане для празднованія пасхи старались высчитывать собственно 14-е Нисана,—въ какой бы день недѣли оно ни приходилось, и въ этотъ день именно праздновали пасху,—на Западѣ—съ раннихъ поръ замѣтно старались высчитывать, когда приходится день собственно воскресенія Христова, здѣсь на 14-е Нисана обращали вниманіе не потому, чтобы этотъ день поставляли днемъ празднованія, а потому, что при посредствѣ его удобно было опредѣлить день Воскресенія Христова, и этотъ послѣдній день—день Воскресенія Христова, послѣ 14-го Нисана—поставляли днемъ празднованія: такъ было еще при епископѣ Римскомъ Викторѣ, такъ поступали и предъ временемъ вселенскаго собора. Но той причинѣ, что христіане тѣхъ и другихъ странъ изыскивали для празднованія пасхи не одинъ и тотъ же день, и не однимъ и тѣмъ же путемъ (Іудей, и за ними христіане, державшіеся восточнаго обычая въ празднованіи пасхи считали время по лунному году и по луннымъ мѣсяцамъ), между тѣми и другими происходила такая разногласія, что одни уже оканчивали свой праздникъ пасхи, между тѣмъ какъ другіе его еще не начинали; не удивительно, что у восточныхъ происходили, какъ обличаетъ св. Константинъ Великій въ своемъ посланіи, и такого рода совпаденія времени, что имъ приходилось въ одномъ и томъ же году праздновать пасху два раза. Какъ это могло происходить,—

это объясняется слѣдующимъ соображеніемъ: Іудеи считали свой мѣсяць отъ одного новолунія до слѣдующаго; 12 такихъ мѣсяцевъ составляють 355 дней; поэтому обыкновенный годъ у Іудеевъ былъ на 10 дней меньше солнечнаго года. Для того, чтобы начало года приходилось около времени весенняго равноденствія, они черезъ нѣсколько лѣтъ прибавляли къ 12 мѣсяцамъ 13-й; это дѣлалось по рѣшенію великаго синодіона Іерусалимскаго. Но такъ какъ до половины 4-го вѣка синодіонъ въ этомъ дѣлѣ руководствовался не одними астрономическими вычисленіями, но и разными случайными обстоятельствами, напр. можно ли ожидать, что въ праздникъ Пасхи успеетъ жатва и установится хорошая дорога для пѣльжающихъ въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи, то въ нѣкоторые годы могло случиться, что первый мѣсяць года (Нисанъ) начинался у Іудеевъ раньше, чѣмъ за 14 дней до весенняго равноденствія, такъ что праздникъ Пасхи приходился прежде весенняго равноденствія. Такимъ образомъ могло случиться, что въ промежуткѣ времени отъ одного весенняго равноденствія до другаго, г. е. въ продолженіи одного солнечнаго года Іудеи (а за ними и восточные христіане) праздновали Пасху два раза. Это и подало Константину Великому поводъ обличать восточныхъ, что они празднуютъ Пасху два раза въ одномъ году. Для устраненія сихъ-то и подобныхъ разногласій и столкновеній Вселенскій соборъ вошелъ въ разсужденіе о празднованіи Пасхи и послѣ обстоятельнаго изслѣдованія постановилъ, чтобы всѣ христіане праздновали Пасху въ одно время, именно: въ первый воскресный день, слѣдующій за полнолуніемъ, которое бываетъ или въ самый день весенняго равноденствія, или послѣ него. Въ правилахъ свои Вселенскій соборъ этого постановленія не включилъ по всей вѣроятности съ тою цѣлію, чтобы строгію опредѣленія соборнаго не стѣснить тѣхъ, кои привыкли праздновать пасху по другому обычаю; но что опредѣленіе такое состоялось на соборѣ, это мы несомнѣнно знаемъ изъ другихъ памятниковъ соприкосновенныхъ съ исторією 1-го Вселенскаго собора, именно изъ окружнаго посланія, которое разослано было отъ лица императора по всѣмъ церквамъ,

и другого посланія отъ собора къ епископамъ, неучаствовавшимъ на соборѣ. — Замѣчательныя въотворе изъ аргументовъ, кои приводитъ императоръ въ оправданіе соборнаго постановленія о празднованіи Пасхи. Выразивъ свое удовольствіе по тому поводу, что на соборѣ состоялось приведенное нами постановленіе, св. Константинъ Великій объясняетъ, по какимъ соображеніямъ соборъ пришелъ къ такому постановленію: «прежде всего показалось неприличнымъ, замѣчаетъ императоръ, праздновать сей святѣйшій праздникъ по обыкновенію Іудеевъ, которые, окрестивъ руки незаконнымъ поступкомъ, какъ нечестыя, справедливо наказаны душевною слѣпотою. Отвергнувъ ихъ обыкновение, гораздо лучше будетъ тѣмъ же истиннымъ порядкомъ, который мы соблюдали съ самаго перваго дня страстей до настоящаго времени—образъ этого празднованія продолжать и на будущіе вѣки. Пусть не будетъ у насъ ничего общаго съ враждебнымъ народомъ іудейскимъ: потому что намъ указавъ Спасителемъ другой путь, предъ нами лежитъ поприще соответствующее священнѣйшей нашей вѣрѣ и пр.» (Ев. о Ж. К. кн. 3. гл. 18, стр. 181). «Да размыслитъ, продолжаетъ императоръ въсегольню послѣ, да размыслитъ благоразуміе вашего преподобія еще и о томъ, какъ худо и неприлично то, что въ извѣстное время одни соблюдаютъ постъ, а другіе совершаютъ пиры, и послѣ дней Пасхи одни проводятъ время въ празднованіи и покоѣ, а другіе держатъ положенныя посты^(а). Посему Божественный промыселъ благоволилъ, чтобы это надлежащимъ образомъ было исправлено, приведено къ одному порядку, на что, думаю, всѣ согласятся» (тамъ же). Всѣдствие всѣхъ такихъ соображеній, по согласному сужденію членовъ собора опредѣлено было, чтобы на будущее время христіане Александрійской церкви (такъ

(а) Это послѣднее относится къ державшимся обычаямъ восточнаго; такъ какъ для нихъ особенное значеніе въ праздникѣ Пасхи имѣло воспоминаніе собственно страданій Спасителя, то они и праздновали этотъ день страданій: совершали литургію и устроили вечерю любви; послѣ сего праздника опять принимались за постъ до воскресенія Спасителя.

какъ члены этой церкви отличались познаніями астрономическими) высчитывали время для празднованія Пасхи, представляя свои соображенія къ свѣдѣнію церкви Римской и за тѣмъ это время объявлялось для всеобщаго празднованія по всѣмъ церквамъ (Prolog. paschalis Cyril alex.). Но благочестивое желаніе императора ввести повсюду единовременное празднованіе Пасхи по разнымъ причинамъ не получило себѣ удовлетворенія. Потому ли, что Александрійская Церковь не представляла своихъ расчисленій на усмотрѣніе Римской, или потому, что Римская не уважила расчисленій Александрійской, только въ ближайшій же къ 325 году годъ 326-й и та и другая церкви праздновали Пасху не въ одно время (Ideler II, 253). Съ теченіемъ времени разногласіе становилось все болѣе и болѣе рѣзкимъ и къ 387 году дошло до того, что въ Римской церкви праздновали пасху 21 марта, въ Александрійской 5-ю недѣлями позже, 25 апрѣля. Императоръ Феодосій Великій спрашивалъ у Феодила еп. Александрійскаго объясненія сего разногласія; Феодилъ представлялъ императору пасхальную таблицу, отъ которой до насъ сохранился только прологъ (Ideler II, 254). Св. Кириллъ Александрійскій сократилъ пасхальную таблицу своего дяди и составилъ таблицу для опредѣленія дня Пасхи на 95 лѣтъ; въ одномъ изъ своихъ писемъ къ папѣ св. Кириллъ доказывалъ погрѣшительность расчисленія пасхальнаго дня, принятаго въ Римской церкви. Римская церковь согласилась на расчисленія Александрійскія, но и опять не надолго. Скоро разногласія возникли опять и несмотря на различныя попытки къ устраненію ихъ продолжались и продолжаютъ доселѣ. Не вдаваясь въ подробныя изысканія всѣхъ причинъ, отъ коихъ происходило разногласіе въ празднованіи Пасхи между Восточною церковью и Западною, замѣтимъ вкратцѣ о причинахъ главнѣйшихъ. Между семи главнѣйшими причинами разногласія были слѣдующія: 1) По счисленію Римской церкви пасхальное полнолуніе приходилось раньше, чѣмъ по счисленію Александрійской; 2) днемъ всеягого равноденствія въ Римской церкви считали 18 марта, въ Александрійской 21-е; 3) въ тотъ годъ, когда полнолуніе приходилось въ субботу,

на Востокъ въ слѣдующее же воскресенье праздновали Пасху, между тѣмъ западные откладывали ее до слѣдующей недѣли; 4) если пасхальное пололуніе приходилось между 18 и 21 марта, то на Западъ принимали его за пасхальное и праздновали Пасху; между тѣмъ восточные переносили празднованіе на цѣлый мѣсяцъ дальше. Всѣ эти причины съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ дѣйствують и теперь, обуславливая собою различіе между Восточнымъ празднованіемъ Пасхи и Западнымъ.

Послѣ того какъ составлено было опредѣленіе касательно празднованія Пасхи, соборъ приступилъ къ рассмотрѣнію дѣла о Мелетіи, епископѣ Ликопольскомъ, въ Оивайдѣ. И по этому предмету, такъ же какъ и въ разсужденіи празднованія Пасхи опредѣленій своихъ Вселенскій соборъ не выключилъ въ общеобязательныя правила, весьма вѣроятно, потому, что опредѣленія о Мелетіи, въ разсужденіи коего были приняты въ соображеніе нѣкоторыя ⁽⁶⁾ исключительныя обстоятельства, не могли быть приложимы ко всемъ подобнымъ случаямъ. О постановленіи собора касательно Мелетіи мы знаемъ уже изъ посланія собора къ Церкви Александрійской ⁽⁷⁾. Такъ какъ въ этомъ посланіи свидѣній о сущности вины Мелетіи не сообщается, сообщается же только сущность постановленія соборнаго о Мелетіи, отъ чего дѣло представляется недостаточно яснымъ, то намъ, для болѣе нагляднаго представленія объ этомъ предметѣ открываеся необходимость обратиться къ другимъ источникамъ. Между самыя вѣсочивыя достоверныхъ ⁽⁸⁾ свидѣній о Мелетіи считаются прежде всего памятники открытые въ прошедшемъ столѣтіи (1738 г.) ученымъ италіицемъ Маффеямъ, и изданные какъ самимъ Ма-

(6) Что въ разсужденіи Мелетіи приняты были въ соображеніе особенныя обстоятельства, это видно какъ изъ опредѣленій собора (сохранившихся для насъ въ посланіи, писанномъ послѣ собора), такъ и особенно изъ свидѣтельствъ снутаго Аванаса.

(7) Собр. 1, 9; Феодор. 1, 9.

(8) Не безъ особеннаго намѣренія употреблены здѣсь словодостоверныхъ; сообщаетъ свидѣнія о Мелетіи еп. Епископъ — но съ примѣсною недостаточнаго и несогласнаго съ подлинными указаніями историческими.

феемъ, такъ и извѣстнымъ собрателемъ древнихъ памятниковъ, Рутомъ (Reliquiae sacrae t. III p. 384. 599). Памятники эти дошли до насъ на латинскомъ языкѣ, но, очевидно, въ переводѣ съ греческаго; подлинность этихъ памятниковъ не подвергалась сомнѣнію, и важность ихъ для исторіи признана всеми учеными, занимавшимися излагаемымъ нами здѣсь предметомъ. Къ этимъ памятникамъ принадлежитъ во-первыхъ письмо къ Мелетію четырехъ епископовъ египетскихъ: Исихіи, Пахомія, Теодора и Филея, писанное во время гоненія Діоклетіанова изъ темницы, прежде нежели Мелетій совершенно отдѣлился отъ Церкви. Въ этомъ письмѣ своею къ Мелетію поименованныя епископы пишутъ: «что съ нѣкотораго времени до нихъ стали приходиться невѣроятныя слухи о Мелетіи, будто онъ нарушаетъ божественныя установленія и церковныя правила. Въ послѣднее время эти слухи подтверждаются великимъ числомъ свидѣтелей, и это обстоятельство побуждаетъ ихъ писать къ нему, Мелетію, сіе посланіе. Заключенные въ темницѣ епископы представляютъ Мелетію, какое великое смущеніе и какую тяжкую скорбь причиняетъ восхищенное Мелетіемъ себѣ право рукополагать священниковъ въ чужихъ округахъ. Онъ, Мелетій, долженъ знать древній, съ божескими и человѣческими правами согласный законъ, что никакоіи епископъ не можетъ совершать рукоположеній въ чужихъ округахъ; а между тѣмъ самъ же онъ оказалъ неуваженіе къ этому закону, не оказалъ уваженія старѣйшему епископу и отцу Петру (архiep. Александ.), не обращаетъ вниманія и на нихъ, заключенныхъ и все приводитъ въ смущеніе. Быть можетъ, въ свое оправданіе Мелетій скажетъ, что къ этому принуждала его необходимость, почему многіи церкви оставались безъ пастырей, но этой необходимости не могло быть; для наблюденія за надлежащимъ порядкомъ всюду поставлены благочинные (парохи) и если бы сіи послѣдніе оказались невнимательными, то это дѣло нужно было представить на усмотрѣніе ихъ, заключенныхъ. Быть можетъ ему сказали, что они, заключенные уже умерщвлены; въ такомъ случаѣ Мелетій долженъ быть, удостоившись въ этомъ, и въ случаѣ смерти ихъ долженъ былъ

спрашивать на совершение посвящения совѣта и позволенія отъ старѣйшаго отца (Петра архіеп. Алекс.)» Въ заключеніе письма епископы совѣтуютъ Мелетію на будущее время соблюдать священныя церковныя правила.

Второй памятникъ въ этомъ собраніи составляетъ краткое замѣчаніе, которое приложилъ къ этому письму древній не извѣстный собиратель этихъ памятниковъ. Замѣчаніе это сообщаетъ, что Мелетій, послѣ того какъ получилъ и прочиталъ это письмо, но далъ на него никакого отвѣта, не обратился ни къ епископамъ заключеннымъ въ темницѣ, ни къ Петру Александрійскому. Но послѣ того какъ тѣ епископы были умерщвлены, онъ, Мелетій, отправился въ Александрію, гдѣ пристали къ нему Исидоръ и Аріій, два честолюбца, негодовавшіе на своего архіепископа; они представили ему двухъ періодетовъ, коихъ рукоположилъ архіепископъ Петръ, но Мелетій ихъ изложилъ, а на мѣсто ихъ поставилъ двухъ своихъ. Когда объ этомъ услышалъ архіепископъ Петръ, то послалъ отъ себя къ Александрійской Церкви письмо, въ предостереженіе отъ Мелетія.

Это посланіе Петра, третій между разбираемыми нами источниками, содержанія слѣдующаго: «я узналъ, пишетъ св. Петръ, что Мелетій не только не обратилъ вниманія на письмо блаженныхъ епископовъ и мучениковъ (Флелей и соескопы его были уже умерщвлены), но даже вмѣшивался въ дѣла моей епархіи, рукоположенныхъ и уполномоченныхъ мною изложилъ и посвятилъ другихъ; поэтому вы остерегайтесь имѣть съ нимъ общеніе, доколѣ я съ опытными мужами не представимъ ему противоѣдѣствія и не изслѣдуемъ это дѣло сообща». — Изъ всѣхъ этихъ трехъ памятниковъ отбрасывается слѣдующее:

1) Мелетій былъ епископомъ Ликопольскимъ въ Египтѣ. Воспользовавшись временемъ, когда многіе изъ епископовъ египетскихъ за вѣру были заключены въ темницу, онъ, вопреки церковнымъ правиламъ позволилъ себѣ въ чужихъ епархіяхъ совершить нѣсколько рукоположеній.

2) Необходимости въ этомъ, какъ писали къ нему епископы, не было, но если бы и была такая необходимость, Мелетій

долженъ бы былъ испросить на то согласіе у епископовъ, содержимыхъ въ узакъ, въ случаѣ же ихъ мученической кончины, у первенствующаго пастыря въ Египтѣ, епископа Александрійскаго Петра ⁽⁴⁾.

3) Какъ видно изъ замѣчанія неизвѣстнаго, Мелетій не обратилъ вниманія на внушеніе четырехъ епископовъ, и не хотѣлъ войти въ сношенія ни съ ними, ни съ Петромъ Александрійскимъ, но послѣ мученической кончины тѣхъ епископовъ пришелъ въ Александрію, соединился съ противниками Петра Аріемъ и Исидоромъ, отлучилъ поставленныхъ св. Петромъ періодетовъ (благочинныхъ) изъ пресвитеровъ и поставилъ двухъ своихъ.

4) Св. Петръ въ своего убѣжища предостерегалъ свою паству отъ общенія съ Мелетіемъ, обѣщая рассудить о немъ съ разумными мужами.

Такимъ образомъ разсматриваемые памятники представляютъ намъ самое начало раскола Мелетіева. Вина Мелетія заключалась въ томъ, что онъ противозаконно вторгся въ чужія области и присвоилъ себѣ право посвящать въ нихъ. Все это онъ дозволилъ себѣ не по пуждамъ Церкви, а по побужденіямъ властолюбія. Другой источникъ свѣдѣній о Мелетіѣ представляетъ намъ писаніе св. Аванасія Александрійскаго, который имѣлъ непосредственныя сношенія съ Мелетіанами и зналъ дѣло ихъ не только въ его началѣ, но и въ позднѣйшемъ его развитіи.

Въ своей Аполוגіи противъ Аріанъ (Тв. св. Ас. т. I, стр. 267) св. Аванасій пишетъ: «у насъ до гоненія Діоклетіанова епископомъ былъ Петръ, который во время гоненія скончался мученически; онъ на общемъ соборѣ епископовъ изложилъ Мелетія, называвшагося епископомъ египетскимъ, обличеннаго въ разныхъ беззаконіяхъ и даже въ жертвопри-

(4) Гдѣ былъ въ то время самъ архіепископъ Петръ, изъ разсматриваемыхъ нами источниковъ не видно; только ясно, что онъ не былъ съ упомянутыми епископами въ узакъ, но и не находился въ Александріи. Въ одномъ древнемъ сказаніи о мученичествѣ св. Петра говорится, что онъ много времени пролежалъ въ Месопотаміи, Финикіи, Палестинѣ и на островахъ. Ang. Mai. Specil. Rom. Т. III.

ношеви идоламъ. Но Мелетій ни въ другому собору не прибгалъ, ни старался оправдаться предъ бывшими послѣ Петра епископами, но прозвель расколъ, и держащиеся стороны его донныи именуются на христіанами, а мелетіанами. Вскорѣ сталъ злословить епископовъ, въ началѣ Петра, а послѣ него клеветалъ на Ахилла, послѣ Ачилла на Александра, архіепископовъ александрійскихъ.

Въ посланіи къ епископамъ Египта и Ливіи (т. I, стр. 432) св. Аванасій говоритъ: что мелетіане подали руку аріанамъ ради первостоятельства и по безумной страсти сребролюбія; и далѣе опредѣляетъ самое время, когда возникъ этотъ расколъ, именно за 55 лѣтъ до этого посланія окружнаго, писаннаго между 356—361 годами. Съ этими свѣдѣніями согласно и повѣствованіе Сократа (1, 6), такъ что, можно сказать, онъ руководился посланіями св. Аванасія.

Изъ этого, новаго источника узнаемъ мы, что 1) Мелетій былъ обвиняемъ въ приписаніи жертвы идоламъ во время гоненія; 2) съ епископами александрійскими, Петромъ, Ахиллоу и Александромъ Мелетій былъ въ непрязвенныхъ отношеніяхъ, злословилъ ихъ, клеветалъ на нихъ.

Эта-то вражда къ епископамъ православнымъ сблизила Мелетія и сторонниковъ его съ противниками православія, аріанами.

Но всѣмъ этимъ обвиненіямъ, какия были возводимы на Мелетія, естественно было ожидать, что соборъ не оставитъ этого дѣла безъ должнаго изслѣдованія. Надобно предположить, что не всѣ изъ приведенныхъ выше обвиненій на Мелетія были доказаны на соборѣ; по всей вѣроятности не доказаннымъ осталось участіе Мелетія въ жертвоприношеніи идоламъ; иначе соборъ не удовлетворился бы такимъ снисходительнымъ опредѣленіемъ касательно Мелетія, какое на самомъ дѣлѣ было о немъ постановлено «Соборъ, читаемъ въ посланіи собора къ Церкви александрійской, движимый челолюбіемъ (по строгому же суду Мелетій не заслуживалъ такого снисхожденія) присудилъ Мелетію пребывать въ своемъ городѣ и не имѣть никакой власти, ни избирать, ни владѣть руками, и для этой цѣли не являться ни въ какомъ

селеніи или городѣ, но только сохранять имя чести (имя епископа). Поставленныхъ же отъ него клириковъ, утвердивъ гнѣвнейшимъ возложеніемъ рукъ (*μωτικητερα χειροτονια βεβαιωθεις*), принять въ общеніе съ гѣмъ, чтобы они пользовались честью и служили, но въ каждомъ приходѣ и церкви занимали непременно второе мѣсто послѣ рукоположенныхъ честиѣншихъ сослужителямъ нашимъ Александромъ; при этомъ они не вѣдуютъ власти ни избирать, кого имъ угодно, ни предлагать имена, ни дѣлать что либо безъ воли епископовъ каволической и апостольской Церкви, подвластныхъ Александру. Тѣмъ же, которые по благодати Божіей и молитвамъ нашимъ не состояли въ расколѣ, но безпорочно назначались въ каволической и апостольской Церкви, пользоваться властью, и избирать и предлагать имена достойныхъ клира и все дѣлать по закону и установленію церковному. Если же кому изъ состоящихъ въ Церкви случится умереть, то восходить въ права скончавшагося новопринятымъ, если только окажется достойнымъ, и народъ избересть ихъ и епископъ каволической Церкви въ Александріи будетъ на то согласенъ и утвердитъ. Такое снисхожденіе даруется всѣмъ прочимъ мѣдтѣанамъ; что же касается до самаго Мелетія, то относительно его постановлено иначе, по причинѣ прежняго его безчинія, легкомыслія и дерзости права, чтобы челолюбъ, который опять можетъ учинять тѣ же безпорядки, не дать на то полномочія».

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что св. Александрійскій Александръ, послѣ собора Никейскаго потребовалъ у Мелетія списокъ всѣхъ епископовъ поставленныхъ имъ въ Египтѣ, и клириковъ собственно въ епархіи Александрійской, чтобы на будущее время отнять у него возможность выдавать—кого онъ захочетъ, за получившихъ отъ него священныя санъ. Такихъ епископовъ со включеніемъ самого Мелетія нашлось 29. (Св. Ав. апол. прот. арианъ).

При всей искренности, съ какою желали отцы собора привести мелетіанъ къ общенію съ церковью и въ миру съ православными—желаніе это не было удовлетворено вполне. Мелетіане и послѣ благословнаго постановленія о нихъ соборна-

го не переставали быть злѣйшими врагами православныхъ; вскорѣ послѣ Никейскаго собора они дѣйствуютъ въ согласіи съ аrianами, устроятъ различныя козни св. Аванасію и вообще заявляютъ себя противниками Церкви до половины 5-го вѣка (Сокр. 1, 8; Феод. 1, 9). Уже послѣ этого времени исторія объ нихъ не говоритъ ничего.

Послѣ того, какъ покончили занятія свои главнѣйшія, т. е. послѣ того какъ облачили и осудили лжеученіе Арія, составлялъ опредѣленіе о времени празднованія Пасхи и разсудилъ дѣло о мелетіанахъ, Никейскій соборъ составилъ для руководственнаго употребленія церковнаго 20 правилъ ^(а), касающихся по преимуществу церковной практики и управленія церковнаго. Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ представляютъ собою буквально почти повтореніе правилъ Апостольскихъ, чѣмъ даютъ разумѣть, что потребности, вызвавшія въ свое время правила Апостольскія, продолжали заявлять себя и въ 4 вѣкѣ; нѣкоторыя же изъ правилъ Никейскихъ и притомъ большая часть—составлены были вновь, бывъ вызваны потребностями времени какъ не задолго предшествовавшаго, такъ и потребностями современными въ собственномъ смыслѣ.—Общая мысль—какая проходитъ чрезъ все почти эти постановленія собора Никейскаго—есть утвержденіе клира въ подобающемъ ему положеніи, разъясненіе обязанностей, лежавшихъ на людяхъ, долженствующихъ стоять во главѣ словеснаго стада Божія.—Отсель все почти правила этого собора говорить о клирѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ членовъ клира между собою и мрянами, о правахъ епископовъ въ отношеніи къ пресвитерамъ и диаконамъ, объ обязанностяхъ послѣднихъ въ отношеніи къ первымъ, и главное объ обязанностяхъ всехъ ихъ—какъ должны они жить достойно вы-

(а) Что правилъ на Никейскомъ соборѣ составлено 20, а не 40 (какъ утверждаютъ нѣкоторые канонисты западные, и не 85—какъ гласитъ собраніе правилъ—Арабское), въ этомъ несомнѣнно убѣждаютъ свидѣтельства бл. Феодорита, Руфина, и особенно—извѣстное преніе Африканскихъ епископовъ съ Римскими по вопросу объ апелляціи къ Римскому престолу.—См. посланіе Карееа. собора въ папѣ Целестину, у Вальсамона.—Геселе, ист. соб. т. 1 стр. 340.

скаго своего званія, и о тѣхъ случаяхъ, кои могутъ служить препятствіемъ для мряня къ введенію ихъ въ члены клира, а для членовъ клира къ тому, чтобы оставаться въ своемъ чинѣ. Но той причинѣ, что случаи и потребности, вызвавшіе Никейскія постановленія, возникали съ разныхъ сторонъ и касались разныхъ сторонъ жизни церковной—и самыя правила соборныя оказываются разносторонними по содержанию; отсель имѣть возможности подвести ихъ въ какую бы то ни было строгую систему; отсель при передачѣ содержанія этихъ правилъ приходится руководиться болѣе порядкомъ вышней послѣдовательности этихъ правилъ, чѣмъ ихъ связью внутреннею.

1-е правило Никейскаго собора содержитъ постановленіе относительно вышняго благоприличія клириковъ. Но всей вѣроятности и тогда встрѣчалось—какъ перѣдко встрѣчается и теперь—что у людей принадлежащихъ къ клиру по какимъ-либо обстоятельствамъ недоставало какого-либо изъ членовъ тѣла: напримеръ въ болѣзни отнимали руку, или ногу, или кто лишался глаза и т. под. Подобный недостатокъ вышняго благообразія въ служителѣ алтаря Христова производилъ, какъ видно, въ нѣкоторыхъ смущеніе, и такъ какъ случаи подобныя производили различныя недоразумѣнія—а для нѣкоторыхъ и сѣщеніе—то и потребовалось разсужденіе и опредѣленіе соборное; соборъ постановляетъ, что ежели у кого въ болѣзни отягты члены—таковой да пребываетъ въ клирѣ.—Но не во всякому органическому поврежденію приложимо это постановленіе; особое вниманіе членами собора обращено на органическое поврежденіе половыхъ органовъ. Ежели кто, будучи здравъ, самъ себя окопшитъ—такого, хотя бы и въ клиру причисленъ былъ, надлежитъ исключать, и отнынѣ не должно ни кого изъ таковыхъ производить.—Исключеніе сдѣлано для тѣхъ, кои окоплены по насилію отъ другихъ,—таковыхъ—если окажутся достойными—въ клирѣ допускать правило ^(б).

(б) Правило, о которомъ говоритъ въ настоящемъ случаѣ соборъ Никейскій, есть 21-е правило Апостольское; видно, что и во время Апостоловъ и во времена ближайшія ко временамъ

2-е правило устрояет злоупотребленія, начинавшіяся вкрадываться въ церковь при избраніи въ число клира; какъ видъ изъ объясненій собора, въ члены клира начали приписывать изъ новообращенныхъ. «Людей — отъ языческаго житія недавно приступившихъ къ вѣрѣ и краткое время оглашенными бывшихъ, вскорѣ къ духовной купели приводятъ, и точасть по крещеніи возводятъ въ епископство и пресвитерство.» — Соборъ за благо признаетъ, дабы впредь ничего такого не было.

Въ древнее время было въ обычаѣ, что при избраніи кого-либо на степеніи церковныя, особенно въ епископы и пресвитеры, кромѣ духовныхъ властей присутствовали и миряне: здѣсь въ торжественномъ собраніи каждому позволялось открыто объявлять, кто что знаетъ какъ о добрыхъ, такъ и о худыхъ свойствахъ и дѣяніяхъ избираемаго лица. Если избираемое лицо обвинено будетъ въ какихъ-либо порокахъ, то выборъ устроялся. Но могло случиться, что по какому-либо обстоятельству душевные пороки избираемаго скроются отъ вѣдѣнія и обсужденія избравшихъ, — въ члены клира будетъ избранъ человекъ имѣющій за собою тяжкіе грѣхи, или даже и послѣ избранія въ число клира духовный можетъ допускать въ себѣ тяжкіе грѣхи и не быть уличеннымъ. На такіе случаи соборъ Никейскій вторымъ же правиломъ постановилъ: «Если въ продолженіи времени душевный иѣкоторый грѣхъ обрѣтенъ будетъ въ иѣкомъ лицѣ, и будетъ обличенъ двумя или тремя свидѣтелями, таковой да будетъ исключенъ изъ клира.» Понятно, что такую строгость постановленій соборъ имѣетъ въ виду поддержать и укрѣпить насколько возможно высокую степенъ нравственной строгости въ клирѣ церковномъ.

По этой же причинѣ Никейскій соборъ требуетъ, чтобы духовныя лица не только не дозволяли себѣ какихъ-либо гру-

Апостольскимъ бывали случаи произвольнаго и непроизвольнаго скопленія, почему и вошло постановленіе на сей предметъ даже въ составъ правилъ Апостольскихъ. Никейскій соборъ въ своихъ постановленіяхъ согласуется съ правилами Апостольскими. (См. пр. Апост. 21—24).

быхъ пороковъ, но даже не представляли поводовъ и къ подозрѣнію себя въ нихъ. 3-мъ правиломъ Никейскій соборъ постановляетъ, «чтобы епископу, ни пресвитеру, ни діакопу, и вообще никому изъ находящихся въ клирѣ не было позволено имѣть сожителствующую въ домѣ жену, развѣ мать, или сестру, или гдѣ только лица, которыя чужды всякаго подозрѣнія».

Римско-католическіе учителя церковнаго права между прочимъ на этомъ правилѣ Никейскаго собора утверждаютъ господствующее въ Римской церкви постановленіе о безбрачій духовенства, — въ томъ предположеніи, будто этимъ правиломъ Велескаго собора запрещается лицамъ духовнаго сана жизнь въ брачномъ состояніи. Но болѣе правильное толкованіе сего правила, а еще болѣе разсмотрѣніе сего правила въ связи съ иѣкоторыми историческими обстоятельствами, современными Никейскому собору, — показываютъ, что римско-католическое постановленіе о безбрачій духовныхъ лицъ, въ этомъ правилѣ Никейскаго собора прочной поддержки для себя не найдетъ. У церковнаго историка Созомена читаемъ: «иѣкоторые изъ присутствовавшихъ на соборѣ Никейскомъ хотѣлось ввести законъ, чтобы епископы и пресвитеры, діаконы и иудіаконы не раздѣляли дога съ женами, которыхъ появи до вступленія въ духовный санъ. Но Пазнутій исповѣдникъ всталъ и началъ говорить вопреки. Называя бракъ честнымъ и сожитіе съ собственною женою цѣломудрїемъ, — онъ совѣтовалъ собору не постановлять этого закона; ибо трудно переносить это. Такой законъ и для нихъ и для женъ ихъ, можетъ быть, сдѣлается причиною нецѣломудрїя. По древнему преданію церкви, безбрачные, вступивъ въ духовное званіе, уже не должны жениться; а принявшіе духовный санъ послѣ брака не должны удалиться отъ женъ, которыхъ имѣють. И это предлагалъ Пазнутій, самъ никогда не испытавшій брачнаго состоянія. Соборъ одобрилъ его совѣтъ, и въ этомъ отношеніи не постановилъ никакихъ правилъ, не связавъ никого необходимостью, и безбрачное состояніе предоставилъ волѣ каждаго» (I, 2. 3). Игакъ если мы не захотимъ отвергать сказаніе Созомена (а отвергать его было бы

дѣломъ неограниченнаго произвола), то для уразумѣнія соборнаго правила должны допустить другое объясненіе, какъ и дѣйствительно даютъ такое объясненіе учителя церковнаго права, не предзанятыя учениями римско-католическими: болѣе согласное съ истинною исторіею толкованіе 3-го правила Никейскаго заставляетъ признать, что соборное правило говорить не о законныхъ женахъ (которыхъ будто бы не позволено имѣть членамъ клира), но о сожительствующихъ (*convocatis*), подѣ именемъ которыхъ должно разумѣть постороннія незамужнія лица женскаго пола, принятыя въ домъ не женатыхъ, для домашняго хозяйства и услуженія, или въ видахъ благотворенія, или по другимъ какимъ бы то ни было побужденіямъ. Такихъ-то сожительствующихъ клирикамъ не позволено имѣть въ домѣ своемъ, дабы не оставалось никакого подозрѣнія касательно чистоты ихъ нравственности и образа жизни.

4-е правило говорить о способѣ поставленія епископовъ. Въ поставленіи епископовъ должны принимать участіе — всѣ епископы той области, куда назначается избираемый; ежели сіе не удобно, то по крайней мѣрѣ должны собраться въ одно мѣсто трое, а прочіе должны представить свое согласіе поередствомъ грамотъ; утвержденіе выбора и самое рукоположеніе избираемаго принадлежитъ митрополиту.

5-е правило постановляетъ, чтобы отлученные отъ церковнаго общенія однимъ епископомъ — не были принимаемы другими; ежели кто почитаетъ себя отлученнымъ несправедливо, готъ долженъ обращаться съ прошеніемъ о разборѣ дѣла къ мѣстному собору, — канонскіе соборы и назначаются для сей дѣли по-дважды въ годъ — передъ четырьдесятицею и около времени осенняго.

Это правило, особенно въ соединеніи съ слѣдующимъ шестымъ, имѣетъ весьма важное значеніе въ полемическомъ отношеніи противъ чрезмѣрно властолюбивыхъ притязаній Римскаго престола. Какъ извѣстно, верховные представители Римской Церкви себя однихъ выставляютъ высшими судьями надъ епископами; къ нимъ — къ Римскому престолу должны отвсюду поступать апелляціи на епископовъ со стороны тѣхъ,

кой не довольны своими епископами. § 5 и 6 правила Никейскаго собора какъ нельзя рѣшительнѣе опровергаютъ законность такихъ притязаній. 5-мъ правиломъ своимъ Никейскій соборъ высшій судъ надъ епископомъ предоставляетъ не епископу Рима, а собору, долженствующему состояться изъ нѣсколькихъ епископовъ. Далѣе по 6-му правилу права и преимущества римскаго епископа ничѣмъ не отличаются отъ правъ и преимуществъ епископовъ другихъ главнѣйшихъ городовъ, какъ Александрія и Антиохія. «Да соблюдаются, говоритъ 6-е правило собора, древніе обычаи, принятые въ Египтѣ и въ Ливіи и въ Пентаполѣ, дабы Александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всѣми сими; понеже и Римскому епископу сіе обычно; подобно въ Антиохіи и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества Церкви». — Объемъ власти римскаго епископа представляется одинаковымъ съ объемомъ власти епископа Александрія и Антиохіи; и въ томъ и въ другомъ изъ сихъ правилъ не видно ни малѣйшей тѣни предпочтенія епископу Римскому.

Вторая половина шестаго правила предустраиваетъ пестроенія, могущія возникнуть при избраніи епископа въ случаѣ разногласія избирающихъ. Четвертымъ правиломъ сего собора предписывалось, чтобы для избранія епископа собирались всѣ епископы той области; въ случаѣ если избирающіе не всѣ будутъ согласны на избраніе одного лица, если два или три будутъ прекословить общему избранію, то, по 6-му правилу, преимущество должно оставаться на сторонѣ большинства избирающихъ; но рѣшающій голосъ принадлежитъ митрополиту; кто поставленъ будетъ епископомъ безъ позволенія митрополита — того избраніе признается недействительнымъ.

7-е правило говорить о преимуществахъ кathedры Иерусалимской. По уваженію къ древности и святости сего города, отцы собора усвоютъ епископу сего города послѣдованіе чести (*ἀρχιεπισκοπὴ τῆς τῆρας*), т. е. почетное преимущество предъ другими епископами окружными. Но такъ какъ Иерусалимъ по разореніи и униженіи язычниками пересталъ почитаться главнѣйшимъ городомъ Палестины и мѣсто его въ гра-

заванскомъ порядкѣ занялъ Кесарія, то соборъ не присволяетъ епископу Иерусалимскому начальствованія надъ оруженными пергами, а оставляетъ это право за митрополіею Кесарійскою (Balsmon. ad can. 6 Nicæen. Aristen. ad can. 7). Иерусалимскій епископъ имѣлъ передъ другими епископами Палестинскими преимущество только чести, а не власти; въ порядкѣ управления онъ самъ былъ подчиненъ митрополиту кесарійскому (Соборъ ладик. пр. 12).

8-е правило узаконяетъ, какъ поступать съ новацианами, когда они пожелаюгъ присоедииться къ православной католической церкви. Главный недугъ сихъ расколочителей состоялъ въ томъ, что они не хотѣли принимать въ церковное общеніе падшихъ во время гоненій, хотя бы сіи послѣдніе и приволяли покаяніе, — отлучали отъ церковнаго общенія двоуженцевъ, какъ нечистыхъ. Начало таинхъ противоцерковныхъ строгостей замѣтно еще у монтанистовъ; дальнѣшее развитіе видимъ у новаціанъ, послѣдователей Швага, пресвитера Римской церкви. Эти-то расколочители отдѣлились отъ церковнаго общенія, имѣли у себя свою іерархію и себя однихъ называли чистыми, а тѣхъ кои не хотѣли раздѣлять ихъ мысли, называли нечистыми, потому что эти послѣдніе гярили будто бы свою чистоту тѣмъ, что терпѣли въ своемъ общеніи двоеженцевъ и падшихъ во время гоненій, хотя бы послѣ и принесли покаяніе. Въ постановленіи касательно сихъ горделивыхъ *чистыхъ* Никейскій соборъ опредѣляетъ, чтобы они, если захотятъ вступить въ общеніе съ церковію православно-католическою, прежде всего письменно отрѣклись отъ своихъ мнѣній и дали общеніе во всемъ послѣдовать ученію и правиламъ Церкви. Тѣ изъ казаровъ (*чистыхъ*), кои удостоивались церковныхъ степеней, удерживаютъ свой санъ и по присоединеніи къ церкви православной. Нѣкоторое стѣпеніе въ правахъ допущено только для епископа, получившаго санъ у казаровъ; зтогъ послѣдній поставляется въ рѣшительную и безусловную зависимость отъ епископа православнаго; ежели угодно будетъ православному, то онъ можетъ признать расколывическаго епископа въ санъ епископа; ежели не угодно, можетъ дать ему мѣ-

то хореепископа (викарія) или даже мѣсто и должноеть пресвитера, хотя и не липая его сана Вовеякомъ случай въ одномъ городѣ не должно быть двухъ епископовъ, иначе это можетъ отозваться вредомъ въ порядкѣ управления церковнаго. Стоитъ особеннаго вниманія замѣтить, какъ согласено съ этимъ постановленіемъ собора сказаніе Созомена касательно объясненій императора Константина Великаго съ епископомъ новаціанскимъ Акесіемъ. Когда составлены были и подписаны уже опредѣленія собора о вѣрѣ и праздникѣ Пасхи, царь спросилъ Акесія: согласенъ ли съ этимъ и онъ? Акесій согласился съ соборнымъ опредѣленіемъ; «если же ты мыслишь одинаково съ нами, спросилъ царь, то почему избѣгаешъ общенія? Въ отвѣтъ на это Акесій разсказавъ о развогласіи между Новагомъ и Корниліемъ при Деціѣ, заключилъ, что люш, послѣ крещенія выдаюнце въ грѣхи, которые въ св. Писаніи называются смертными, недостойны причащаться съ таинствъ; ибо отпущеніе грѣховъ зависитъ отъ власти только Божіей, а не отъ священниковъ. Тогда царь прервалъ его и сказалъ: «Акесій, поставь лѣствицу и взойди на небо одинъ» (Созом. 1, 22.)

9-е правило повторнетъ съ большою опредѣлительностію и съ нѣкоторымъ распространеніемъ тѣже строгости въ разсужденіи избираемыхъ въ число клира, кои предписаны были правиломъ 2-мъ. Кроме открытаго заявленія о достоинствахъ и недостаткахъ избираемаго, 9 правиломъ *предписывается* еще особое нарочитое «испытаніе» избираемаго (*отъ властей*) и этимъ властямъ испытывающимъ предписывается строгое вниманіе при испытаніи. Ежели кто безъ испытанія будетъ произведенъ въ пресвитера, или хотя при испытаніи открылъ свои грѣхи, но по невниманію или неумѣстной онихъ дительности властей будетъ рукоположенъ на степень іерархическую, тотъ лишается священнослуженія, какъ поставленный неправильно, какъ недостойный священства. Католическая церковь, заключаетъ правило, непрѣмѣнно требуетъ непорочности.

10-е правило есть уже какъ бы ближайшій выводъ изъ предшествующаго: если отъ священнослужителя требуется

что если сподобленный Св. Даровъ снова возвратится къ жизни, то онъ опять долженъ исполнять возложенное на него правило покаянія. За исключеніемъ всѣхъ частныхъ и случайностей общаго постановленіе собора на этотъ предметъ таково: всякому отходящему, кто бы онъ ни былъ, просящему приобщиться евхаристіи, со испытаніемъ епископа да приносятся Святые Дары. Понятно, что испытаніе епископское представляется необходимымъ—на случаи особенно тяжкіе и сомнительные; въ обстоятельствахъ обыкновенныхъ, безсомнительныхъ—разрѣшать кающихся давалась власть (Апост. пр. 52) и пресвитерамъ.

14-е правило говорить о падшихъ изъ оглашенныхъ. Вывали случаи, что нѣкоторые изъ обратившихся ко Христу, и уже быть въ числѣ оглашенныхъ, снова отпадали отъ вѣры. Относительно такихъ соборъ опредѣлилъ: не прежде допускать ихъ снова въ рядъ оглашенныхъ или готовящихся къ св. крещенію, какъ оставивъ на три года между слушающими Писаніе. Проведши три года на этой низшей степені оглашенныхъ, кающіеся сіи могли восходить на свою первую степень, изъ которой писали, на степень оглашенныхъ высшей степені, готовящихся къ св. крещенію.

Съ 15-го правила опять начинаются постановленія касательно пребывающихъ въ клирѣ.—15 и 16 правила запрещаютъ клирикамъ противозаконные, произвольные переходы изъ одного города и изъ одного прихода въ другой. Соборъ замѣчаетъ, что злоупотребленіе это вошло уже въ обычай въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; а такъ какъ отъ сего возникало многостѣпенней и неудобствъ, то онъ положилъ это злоупотребленіе исправить: на будущее время постановлено, что ежли епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ самовольно перейдутъ изъ своего города или отъ той церкви въ другую: то такое переходженіе должно быть признано не позволительнымъ, и перешедшій долженъ быть возвращенъ въ церковь, къ которой рукоположенъ во епископа или пресвитера или діакона. Если бы такіе переселенцы издумали упорствовать въ своей рѣшимости остаться на новомъ мѣстѣ: то противъ нихъ пред-

писывается употребить всякое понужденіе, чтобы они возвратились въ свои приходы; ежели пребудутъ въ своемъ упорствѣ, то объявляются чуждыми церковнаго общенія. Въ этомъ же правилѣ содержится предостереженіе для епископа, какъ онъ долженъ поступать въ разсужденіи такихъ переходящихъ. Еслибы кто дерзнулъ восхитить принадлежащаго вѣдомству другого, и въ своей церкви рукоположитъ безъ согласія того епископа, отъ котораго уклонился причисленный къ клиру: такое рукоположеніе объявляется педѣйствительнымъ.

17 и 18 правила пресѣкаютъ различныя злоупотребленія, вкравшіяся между лицами церковнаго клира; такъ нѣкоторые лица принадлежавшія къ клиру, заразы користолюбіемъ, вдали въ денежные обороты, давали заимодавцамъ деньги подъ проценты и вообще придумывали средства къ обогащенію не подобающія духовному сану: 17 правиломъ соборъ Никейскій все подобное запрещаетъ, а ежели кто изъ клириковъ дерзнетъ заниматься подобными оборотами, таковой извергается изъ клира и объявляется чуждымъ духовнаго сана.

18-е правило пресѣкаетъ злоупотребленія, вкравшіяся между діаконами. Нѣкоторые изъ діаконѣвъ по вліянію различныхъ—особенно благопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ развились такою гордостью, что дерзали пренодавать пресвитерамъ евхаристію⁽⁵⁾, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ касались евхаристіи даже прежде епископовъ. Какъ могли происходить таковыя случаи? Къ разъясненію сего предлагаютъ такое предположеніе. Случаи такіе могли происходить тогда, когда самъ епископъ не совершалъ таинства, а только присутствовалъ при совершеніи его пресвитеромъ или другимъ епископомъ. Надлежащее уваженіе къ сану епископа требовало бы, чтобы епископъ приобщался послѣ епископа же, совершавшаго таинство; но грубость и гордость нѣкоторыхъ діаконѣвъ дошла до того, что они сначала приобщались сами, потомъ подавали уже святые дары и епископу присутствовавшему при богослуд-

(5) Гезеле дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что такую гордость могли дозволить себѣ діаконы Римскіе (т. 1, стр. 409).

женія (Геоф. 1, стр. 410). Соборъ находить, что все это не предано никакимъ правиломъ, ни обычаемъ, и требуетъ, чтобы все сіе было преещено. Діаконы да пребываютъ въ своей мѣрѣ, зная, что они суть служители епископа и низше пресвитеровъ; да приемлютъ они ехаристию по порядку послѣ пресвитеровъ, преподаваемую имъ епископомъ или пресвитеромъ; діаконамъ даже сидѣть посреди пресвитеровъ не позволено. Если кто и послѣ сего опредѣленія не захочетъ повиноваться: да прекратится его діаконство.

19-е правило говорить о способѣ принятія въ церковь обращавшихся отъ ереси Павла Самосатскаго и діакониссахъ. О бывшихъ прежде Павланами и потомъ прибѣгающихъ къ каволической церкви Веленскій соборъ постановляетъ, чтобы они всѣ вообще вновь крестимы были; перекрещенію должны быть подвергнуты и тѣ изъ Павліанъ, кои въ прежнее время принадлежали къ клиру; уже по перекрещеніи они могутъ быть утверждены особымъ рукоположеніемъ въ степеняхъ священства, ежели окажутся безпорочными и неукоризненными; если же при испытаніи они окажутся недостойными священства: то подлежатъ изверженію изъ священнаго чина. Для уразумѣнія того, почему составлено такое строгое постановленіе относительно сихъ сектантовъ надлежитъ принять во вниманіе сущность лжеученія Самосатскаго. Павелъ Самосатскій отвергалъ Троичность лицъ въ Божествѣ, не признавалъ воплощенія Бога Слова и низко и неуважительно мыслилъ о Христѣ, представлѣя Его обыкновеннымъ по естеству человѣкомъ (Евсев. цер. Истор. 7, 27). Отъ этого погрѣшительнаго толкованія ученія о троичности божественныхъ Лицъ и крещеніе у Павліанъ не могло быть дѣйствительнымъ; а идѣ нѣтъ истиннаго брещенія, тамъ не можетъ быть дѣйствительности и въ прочихъ таинствахъ. По этому Никейскій соборъ и постановляетъ, повторять надъ Павланами крещеніе, а надъ бывшими у нихъ въ священномъ санѣ послѣ крещенія рукоположеніе. Надобно полагать, что ересью Павла Самосатскаго заражены были и нѣкоторые изъ діакониссъ; иначе не удобно объяснить себѣ, почему собору угодно было связать рѣчь о діакониссахъ съ постановленіемъ

о Павліанахъ. Изложивъ приведенное нами постановленіе о Павлавахъ, соборъ въ томъ же правилѣ продолжаетъ: подобно и въ отношеніи къ діакониссамъ и ко всѣмъ вообще причисленнымъ къ клиру тотъ же образъ дѣйствованія да соблюдается. Въ дальнѣйшихъ своихъ замѣчаніяхъ о діакониссахъ Веленскій соборъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи въ то время этого класса вѣрующахъ. Изъ замѣчаній собора видно, что такъ называемыя діакониссы отличались отъ прочихъ вѣрующихъ женщинъ особымъ одѣяніемъ, но что онѣ рукоположенія никакого (sic) не получали и могли были совершенно счисляемы съ мирянами.

Послѣднее 20-е правило Никейскаго собора содержитъ въ себѣ постановленіе касательно способа принесенія общественныхъ молитвъ въ дни воскресные и во дни пятидесятницы. Вѣроятно, по особенному уваженію къ святости этихъ дней, изъ благодарности къ тѣмъ благодѣяніямъ Господа Спасителя, воспоминаніе о коихъ было соединяемо съ этими днями, съ древняго времени вошло въ обычай воздерживаться въ эти дни отъ колѣнопреклоненій. Указаніе на это мы видимъ еще у Тертуліана, Лупіана, св. Петра Александрійскаго и др. Но нѣкоторые, бывъ движимы особенно сильными чувствами радости или скорбленія, не могли удовлетворяться обычнымъ на этотъ разъ способомъ молитвословія, ощущали потребность во время общественныхъ молитвъ преклонять колѣна. Веленскій соборъ, движимый основною своею мыслью ввести всюду однообразіе, остановился своимъ вниманіемъ какъ видно на мысли о благодѣяніяхъ чловѣческому роду Бога промыслителя, воспоминаемыхъ въ эти великіе дни и нашедъ наиболее соответственнымъ характеру сихъ воспоминаній колѣнопреклоненіе въ эти дни отмѣнить. «Поелику суть нѣкоторыя, преклоняющіе колѣна въ день Господень и во дни пятидесятницы: то, дабы въ всѣхъ епархіяхъ все одинаково соблюдало было, угодно святому собору да стояще приносятъ молитвы Богу».

Составленіемъ сихъ-то двадцати правилъ отцы Никейскаго собора, по согласному свидѣтельству большинства изъ древнихъ писателей, закончили свои засѣданія.

Здѣсь не излишнимъ считаемъ изложить древнія указанія о времени, когда былъ собранъ Никейскій соборъ.

Данными для опредѣленія времени, когда былъ созванъ и заключенъ Никейскій соборъ, могутъ служить свидѣтельства Евсевія, Сократа, указаніе халкидонскаго собора и еще указаніе изъ одного древняго кодекса, приписываемаго Атику еп. константинопольскому. — Евсевій (ж. К. в. III. гл. 15) замѣчаетъ, что ко времени окончанія собора исполнялся 20-й годъ царствованія Константина; но двадцатый годъ царствованія Константина соответствуетъ 325 году отъ Р. Христова; потому что Константинъ вступилъ на престолъ въ 305 году. Такимъ образомъ годомъ созванія собора выходитъ 325-й; тоже указаніе на годъ (325-й) и сверхъ того указаніе на мѣсяцъ собранія собора видно у Сократа; Сократъ (ц. и. I, 14) между прочимъ замѣчаетъ, что соборъ состоялся въ консульство Павліана и Юліана въ двадцатый день мѣсяца мая; это былъ 636-й годъ отъ Александра царя Македонскаго; по 636 годъ отъ Александра Македонскаго соответствуетъ 325 году отъ Рождества Христова. По указанію въ дѣяніяхъ халкидонскаго собора (засѣд. 2-е), временемъ Никейскаго собора представляется 9-й день греческаго мѣсяца дасія, или 13-е июльскихъ календ. Такъ опредѣляетъ время Никейскаго собора Евномій, еп. Никомидійскій, читавшій Никейскій символъ на Халкидонскомъ соборѣ. Это же указаніе на 13-е июльскихъ календ.—видно въ хроникѣ Александрійской: 13 календ. июльскихъ тоже, что 19 число мѣсяца іюня. Чтобы удобнѣе слѣдить соотношеніе этихъ указаній, нужнымъ считаемъ замѣтить, что по указанію Евномія 19 число іюня представляется временемъ составленія Никейскаго символа вѣры; итакъ естественно полагать, что соборъ назначенъ былъ съ 20 мая, а къ 19 іюня уже составленъ былъ Никейскій символъ. Замѣтка изъ кодекса, принадлежащаго Атику еп. константинопольскому, показываетъ, что соборъ продолжался съ 14 іюня по 25 августа (Bacon. ad. an. 325 п. 8). Хотя это указаніе и не довольно согласуется съ предшествовавшимъ, но и не представляетъ чего либо рѣшительно несомнѣннаго съ теми;

принять и это указаніе къ свѣдѣнію, можемъ составить предположеніе о времени Никейскаго собора такое: соборъ былъ назначенъ на 20 мая; до 14 іюня, доколѣ не прибылъ еще въ Никею самъ Императоръ, происходили частныя совѣщанія и разсужденія; по прибытіи императора—съ 14 іюня начались открытыя засѣданія; 19 іюня былъ составленъ символъ вѣры; въ слѣдующее за симъ время происходили разсужденія собора о другихъ предметахъ и составлялись правила соборныя; 29 августа засѣданія собора окончились.

Время окончанія собора, какъ замѣтили мы выше, совпадало съ исполненіемъ 20-лѣтія царствованія Константина. На торжество этого праздника царь пригласилъ всѣхъ отцевъ собора; послѣ торжественнаго угощенія, каждому изъ епископовъ, по степени ихъ достоинствъ, почтилъ дарами. Когда отцы собора собирались отправляться по своимъ епархіямъ, царь снова созвалъ ихъ, совѣтовалъ имъ хранить единомысліе относительно вѣры, и имѣть миръ между собою, чтобы впередъ не было подобныхъ возмущеній; послѣ продолжительной бесѣды объ этомъ, царь просилъ епископовъ молиться за него, за дѣтей его, за царство и послѣ всего этого простился съ епископами.

Чтобы постановленія собора извѣстны были и тѣмъ, которые не присутствовали на немъ,—царь отправилъ окружную грамоту во все города и кромѣ того особую грамоту къ церкви Александрійской, — убѣждалъ членовъ этой церкви оставить всякія разномыслія и единодушно исповѣдовать изложенную на соборѣ вѣру; ибо она есть не что иное, «какъ мысль Божія (символъ. слова царя по Созомену), объявленная Духомъ Святымъ чрезъ согласіе столь многихъ и столь великихъ архіереевъ» (Созом. I, 25). Отцы собора съ своей стороны разослали окружное посланіе къ церквамъ, въ которомъ кратко излагали все, что суждено и опредѣлено было св. соборомъ—противъ Арія, Мелетія, и о празднованіи пасхи (Теодор. I, 9).

Такъ покончылъ Никейскій соборъ свои великія дѣянія.—Ересь обличена, разногласіе примирено, составлены и всюду разосланы правила для руководства церкви; непокорные го-

лосу собора наказаны. Казалось бы, теперь всюду в церкви долженъ былъ водвориться миръ, котораго такъ сильно желала императоръ и созванные имъ епископы. Къ сожалѣнью, это благочестивое желаніе друзей міра—не было удовлетворено вполне, или если и было удовлетворено, то весьма не надолго. Вскорѣ же послѣ Никейскаго собора дѣйствіемъ козней арианскихъ начались сильные волненія, стившія защитникамъ православія спокойствія и даже жизни; волненія эти усилились до того, что охватили собою всю церковь, такъ что для успокоенія сихъ волненій потребовался новый Вселенскій соборъ.

Судьба православія и арианства между первымъ и вторымъ вселенскими соборами.

Возвращеніе Арія и его сторонниковъ изъ заточенія.—Неудачная попытка ввести Арія въ церковное общеніе въ Александрію.—Заговоръ арианъ и мелеціанъ противъ св. Аванасія.—Клеветы на Аванасія на соборѣ въ Тирѣ и осужденіе его.—Заточеніе его въ Тиръ.—Позорная смерть Арія.—Возведеніе Евсевія Никомидійскаго на Константинопольскую кафедру на мѣсто изложеннаго православнаго епископа Павла (исповѣдника).—Возвращеніе св. Аванасія въ Александрію по смерти императора Констанція.—Клеветы на Аванасія предъ императоромъ Констанціемъ.—Соборъ Антиохійскій 341 года.—Удаленіе Аванасія въ Римъ.—Македоній—Константинопольскій, по смерти Евсевія, епископъ.—Соборъ Сардинійскій.—Возвращеніе Аванасія въ Александрію при содѣйствіи западнаго императора Констанса.—Соборы арелатскій и медюльскій и гоненія на православныхъ Констанціемъ.—Аванасій укрывается отъ гонителей въ пустынь.—Раздоръ между арианами.—Соборы ихъ въ Римини и Селевкія.—Преобладаніе повсюду арианства.

Приговоромъ Никейскаго собора и указомъ императора Арія и единомышленники его, Евсевій Никомидійскій, Θεогнисъ Никейскій, Секундъ Птолемайдскій и Θεона Мармарікскій — отлучены отъ общенія церковнаго и сосланы въ ссылку; на мѣсто Евсевія и Θεогниса поставлены православные епископы—въ Никомидію Амфионъ, въ Никою Христъ. Но Арія нашелъ возможность освободиться отъ своей злополучной доли; по свидѣтельству Сократа (III, 26) и Созомена (III, 19), въ этомъ помогла ему сестра Константина Великаго — Констанція, вдова Ликинѣва. Этой Констанція, пишетъ Сократъ, знакомъ былъ одинъ пресвитеръ, державшійся Аріева ученія и жившій въ ея домѣ. Этотъ пресвитеръ,

бывъ научаема Евсевіемъ Никомидійскимъ, часто напоминалъ Констанцію объ Аріѣ и при всякомъ случаѣ старался возбудить въ царской сестрѣ состраданіе къ судьбѣ ересеначальника, говоря, что Никейскій соборъ обидѣлъ Арія, что Арія мыслить не такъ, какъ объ немъ думаютъ. Констанція сама внимала словамъ арианскаго пресвитера, но хотѣла ствовать за Арія долгое время не осмѣливалась, опасаясь раздражить православнаго императора. Вскорѣ Констанція впала въ тяжкую и опасную болѣзнь; императоръ началъ ее часто навѣщать; находясь при смерти, Констанція начала ходатайствовать за своего пресвитера, какъ чловѣка благочестиваго и ревнующаго о православной вѣрѣ. Созоменъ замѣчаетъ, что Констанція успѣла сдѣлать Константину устрашающее предостереженіе, что преслѣдуя невинныхъ арианъ, императоръ тѣмъ самымъ причиняетъ обиду лучшей и наиболѣе приверженной къ царскому дому части вѣрующихъ (2, 27). Ходатайство принято и арианствующій пресвитеръ принятъ въ число лицъ самыхъ близкихъ къ царю. Получивъ близкій доступъ къ царю, этотъ пресвитеръ и ему началъ говорить объ Аріѣ тоже, что прежде говаривалъ сестрѣ его, т. е. что Арія осудили напрасно, что мысли его нисколько не отличаются отъ опредѣленій собора, что еслибы позволили ему явиться изъ ссылки и высказать свои мысли, то увидѣли бы, что онъ во всемъ согласенъ съ опредѣленіями собора. Стрѣла пушена вѣрно; императоръ повѣрилъ хитрому льстецу и вызвалъ Арія изъ заточенія. Явившись къ императору, Арія представилъ ему свое исповѣданіе вѣры, въ которомъ весьма хитро и уклончиво обошелъ сущность постановленія Никейскаго о единосуціи Сына Божія съ Богомъ Отцемъ; въ членѣ о Сынѣ Божіемъ въ этомъ исповѣданіи только сказано было: «вѣруемъ въ Господа Иисуса Христа Сына Божія, прежде всѣхъ вѣковъ отъ Бога Отца рожденнаго, Бога—Слово, чрезъ Котораго все сотворено на небесахъ и на земли, Который сошелъ и воплотился» и пр. Представивъ такое исповѣданіе, Арія просилъ императора устранить всякое многоглаголаніе о вѣрѣ и соединить его и сообщниковъ его съ церковію, чтобы всѣмъ имъ, совокупно наслаждаясь

миромъ, можно было совокупно вознести обычныя молитвы за мирное царствованіе Константина и за весь его родъ. (Сокр. III, 26). Миротлюбивый царь, не подозрѣвавшій въ поварныхъ крамольникахъ никакой хитрости, обрадовался ихъ правотѣ и посылалъ аріево исповѣданіе къ собравшимся тогда въ Иерусалимѣ епископамъ съ предписаніемъ рассмотреть его, и если окажется, что Аріій и сообщники его мѣшаютъ право, то постановить о нихъ опредѣленіе человѣколюбивое; «да хотя бы и ни за что нельзя было осуждать состоявшаго нѣкогда касательно ихъ (т. е. Арія и сообщниковъ его) рѣшенія, — заключалъ указъ императора, пусть епископы уважили бы самое ихъ раскаяніе» (Созом. II, 27). Не дерзалъ ослушиваться предписанія царскаго, епископы и сами не далекіе отъ мыслей Арія, какъ Евсевій кесарійскій, приняли Арія въ церковное общеніе въ Иерусалимѣ и писали о томъ же Церкви Александрійской, и всѣмъ епископамъ и епископамъ Египта, Оивавды и Ливіи, убѣждая ихъ принять Арія въ церковное общеніе, такъ какъ и самъ царь засвидѣтельствовалъ правоту его исповѣданія.

Благопріятный оборотъ дѣлъ въ судьбѣ ересинальничка возбудилъ смѣлыя надежды въ его послѣдователяхъ. Послѣ того какъ принять былъ въ церковное общеніе Аріій, начали помышлять объ улучшеніи своего положенія Евсевій Никомидійскій и Θεогнистъ Никейскій; съ этою цѣлію они прислали отъ себя къ епископамъ, принявшимъ въ церковное общеніе Арія, грамоту, смыслъ которой очевидно былъ тотъ, что ежели епископы тѣ согласились принять въ церковное общеніе того, кто былъ первый осужденъ за неповиновеніе опредѣленіямъ собора, то тѣмъ паче могутъ просить объ освобожденіи отъ ссылки они; въ оправданіе свое, эти епископы указывали, что вся вина ихъ состояла въ томъ, что они, согласившись подписать опредѣленіе собора о вѣрѣ, не подписали анаемы на Арія; теперь сами епископы сняли съ Арія положенную соборомъ анаему. Изъ всего этого Евсевій и Θεогнистъ какъ прямое слѣдствіе выводили, что епископы тѣ должны принять въ свое общеніе и ихъ; «итакъ съ свойственнымъ вамъ христіолобивымъ снисхожденіемъ, заклю-

чали Евсевій и Θεогнистъ свою грамоту къ епископамъ, благоволяте напомнить объ насъ самому боголюбивому царю, и представивъ ему наши прошенія, произвести поскорѣе благопріятное вамъ о насъ сужденіе» (Сокр. I, 15).

Слѣдствіемъ этой грамоты, какъ само собою естественно предполагать, было то, что Евсевій и Θεогнистъ снова заняли свои катедры. Первымъ дѣломъ еретичствующихъ епископовъ по ихъ возвращеніи на свои катедры было то, что они изгнали поставленныхъ на ихъ мѣста епископовъ православныхъ: Евсевій—Амфіона, Θεогнистъ—Христа. За тѣмъ мщеніе озлобленныхъ враговъ православія обратилось на тѣхъ, кои прежде озаменовали себя особенно ревностію въ защитѣ православія. Прежде всѣхъ пришлось испытать ярость возстановленныхъ ересучителей Евстація еп. антиохійскому. Евстацій былъ мужъ знаменитый и по благочестію и по образованности; но онъ былъ вѣрнѣйшимъ противникомъ арианъ, особенно Евсевія Кесарійскаго, — и въ этомъ состояла причина его несчастій. Евсевій обвинилъ Евстація въ савелліанствѣ, и Евстація низложили съ катедры; блаженный Θεодоритъ пишетъ, что провскама Евсевія Никомидійскаго, на Евстація былъ сдѣланъ доносъ въ прелюбодѣланіи; «и подвижникъ благочестія и цѣломудрія, выражается по сему случаю бл. Θεодоритъ, былъ изгнанъ какъ любодѣй и тиранъ» (гл. 21); кроткій пастырь не возвратилъ на несправедливое оскорбленіе; онъ спокойно перенесъ это оскорбленіе, въ совершеннѣйшей увѣренности, какъ замѣчаетъ Созоменъ, «что такъ будетъ лучше» (2, 19).

По изгнаніи Евстація, ариане тотчасъ же приняли въ церковное общеніе всѣхъ, коихъ не принималъ Евстацій, и не только приняли въ общеніе, но и поставили еще епископами; изъ числа ихъ св. Аванасій Великій поименовываетъ Леонтія внука, Георгія Лаодикійскаго, Θεодосія Трипольскаго, Евдокія Германійскаго и Евстація Севастійскаго. Но возстановленіе съ одной стороны защитниковъ ереси, ариане съ другой — не переставали низлагать защитниковъ православія; послѣ Евстація низложены были: Евтропій, еп. Адрианопольскій, Евфратіонъ Валанейскій, Киматія Палтскій, другой Киматія

Аптардский, Аеклива Газский, Киръ Берійскій, Додоръ Асійскій, Доминіонъ Сирмейскій, Елладитъ Трипольскій. Выбѣто всѣхъ сихъ, замѣчаетъ св. Аеанасій, поставлены были другіе, нечестіе коихъ было извѣстно избравшимъ (посл. Ае. къ монахамъ). Но преимущественное вниманіе враговъ православія направлено было къ тому, какъ бы низложить самаго главнаго противника ихъ св. Аеанасія. Злокозненный Евсевій Никомидійскій измышлялъ къ этой цѣли средства, и средства эти, при содѣйствіи лукаваго, удались какъ нельзя лучше. Вѣрнѣйшее средство къ тому, чтобы доставить невозможное торжество арианству, Евсевій видѣлъ въ возстановленіи Арія на самомъ мѣстѣ его первоначальнаго дѣйствования въ Александріи, гдѣ лжеученіе началось и гдѣ оно могло имѣть наибольшее число сторонниковъ; съ этою цѣлю Евсевій началъ направлять свои заботы къ тому, какъ бы устроить торжественное введеніе Арія въ церковное общеніе въ Александрію. Но на пути Евсевія къ этой нечестивой цѣли ему противостоялъ непреклонный его противникъ—великій архипастырь александрійской церкви Аеанасій: «Аеанасій безбоязненно говорилъ Евсевію и царю (котораго склонялъ на ту же мѣру Евсевій), что однажды отвергшихъ вѣру и апостематствованныхъ — не возможно принимать снова»^(а). Аргументъ неотразимый, и ратовать противъ него значило бы идти противъ вседенскаго собора. Видя непоколебимость св. Аеанасія съ этой стороны, Евсевій попытался подорвать силу св. мужа со стороны другой,—съ дѣломъ объ Аріѣ привелъ въ связь дѣло о мелетіанахъ. Никейскій соборъ, какъ мы видѣли, признавалъ возможность удержать мелетіанъ въ общеніи церковномъ и даже признать за тѣми, кто имѣлъ достоинство іерархическое; — это правило собора и наблюдалось безпрекословно; но Евсевій Никомидійскій, имѣя въ виду подорвать авторитетъ св. Аеанасія, донесъ на него царю, что св. Аеанасій не принимаетъ въ церковное общеніе мелетіанъ (Созом. II, 22). Если примемъ во вниманіе эту хитрую махинацію со стороны Евсевія и если съ другой сто-

роны припомнимъ, что Аріѣ по возвращеніи изъ ссылки представилъ лукаво составленное исповѣданіе, такъ что могъ для неопытнаго суда казаться православнымъ, то поймемъ, какимъ образомъ изъ устъ и изъ-подъ пера государя православнаго могла выдти такая угроза св. мужу, какою грозилъ св. Константины великій св. Аеанасію: «я требую, чтобы ты позволялъ безпрепятственно вступать въ церковь всѣмъ, кто желаетъ вступить въ нее; ежели же узнаю, что ты воспрепятствуешь кому-нибудь ищущему общенія съ церковью, или возбранишь входъ въ нее, тотчасъ пошлю низложить тебя и вывести изъ тѣхъ мѣстъ» (Созом. II, 22). Св. Аеанасій, получивъ этотъ приказъ, отвѣтнымъ посланіемъ объяснилъ государю, что мелетіане—отъ церковнаго общенія не изгоняются, но что арианамъ нельзя даровать общенія съ каюльческою Церковью. Царь внялъ объясненію св. Аеанасія; но тѣмъ сильнѣе было разяраженіе Евсевія; не имѣя у себя достаточнаго предлога къ низложенію св. Аеанасія, Евсевій обратился къ услугамъ отъ мелетіанъ, съ своей стороны общая имъ свое покровительство предъ царемъ и людьми сильными у царя, если они согласятся обвинить Аеанасія. Отсель-то и вышла та, чрезвѣстная бѣдствіями для св. Аеанасія, туша нападеній, каковую пришлось вынести ему; всѣ обвиненія, какия возводились были съ этого времени на св. Аеанасія, и всѣ бѣдствія, какия съ этихъ поръ пришлось испытать св. мужу, происходили изъ того постанданаго заговора, каковымъ скрѣпились между собою ариане и мелетіане во враждѣ къ св. Аеанасію. Съ этихъ поръ исторія св. Аеанасія становится, можно сказать, исторією борьбы православія съ арианствомъ. Какъ ни длинна и какъ ни запутана эта исторія волненій арианскихъ послѣ Никейскаго собора, но мы не можемъ обойти ее совершенно молчаніемъ, ежели желаемъ видѣть весь процессъ, такъ сказать, образованія различныхъ отраслей арианства и затѣмъ процессъ саморазложенія этой богохульной системы лжеученія.

Не имѣя основаній къ обвиненію на св. Аеанасія дѣйствительныхъ, ариане рѣшились эти основанія измышлять, и вскорѣ же по соединеніи съ мелетіанами, представили со словъ

(а) Апол. пр. Ар. гл. 5. 59. 60. Сокр. 1, 25; Сов. II, 22.

этих послѣднихъ на Аванасія Константину жалобу, что онъ произвольно отягощаетъ народъ податями въ пользу Церкви и потомъ на деньги поддерживаетъ возмутителя (при Константѣ было въ Александріи возмущеніе). Аванасій, услышавъ объ этой клеветѣ, самъ 332 г. поспѣшилъ ко двору и успѣлъ убѣдить императора въ своей невинности. Въ посланіи къ Церкви Александрійской Константинъ уже послѣ этого происшествія называлъ Аванасія мужемъ поистинѣ Божіимъ. Эта неудача враговъ Аванасія еще болѣе раздражила ихъ противъ ревнителя истины и православія. Къ Константину посыпались обвиненія за обвиненіями противъ Аванасія. Аванасія между прочимъ обвиняли, что онъ нарушаетъ мѣръ, данный Никейскимъ соборомъ мелетіанамъ, что въ одной церкви мелетіанскаго пресвитера Исхира разбилъ священную чашу, шестерыхъ епископовъ мелетіанскихъ подвергъ бичеванію и заключилъ въ темницу, седьмага епископа Арсенія приказалъ умертвить и отрубленную у него руку употребляетъ для волхвованій. Аванасій, по распоряженію Константина, долженъ былъ лично оправдываться на соборѣ, мѣстомъ для котораго назначалась Кесарія. Уже по этому выбору мѣста для собора можно предполагать, кто дѣйствовалъ на императора. Аванасій видѣлъ все съѣти, какія разставлены были врагами его, и на этотъ разъ на опасность не пошелъ; «я не могу, писалъ св. Аванасій къ императорскому двору, отдать себя на судъ такого собора, который будетъ состоять изъ моихъ смертельныхъ враговъ.» Константинъ сдѣлалъ уступку Аванасію и назначилъ быть собору въ слѣдующемъ 335 году въ Тирѣ; дѣломъ приглашенія на соборъ епископовъ занимался Евсевій Никомидійскій, съ другимъ своимъ, вѣкоторымъ придворнымъ сановникомъ Дионисіемъ (который и предсѣдательствовалъ на этомъ соборѣ); православныхъ пригласили на соборъ въ самомъ незначительномъ количествѣ, и то для того, чтобы придать этому дѣлу видъ суда безпристрастнаго; Аванасій опять видѣлъ, чего ему ожидать и отъ этого собора, Аванасій оная было уклониться отъ присутствія на немъ, представляя императору, что и здѣсь собираются только его враги; но императоръ на этотъ разъ угрожалъ Аванасію насиліемъ, если

онъ и теперь будетъ уклоняться отъ распоряженій императорскихъ. Аванасій покорился волѣ Константина. Отправляясь на соборъ, онъ взялъ съ собою 49 преданныхъ ему епископовъ египетскихъ и между ними того самаго Арсенія, въ убійствѣ кого на Аванасія ввозили обвиненіе. Такъ какъ все обвиненія, возводимыя на Аванасія, были или вымышлены его врагами, или ничтожны сами по себѣ: то Аванасію не составляло никакого труда оправдаться отъ нихъ. На соборѣ, напримѣръ, Аванасія обличали между прочимъ въ прелюбодѣяніи съ одною служанкою; представлена на соборъ и мнимая участница въ преступленіи; но она объявила, что къ преступленію склонилъ ее одинъ египетскій пресвитеръ, осужденный Аванасіемъ и выдавший ей себя за Аванасія. Такимъ образомъ весь позоръ клеветы на св. Аванасія палъ на самихъ его враговъ. Но еще болѣшій срамъ ожидалъ враговъ Аванасія, когда поступило на очередь обвиненіе Аванасія въ убійствѣ Арсенія. Жесвидѣтели показывали на соборѣ изсохшую руку и выдавали ее за ту самую, которую отрубилъ Аванасій: Аванасій представилъ въ средину собора самаго Арсенія съ обѣими здоровыми руками. Новый срамъ для враговъ святителя.

Но ни одному изъ арианъ не пришлось испытать такого жестокаго пораженія, какое выпало на долю несчастному Евсевию Кесарійскому. Патамонтъ, еп. Ираклійскій въ Египтѣ, славный исповѣдникъ во время Диоклетіана, обратился на соборѣ къ Евсевию съ такою рѣчью: «какъ ты, Евсевій, осмѣливаешься возсѣдать въ качествѣ судьи надъ невиннымъ Аванасіемъ, который долженъ стоять предъ тобою будто виновный? Помнишь ли, какъ мы вмѣстѣ съ тобою были въ оковахъ? Я тогда лишился глаза; ты тогда не испыталъ мученій; незамѣтно уклонился ты съ того мѣста со многими другими! Но какъ бы могъ ты избѣжать этихъ мученій, если бы ты или самымъ дѣломъ не принесъ не позволеннаго (т. е. жертвы идоламъ), или не далъ обиданія по крайней мѣрѣ сдѣлать это?» — Понятно, что все подобныя крайности для сторонниковъ аrianства только болѣе раздражали ихъ; мысль уничтожить Аванасія уже не оставалась имъ; а между

тѣмъ основаній до сихъ поръ все еще мало было на лицо. Такъ какъ въ Тирѣ ни окончательно обвинить Аванасія однимъ, ни совершенно оправдать другимъ не было возможности, то порѣшили изслѣдовать дѣло Аванасія на самомъ мѣстѣ; наряжена коммиссія—и уже конечно изъ однихъ враговъ Аванасія; коммиссія отправилась въ Египетъ и оттолѣ сообщила свѣдѣнія, на основаніи коихъ соборъ Тирскій лишилъ Аванасія его престола и даже произнесъ на него отлученіе. Въ соборномъ опредѣленіи было между прочимъ сказано: что Аванасій учинилъ очевидныя преступленія, когда оказалъ пренебреженіе къ опредѣленію собора, состоявшаго изъ восточныхъ епископовъ, въ прошломъ году, и прибегнулъ распоряженіемъ императорскимъ. Въ Тирѣ онъ пріѣхалъ съ великою свитою для того, чтобы возбудить на соборѣ волненіе и т. под. Немногіе изъ присутствовавшихъ, вѣдѣвъ за Маркелломъ еп. Аккирскимъ, не согласились подписать это опредѣленіе: но на нихъ не обратили вниманія. Надобно замѣтить, что разсужденія въ Тирѣ были такъ сказать мимоходнымъ дѣломъ при главномъ, къ которому приглашались епископы, васадащіе на Тирскомъ соборѣ: главнымъ дѣломъ ихъ было освященіе храма Воскресенія въ Иерусалимѣ; уже по пути къ этому дѣлу они должны были остановиться въ Тирѣ. Поковчѣвъ дѣло съ Аванасіемъ; епископы отправились въ Иерусалимъ, совершили тамъ освященіе церкви и въ это же время приняли торжественно Арія въ церковное общеніе въ Иерусалимѣ. Между тѣмъ Аванасій, не дожидаясь еще ни конца заставаній соборныхъ, ни возвращенія посланныхъ отъ собора въ Египетъ, поспѣшилъ въ Константинополь ко двору, чтобы искать правды наконецъ хоть у императора. Надобно думать, что Аванасій произвелъ сильное впечатлѣніе на Константина; Констанціанъ писалъ къ епископамъ, собравшимся въ Иерусалимѣ: «ему кажется, что истина подавлена въ Тирѣ насиліемъ и что раздорамъ должно быть не будетъ конца»; всѣхъ, кои застѣдали въ Тирѣ, Константинъ требовалъ въ Константинополь, для доказательства справедливости ихъ опредѣленій. Но вмѣсто всѣхъ явились только два Евсеіи, Феогнісъ, Патрофилъ, Урзакій и Валентъ, самые злые вра-

ги архіепископа Александрійскаго. Оставивъ прежнія обвиненія на Аванасія въ сторонѣ, они представили самому императору новый доносъ на Аванасія: «Аванасій угрожалъ, что если дворъ будетъ преслѣдовать его и на будущее время, то онъ станетъ противодействовать обычному вывозу изъ Александріи въ Константинополь хлѣбныхъ припасовъ». Обвиненіе было весьма важно въ политическомъ отношеніи: знаменитыя плодородіемъ своимъ долины Нила доставляли ничѣмъ незамѣнимую поддержку для Константинополя: лишеніе этой поддержки могло угрожать жителямъ Константинополя голодомъ. Дносъ былъ сдѣланъ клеветливо; но императоръ, окруженный отвсюду зложелателями св. Аванасія, не имѣлъ возможности разоблачить гнусную клевету; внявъ клеветѣ враговъ Аванасія, Константинъ въ январѣ 336 г. ссылаетъ Аванасія на заточеніе въ Триръ, къ германскимъ границамъ. Надобно замѣтить впрочемъ, что не одою наказаніе Аванасія имѣлъ въ виду Константинъ, принимая эту мѣру; выѣсть съ сямъ и даже болѣе сего, онъ имѣлъ въ виду прекращеніе волненій церковныхъ ссылкой неуступчиваго представителя стороны православныхъ. Назначая Аванасія въ ссылку, Константинъ въ то же время сдѣлалъ распоряженіе, чтобы престолъ Аванасія замѣщенъ не былъ никѣмъ: онъ хотѣлъ снова вызвать Аванасія, какъ скоро поутихнутъ волненія... Вотъ темная-то пора въ церкви Христовой! По милости императора, ревнующаго о правотѣ, поборники православія всѣ въ уничтоженіи, противники же правотѣ торжествуютъ! Принятый въ церковное общеніе въ Иерусалимѣ, Арій отправился въ Александрію, къ своему прежнему приходу; ему теперь не кого тамъ опасаться: Аванасій не увидитъ его! Однакожь приѣма себѣ въ Александріи Арій благопріятнаго не нашелъ; всюду поднялись новыя волненія. Слухъ объ этихъ волненіяхъ снова достигъ въ Константинополь, и Арій получаетъ повелѣніе явиться ко двору. Явившись ко двору, Арій конечно объяснилъ, что причиною волненій въ Египтѣ не ояъ, а партія Аванасіева. Въ оправданіе своей невинности Арій снова представлялъ императору свое исповѣданіе, и да-

же покаялся, что онъ по смыслу отъ Никейскаго исповѣданія не отступаетъ.

Лишь только Аріи вступилъ въ Константинополь, какъ тамошніе приверженцы православія сильно взволновались противъ него. Этого только и нужно было Евсеію Никомидійскому. Евсеій представилъ императору, что приверженцы еднородства дотолъ не укроются въ своихъ волненіяхъ, доколѣ Константинъ передъ всѣмъ міромъ не докажетъ, что онъ признаетъ Аріа православнымъ: а для этого нужно, чтобы Аріи, доселѣ унижаемый, торжественно введенъ былъ въ общеніе церковное—въ самый Константинополь. Константинъ отдалъ распоряженіе, чтобы Александръ архіепископъ константинопольскій въ слѣдующій же воскресный день устроилъ эту церемонію. Требованіе Константина привело Александра въ необычайное смущеніе. Въ субботу предъ предстоящимъ днемъ воскреснымъ Александръ повергся передъ алтаремъ своей церкви и со слезами умолялъ Господа, чтобы онъ—или его самого отозвалъ изъ сей жизни, чтобы ему не видѣть и не участвовать въ предстоящемъ нечестивомъ торжествѣ, или бы—ниспослалъ смерть на Аріа. И молитва старца не была отвергнута. Уже подходило время начинать обрядъ введенія нечестивца въ церковь; толпы народа уже съ любопытствомъ стекались видѣть небывалое торжество; уже Аріи въ сопровожденіи Евсеія съ торжествомъ шелъ по улицамъ Константинополя, какъ вдругъ отъ разстройства въ желудкѣ почувствовалъ нужду уклониться съ дороги—и уже болѣе не возвращался! Утроба человека, дерзнувшаго отвергать божество Спасителя, неожиданно развѣлась^(а). Страшная и жалкая смерть! Нѣкоторые изъ историковъ, не желая допустить въ этомъ событіи непосредственнаго дѣйствія перста Божія, слагаютъ вину въ смерти Аріа на православныхъ, которые будто бы отравили еретика. Предположеніе совершенно безосновательное. Впервые не легко предположить, чтобы кто-

нибудь изъ православныхъ терпимъ былъ въ близости къ Евсеію и Арію,—чтобы могъ поднести ему яду; еслибы на Аріа дѣйствовало ядъ, то онъ почувствовалъ бы это равнѣе и церемонію не стали бы и начинать; втретяхъ, еслибы Аріи почувствовалъ дѣйствіе яда, то такъ бы и заявилъ на пути и на пути бы потребовалъ помощи: между тѣмъ ничего этого сдѣлано тогда не было. Не упоминаемъ уже о свидѣтельствахъ историковъ современныхъ и слѣдующихъ, кои единогласно признаютъ въ смерти Аріа непосредственное, нарочитое наказаніе Божіе.

Смерть Аріа произвела потрясающее впечатлѣніе на аріанъ. Болѣе робкіе поспѣшили обратиться къ сторонѣ православныхъ; болѣе дерзкіе стали укорять православныхъ въ чародѣйствѣ. Какъ посматрѣть на это происшествіе Евсеіи? Признать въ смерти Аріа непосредственное наказаніе отъ Бога—значитъ признать неправоту и свою; значитъ нужно отказать-ся и отъ выгодъ положенія своего настоящаго и особенно отъ выгодъ предстоящихъ ему впереди: онъ давно уже мѣтилъ на архіепископство константинопольское. Неизвѣстно, какъ объяснялся Евсеій по случаю смерти Аріа съ Константиномъ: но извѣстно, что онъ добился—таки каведры константинопольской. Тяжкое впечатлѣніе производитъ разсказъ объ обстоятельствахъ этого возведенія Евсеія Никомидійскаго на каведру константинопольскую. Не говоря уже о томъ, что этотъ переходъ самъ по себѣ былъ дѣломъ незаконнымъ, что другіе епископы за такіе переходы осуждали и даже низлагали, — Евсеій занялъ каведру константинопольскую, когда она не была свободна: на каведрѣ константинопольской послѣ Александра былъ Павелъ, епископъ бевузоризненно благочестивый; но онъ былъ православнымъ по своему исповѣданію и потому подвергся низложенію. И страшна метительность враговъ православія! Они не удовольствовались тихимъ и спокойнымъ низложеніемъ Павла, а еще подвергли его различнымъ посяганіямъ, и связавъ, кои на много сократили жизнь святаго исповѣдника. Первымъ дѣломъ по возшествіи Евсеія на престолъ константинопольскій было — сокрушить послѣднихъ поборниковъ православія. Они должны были или

(а) Объ этомъ обстоятельстве согласно свидѣтельствуютъ Сократъ, Созоменъ и святой Афанасій. Приведенное нами изложеніе сдѣлано по Сократу У Созомена и Афанасія—нѣсколько иначе,—впрочемъ разность въ незначительномъ. См. Созом. 2, 30.

отказываться от своего православнаго исповѣданія, или отпавляться въ заточеніе, подобно святому Павлу исповѣднику.

Въ такомъ-то положеніи находились церковныя дѣла до самой смерти Константина! Неправедливо было бы всё эти интриги поставлять ему въ вину: человекъ свѣтлей, мало знакомый съ тонкостями богословскими, онъ много поддавался вліянію хитраго Евсевія, который и заправлялъ теперь всѣмъ; впрочемъ и Константина сердце не обманывало; мы знаемъ, что онъ не безъ надежды на возвращеніе сослалъ Аванасія въ Трирѣ; при смерти своей Константинъ завѣщалъ Констанцію между прочимъ и то, чтобы онъ возвращалъ св. Аванасія изъ его заточенія.

Въ Галліи, куда былъ сосланъ Аванасій, онъ нашелъ себѣ хорошій пріемъ у сына Константина Великаго Константина II, который былъ тамъ правителемъ. Пребываніе въ Трирѣ открыло Аванасію возможность завести знакомство съ епископами западными; а благосклонное отношеніе къ нему царевича освобождало его отъ страха продолжать живую переписку съ его друзьями въ Египтѣ. 28 мѣсяцевъ продолжалось заточеніе Аванасія; уже по смерти Константина Великаго сыновья его, всё трое съѣхавшись въ Панноніи, порѣшили между прочимъ возвратитъ всѣхъ епископовъ сосланныхъ въ заточеніе. Съ радостію возвращался св. Аванасій къ своей любимой паствѣ; съ восторгомъ встрѣчала его не только его пасомые, но и всѣ приверженцы православнаго ученія. Но за этими немногими днями радости великому поборнику православія снова уже предстояли великія, тяжкія испытанія и опять-таки отъ Евсевія Никомидійскаго. Вскорѣ же по смерти Константина арианамъ удалось привлечь на свою сторону сына Константина Констанцію, правителя имперіи Восточной. Подчинивъ Констанцію своему вліянію, Евсевій и этому императору начинаетъ дѣлать доносы за допосами на Аванасія; къ прежнимъ обвиненіямъ теперь присоединились новыя и въ большемъ количествѣ. Когда Аванасій возвращался изъ заточенія, народъ, какъ и естественно ожидать, выходилъ къ нему навстрѣчу и провожалъ его отъ одного мѣста до другаго толпами. Это объяснили тѣмъ, что

Аванасій поднимаетъ между народомъ волненія; опять пошли на Аванасія обвиненія въ убійствахъ, неправедныхъ заключеніяхъ духовныхъ въ темницу и даже въ отнятіи пищи, назначенной для бѣдныхъ. Чтобы представить сколько возможно отпоръ этимъ навѣстамъ, Аванасій собралъ въ Александріи соборъ, на которомъ явилось до 100 епископовъ египетскихъ; всѣ они единогласно опровергли клеветы возводимыя на Аванасія врагами его, дали похвальное свидѣтельство объ его архіепископской дѣятельности и наконецъ призвали весь міръ христіанскій на защиту Аванасія. Съ этою цѣлю разославы письма по всѣмъ церквамъ имперіи, и даже къ престолу Римскому, куда Аванасій послалъ посольство прямо отъ себя. Сторона Евсевія съ своей стороны тоже обратилась въ Римъ: борьба снова приняла очень широкіе размѣры. До сихъ поръ западные, кромѣ немногихъ епископовъ да пословъ папскихъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ, не принимали никакого участія въ томъ, что дѣлалось на Востоцѣ, по случаю волненій арианскихъ: теперь обращаются къ нимъ два знаменитые представителя церкви восточной— константинопольской и александрійской. Папа Юлій конечно очень радъ былъ видѣть подобныя изъявленія уваженія къ яму со стороны сихъ представителей церкви Восточной: но не изъявить свою покорность папѣ желали они, не затѣмъ обращались они къ папѣ. Имъ нужно было только голосомъ папы подтвердить каждому свою правоту. Папа, какъ человекъ не зараженный лжемысломъ, призналъ правоту на сторону Аванасія, а мысли Евсевія и партіи его осудилъ. Это конечно сильно озлобило Евсевія противъ епископа Римскаго и онъ задумалъ теперь справиться съ Аванасіемъ инымъ путемъ. 341 г. Евсевій собираетъ многочисленный соборъ въ Антиохіи, на которомъ опять опредѣляютъ отрѣштитъ Аванасія изъ сана епископскаго. 4 правиломъ Антиохійскаго собора постановлялось: «епископъ отставленный соборомъ не можетъ вступать въ отправленіе служенія, доколѣ снова не получитъ на это разрѣшенія». Ударъ прямо направленъ противъ Аванасія, который на соборѣ Тирскомъ подвергнутъ отлученію и потому ни на какомъ не получилъ восстановленія на епи-

скопство, вступил же въ свои права только по распоряженію власти царской. Папа могъ не признавать снова постановленій Антиохійскихъ на томъ основаніи, что они составлены приверженцами Арія. Чтобы отнять у Римскаго епископа и этотъ поводъ, Евсевій рѣшился наконецъ измѣнить своему прежнему другу, Арію: благо его не было теперь въ живыхъ. Соборъ Антиохійскій, состоявшій по преимуществу изъ друзей Евсевія Никомадійскаго, сторонниковъ ученій аріанскаго, произнесъ наконецъ на Арія (хотя и не именуя его по имени, но ясно выставляя пункты его ученія) проклятіе. Какъ не устойчива была партія аріанская въ своихъ вѣроопредѣленіяхъ, это самымъ лучшимъ образомъ подтверждается 4-мя символами, изданными въ то время—составившимися въ Антиохіи епископами. Эти символы одинъ отъ другаго почти не отличаются ничѣмъ, кромѣ не многихъ выраженій, относящихся къ ученію объ Иисусѣ Христѣ; но очень замѣтно, что въ епископахъ собравшихся въ Антиохію явилась наконецъ мысль сблизиться какъ можно тѣснѣе съ символомъ Никейскимъ. Начальныя слова перваго символа гласятъ: «мы подписавшіеся не принадлежимъ къ приверженцамъ Арія (ибо какъ мы, епископы, будемъ слѣдовать пресвитеру), и не иную какую вѣру исповѣдуемъ, какъ только преданную издревле въ Церкви.» За тѣмъ слѣдуетъ исповѣданіе вѣры, изъ котораго мы извлечемъ только нѣкоторые слова, ближе относящіеся къ нашему предмету: «вѣруемъ въ Сына Божія, Единороднаго, Который существуетъ прежде всехъ вѣковъ, и сосуществуетъ (συνεστω) родившему Его Отцу, чрезъ Котораго все сотворено». Во второмъ символѣ о Сынѣ Божіемъ выразились: «вѣруемъ въ Господа Иисуса Христа Сына Отцаго, Единороднаго, Бога, чрезъ Котораго все сотворено, Который Самъ рожденъ отъ Отца прежде всехъ вѣковъ, Богъ отъ Бога, совершенный отъ совершеннаго, единственный отъ единственнаго, неизмѣняемый, непреложный первообразъ Божества, существа, воли, силы и святости Отчей. Но кто говоритъ, что было время, или состояніе, или вѣчность прежде рожденія Сына, да будетъ проклятъ. Равно и тотъ, кто говоритъ, что Сынъ есть твореніе, подобное всѣмъ

твореніямъ, или что Онъ произведенъ и сотворенъ какъ всѣ прочія изъ произведенныхъ и сотворенныхъ существъ, да будетъ проклятъ». Въ 3 и 4-мъ символахъ осуждаются двѣмъ выраженія Арія, какъ напр. что было время, когда Сына не было, и употребляющіе подобныя выраженія подвергаются проклятію. Очевидно, что всѣ эти символы отличаются отъ Никейскаго тѣмъ только, что не употребили ни разу слова *εἰσοδοσας*, что уже слишкомъ оскорбительно было бы для самолюбія Евсевіева; но не употребляя этого слова буквально, епископы собравшіеся въ Антиохію замѣнили его такими выраженіями, кои вполне могутъ выражать смыслъ того слова. Замѣтно, что они сознавали правоту опредѣленія Никейскаго, и только не хотѣли открыто признаться въ заблужденіи своемъ. Въ заключеніи собора епископы не забыли исполнить главное свое дѣло, изъ-за котораго и собирались больше всего, — подтвердить изложеніе Аванасія и Маркелла. На мѣсто Аванасія поспѣшили выбрать преемника, избрали нѣкоего Григорія Каппадокійца. Можно было напередъ судить, какъ приметъ Александрійскій народъ эту перемену. Несмотря на то, что рѣшенія собора подтверждены были Константиємъ, въ Александріи возникли волненія. Константинъ отдалъ распоряженіе правителю въ Египтѣ Флагарію употребить для возведенія Григорія на престолъ воинскую силу. Тяжкія преслѣдованія открылись въ Египтѣ на исповѣдниковъ единосущія Сына Божія съ Богомъ Отцемъ; Аванасій удалился въ Римъ; съ нимъ потекли туда же и Маркеллъ Анкирскій и Павелъ Константинопольскій и многіе другіе восточные епископы, оставшіеся вѣрными символу Никейскому.

Мы сказали, что и епископы Антиохійскаго собора отравили отъ себя донесеніе, по дѣлу Аванасія въ Римъ. Папа Юлій отвѣчалъ, что онъ разсматривалъ это дѣло оборотомъ и находить нужнымъ, чтобы и со стороны Антиохійскаго собора явились представители въ Римъ, предложить на судъ папы самыя подробности своихъ сужденій. Антиохійскіе на предложеніе папы отвѣчали: «весь міръ призываетъ великія преимущества римской церкви: она памятникъ трудовъ апостольскихъ и древній градъ правой вѣры, хотя, какъ извѣст-

но, и получила начало свое съ Востока; но папа обманывается, если думаетъ, что на основаніи величія своего города онъ будетъ повелѣвать восточными; они, епископы Востока, превосходятъ западныхъ по добродѣтели и правобѣрью или благочестію» (Созом. III, 8). Затѣмъ антиохійскіе укоряютъ папу, что онъ принялъ Аванасія несмотря на опредѣленіе Антиохійскаго собора; это противно церковнымъ законамъ; папа долженъ бы былъ припомнить, что ихъ, т. е. восточныхъ, предшественники уважали же опредѣленіе римскаго престола противъ Новадіана; и въ заключеніе выражаются, что несмотря на предшествовавшую запутанность отношеній, они готовы продолжать церковное общеніе съ папою, если онъ одобритъ отлученіе положенное епископами Антиохійскаго собора на помянутыхъ прежде епископовъ: не захочетъ папа этого сдѣлать, въ такомъ случаѣ они отъ общенія съ папою отказываются. Папа собралъ 342 г. въ Римѣ соборъ, на которомъ разсматривали дѣло Аванасія и Маркелла, и оба они признаны совершенно правыми и обиженными безвинно. Послѣ чего папа разослалъ по восточнымъ церквамъ посланіе, въ которомъ между прочимъ писалъ: «онъ не думаетъ, чтобы епископы Антиохійскаго собора въ самомъ дѣлѣ были убѣждены, будто всѣ епископы одинаковы по своему достоинству, будто достоинство ихъ не измѣряется достоинствомъ городовъ; еслибы было такъ, то невозможно было бы ничѣмъ объяснить то часто повторяющееся явленіе на опытѣ, что епископы изъ меньшихъ городовъ, въ которые они бѣгаютъ поставляемы въ началѣ, перебираются въ города болѣе значительные». Можетъ быть Юлій имѣлъ въ виду при этомъ и Евсевія Никомидійскаго, который сначала былъ епископомъ въ Бергѣ, потомъ въ Никомидіи и наконецъ въ Константинополѣ. По отношенію къ дѣлу о епископахъ Юлій писалъ: «если они оба, какъ говорите вы, виновны, то судъ надъ ними нужно было производить по законамъ церковнымъ, а не такъ, какъ произвели вы въ Тирѣ и Антиохіи. Вы прежде всего должны были писать къ намъ, чтобы изслѣдовать, что справедливѣе. Обидѣ предавы епископы и притомъ епископы апостольскихъ церквей. Почему вы по поводу обстоятельство

первыя Александрійской прежде всего не обратились къ намъ, къ Римскому престолу? Вы, не только не спрашиваете насъ, но въ собственномъ вашемъ произволѣ зашли такъ далеко, что даже отъ насъ требуете, чтобы мы, не будучи сами судьями, потворствовали вашимъ опредѣленіямъ».

Письмо папы Евсевія Никомидійскаго уже не застало въ живыхъ; онъ умеръ въ концѣ 341 или въ началѣ 342 г. При выборѣ преемника Евсевію въ Константинополѣ происходили страшныя волненія; народъ православный требовалъ, чтобы на престолъ Константинопольскій возведенъ былъ Павелъ, котораго низвергъ съ престола Евсевій и который по смерти Евсевія посѣщалъ было изъ Рима опять въ Константинополѣ; но ариане избрали изъ своей партіи вѣткого Македонія^(а) и успѣли исходатайствовать на выборъ его согласіе императорское. Императоръ отдалъ повелѣніе начальнику войскъ Гермогену ввести Македонія въ его права воинскою силою и разогнать сторонниковъ Павла, приверженцы православія и Павла напали на квартиру Гермогена, задушили несчастнаго и таскали тѣло его по улицамъ. Констанція въ это время не было въ Константинополѣ; услышавъ о такихъ волненіяхъ, онъ посѣщилъ изъ Антиохіи, изгнавъ изъ Константинополя Павла и въ наказаніе городу—лишивъ его обыкновенной выдачи годоваго хлѣба; народъ отъ такого наказанія пришелъ въ смущеніе и раскаяніе; Констанцій простилъ возмутителей; но они снова привели въ Константинополѣ Павла и снова стали просить и требовать, чтобы ему отдана была каедрa. Тогда Констанцій рѣшился прибѣгнуть къ хитрости. Онъ поручилъ префекту преторіи Филиппу пригласить къ себѣ Павла будто бы для переговоровъ и потомъ тайно отъ править его на заточеніе въ Солунѣ; такъ и сдѣлаво; Павла отвезли въ заточеніе и Македоній — сопровождаемый Филиппомъ и военною стражею вступилъ въ главную церковь Константинополя и въ это время солдатами было частію побито, частію задавлено до 3000 человекъ.

Съ смертію Евсевія Никомидійскаго арианство ничего не

(а) Извѣстный въ послѣдствіи ересучитель.

утратило в своих силах. Преемник Евсевия Никомидийского на кафедре Константинопольской Македоний был такой же ярый защитник арианства; к тому же он нашел себе сильных сторонников — в лицъ епископовъ Мизийскихъ, Валента Мурайского и Урзакія Сингидувскаго. Къ счастью православныхъ, Констанцій имѣлъ причины опасаться войскъ Констансовыхъ. Когда папа съ соборомъ своихъ епископовъ отказался признать законность опредѣленій Антиохійскаго собора, по той главной причинѣ, что здѣсь не выдержаны строго опредѣленія Никейскаго собора, Констанцій отдалъ повелѣніе собраться своимъ епископамъ снова на соборъ въ Антиохіи же, 345 г.. Волею-неволею епископы собравшіеся въ Антиохію должны были приравняться къ опредѣленіямъ Никейскимъ, и они сдѣлали даже больше, чѣмъ сколько можно было отъ нихъ ожидать. Членъ объ отношеніяхъ между собою Лицъ Пресвятыя Троицы былъ выраженъ съ такою полнотою и ясностію, какъ можно только ожидать хоть бы и отъ православныхъ: «Вѣруемъ, что Отецъ и Сынъ соединены безъ посредства третьяго и пребываютъ нераздѣльно, такъ что Отецъ объемлетъ Сына, Сынъ всецѣло равенъ Отцу. Вѣруемъ въ святѣйшую и совершеннѣйшую Троицу, Отца, Сына и Св. Духа; именуя же Отца Богомъ, Богомъ и Сына, исповѣдуемъ чрезъ то не двухъ боговъ, но единое величье божества и единственное согласное господство». Несмотря на такую ясность православия въ опредѣленіи Антиохійскомъ Юлій и этимъ не удовлетворился; онъ требовалъ, чтобы Антиохійцы признали въ символѣ своею слово: Единосущныи.

Такъ какъ папа не дѣлалъ ни малѣйшей уступки восточнымъ, то для соглашенія съ нимъ восточныхъ, государя пришли къ мысли — покончить дѣло совѣтствомъ совѣщаніемъ епископовъ восточныхъ съ епископами западными; мѣсто собора назначенъ Сардика, городъ Иллирійскій (нынѣ София — въ Болгаріи), принадлежавшій владѣніямъ Констанса; на соборъ явилось 94 епископа западныхъ и 76 восточныхъ (347 г.). Восточнымъ хотѣлось болѣе всего осужденія, уничиженія Аванасія, и какъ скоро увидѣли они, что надежды ихъ не сбудутся, что Аванасій явился на соборъ въ качествѣ

такого же совѣщательнаго лица, какъ и всѣ епископы, то поспѣшили изъ Сардики удалиться. и открыть свой соборъ, изъ своихъ сторонниковъ, въ Фракіискомъ городѣ Фланиполѣ, принадлежавшемъ владѣніямъ Констанція. За падные остались въ Сардикѣ и подъ предѣтельствомъ Осія Кордубскаго держали соборъ. На соборѣ Сардикійскомъ главнымъ образомъ разсуждали о правахъ Римскаго епископа по отношенію къ епископамъ другихъ церквей и какъ можно ярче старались установить правило, что епископъ Римскій можетъ принимать апелляціи отъ епископа осуждаемаго соборомъ и перерѣшать рѣшеніе соборовъ; вмѣстѣ съ сими снова подтверждена обязательность исповѣданія Никейскаго, изречено запрещеніе составлять новые символы и отлученіе на главныхъ поборниковъ арианства, отдѣльшихся въ Филиппополѣ, Акакія Кесарійскаго, преемника Евсевію Кесарійскому, — Георгія Лаодикійскаго, Стефана Антиохійскаго (предѣдатель), Меносанта Евсекаго, Теодора Ираклійскаго, Урзакія, Валента и др. Но епископы, собравшіеся въ Фланиполѣ, не обратили вниманія на стрѣлы своихъ противниковъ; съ своей стороны они разослали посланія по всѣмъ церквамъ государства, въ коихъ оправдывали свою твердость и особенно выставляли на видъ чрезмѣрныя притязанія папы. «Западные, писали эти епископы, хотѣтъ подчинить себѣ восточныхъ; они измѣнили новый законъ, въ силу котораго хотѣтъ быть надъ нами судьями^(*); снова повторили отлученіе на Аванасія, Маркелла, Павла Константинопольскаго, даже на папу, Осію Кардоскаго, Протогція, Ганденція и Максимиана Трирекаго. Такимъ образомъ между Востокомъ и Западомъ открылось полное, рѣшительное раздѣленіе. Долго ли оставаться этому раздѣленію и откуда ждать теперь примиренія? Къ примиренію правителей церковныхъ открываютъ путь правители гражданскіе.

За Аванасія вступился императоръ Констансъ. 348 г. онъ посылаетъ брату своему посланіе, въ которомъ требуетъ, чтобы Аванасій и прочіе епископы были снова приняты на

(*) Hilar. Pictav. opp. Edit. Maur 1314 г. отрывокъ 3-й § 12.

ихъ наведры и чтобы именно самъ императоръ приложилъ къ этому дѣлу должное стараніе. Аванасій отправится въ египетъ съ деньгами и кораблями восточными. Констанцій не только согласился оказать услуги Аванасію, испрашиваемыя братомъ, но даже самъ письмомъ къ Аванасію просилъ у него прощенія; въ другихъ письмахъ своихъ къ Аванасію Констанцій увѣрялъ его въ совершенной безопасности, и даже просилъ его занять архіепископскій престолъ Александріи. Въ то же время Констанцій писалъ къ гражданскому правителю Египта, чтобы всѣ приверженцы Аванасія были вызваны и приняты на свои мѣста съ честью, чтобы ихъ невинность провозглашена была торжественно, чтобы прежнія постановленія Евсевіа въ противъ Аванасія были уничтожены въ государственныхъ актахъ. На пути изъ Авлиенъ въ Александрію Аванасій всюду встрѣчаемъ былъ горячею любовью православныхъ: теперь и враги его, видя, что подулъ противъ ный вѣтеръ, преклонялись предъ Аванасіемъ и просили его благоволенія. Въ Антиохіи Аванасій встрѣтился съ самимъ Констанціемъ; встрѣча была весьма любезная, хотя, какъ и показали послѣдствія, любезность эта была не искренняя, а разсчитанная на уступки со стороны Аванасія. Констанцій просилъ было Аванасія уступить хотя одну церковь въ Александріи въ пользу арианъ, и за эту услугу обѣщаль Аванасію, что сторонникамъ одинакаго съ нимъ исповѣданія уступлены будутъ церкви во всѣхъ городахъ имперіи. Аванасій не согласился: при самомъ же вступленіи въ Александрію Аванасій выгналъ всѣхъ арианъ. Урзакій и Валентъ должны были просить у Аванасія прощенія и сами произнесли проклетіе на Арія, ихъ зловерднаго учителя.

Можно подумать, что положеніе православныхъ теперь совершенно перемѣнилось къ лучшему: ихъ противники сокрушены, всѣми любимый архипастырь признанъ въ его правахъ и окруженъ честью; самъ императоръ имѣетъ попеченіе о спокойствіи и безопасности православныхъ. Къ сожалѣнію все это дѣлалось не искренно; Констанцій боялся только Констанса, и вотъ лишь только этого страха не стало, тотчасъ же перемѣнилъ свои отношенія къ православнымъ. Констансъ

330 г. умерщвляетъ возмутителемъ Магненціемъ. Магненцій, зная хорошо ненависть къ православному со стороны Констанція, послалъ было отъ себя къ Аванасію для переговоровъ. не согласится ли онъ держать сторону его, чтобы избавиться отъ преслѣдованій Констанція, но Аванасій не захотѣлъ вступать въ безчестную сдѣлку. Враги Аванасія обвиняли его, будто онъ велъ предательскую переписку съ возмутителемъ; но Аванасій съ достоинствомъ устранилъ отъ себя это безчестное обвиненіе. требовалъ, чтобы допросили и его писцовъ и Магненціевыхъ. дѣйствительно ли они, т. е. Аванасій и Магненцій, состояли въ перепискѣ, увѣрялъ, что онъ не переставалъ молиться о благоденствіи Констанція и дома и въ церкви, и указывалъ на это свидѣтелей.

Доколѣ Констанцій воевалъ съ Магненціемъ, долотѣ онъ еще довольно благосклонно обходился съ Аванасіемъ, имѣлъ еще нѣмъ переписку, въ которой величалъ Аванасія именемъ «своего дражайшаго отца, высокопочтеннымъ Аванасіемъ», увѣрялъ его, что несмотря на клеветы, какія возводять на Аванасія злые враги его, онъ Констанцій не перестанетъ быть съ нимъ благосклоннымъ, что вмѣстѣ съ престоломъ своего брата онъ наследуетъ и благосклонная расположенія его къ Аванасію. Но все это была хитрая лесть, вынужденная опасеніемъ, какъ бы Аванасій не склонился на сторону Магненція. Лишь только Констанцій покончилъ съ Магненціемъ, какъ началъ съ Аванасіемъ совершенно другую рѣчь.

353 г. Констанцій—послѣ победы надъ Магненціемъ являеся въ Арлесъ, въ Галліи, собирать здѣсь соборъ изъ галльскихъ и италіанскихъ епископовъ и требуетъ отъ нихъ, чтобы они изрекли на Аванасія отлученіе. Одна по страху угрозы, другіе по болѣзнительности общаго согласія на требованіе Констанція, за исключеніемъ Навлина, еп. Трирскаго, который не склонился ни на какия убожанія,—но за это и самъ былъ изложенъ, сосланъ во Фригію, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ и скончался. Надобно замѣтить, что самаго папы (теперь уже Ливерія, преемника Юліана) на соборѣ Арелатскомъ не было, но легатами своимъ онъ заранѣе давалъ

приказъ, стоять за дѣло Аванасія и за опредѣленія Никейскія. Теперь, какъ только услышалъ онъ, что дѣло приняло такой неожиданный оборотъ, тотчасъ же поспѣшилъ дать знать знатнѣйшимъ епископамъ, что легать его Винкентій Капуанскій поступилъ на соборъ противъ его желанія, а къ императору отправилъ посольство съ просьбою, снова назначить соборъ въ другомъ мѣстѣ. Сильнаго сотрудника себѣ въ этомъ противодействіи неурядливому собору Ливерій напелъ въ Люциферъ, еп. Каларитскомъ, въ Сардиніи; съ Люциферомъ долженъ былъ отправиться ко двору и знаменитый Евсевій Верцельскій, съ особымъ порученіемъ отъ папы, сдерживать горячность Люцифера.

Въ началѣ 355 г. Констанціей назначилъ соборъ въ Медиоланъ; восточныхъ собралось туда не много, западныхъ было до 300 епископовъ. Главными дѣятелями на этомъ соборѣ являются помнятыя прежде Урзакій и Валентъ. тѣ самые, которые лѣтъ за шесть предъ тѣмъ самымъ увнчижевнымъ образомъ являлись передъ Аванасіемъ, прося у него прощанія въ обидяхъ, ему причиненныхъ и проклятая Арія. Понятно, что дѣло и теперь должно было склониться прежде всего къ судьбѣ св. Аванасія. Урзакій и Валентъ съ своими единомышленниками потребовали, чтобы Аванасій былъ осужденъ. Приверженцы православія и папы требовали напередъ подтвержденія постановленій Никейскихъ, потому что между присутствующими нѣкоторые подозрительны относительно ихъ исповѣданія и потому не могутъ быть судьями Аванасія. Цювнсій еп. Медиоланскій приготовилъ было и листъ для подписи опредѣленной Никейскихъ, какъ Валентъ вырвалъ этотъ листъ изъ его рукъ и изорвалъ. Императоръ не хотѣлъ, чтобы объ этомъ предметѣ даже и толковали на соборѣ; и при этомъ распорядился, чтобы засѣданія собора перенесены были изъ церкви въ царскій дворецъ, чтобы въ случаѣ нужды можно было употребить въ дѣло воиленную силу. Въ царскомъ дворцѣ императоръ, сидя за завѣсою, подслушивалъ разсужденія епископовъ. Здѣсь всѣмъ епископамъ предложилъ для подписи адиктъ, который содержалъ въ себѣ мысли совершенно арианскія, которымъ требовалось изложеніе Аванасія и который

будто сообщенъ былъ Констанцію по откровенію во снѣ. Но православные не поддавались ни на обманъ, ни на лести, ни на угрозы, особенно горячо дѣйствовалъ здѣсь Люциферъ Каларитскій; передъ лицомъ всего собора онъ открыто и громко говорилъ, что адиктъ этотъ богоухульный, что онъ, Люциферъ, скорѣе положитъ жизнь свою, чѣмъ согласится этотъ адиктъ подписать. Теперь изъ-за заботы вышетъ самъ императоръ. На представленіе нѣкоторыхъ епископовъ утверждавшихъ, что Урзакій и Валентъ не достойны ни довѣрія, ни вниманія, что они сами же недавно отрелись отъ тѣхъ мыслей, какія выражаютъ теперь. — Констанціей отвѣчалъ, что онъ самъ является въ качествѣ обвинителя Александрійца (т.-е. св. Аванасія) и что ради его присутствующіе должны слушать Валента. Некоторые изъ присутствующихъ возражали было, что было бы противно церковнымъ правиламъ осуждать Аванасія въ его отсутствіи. Констанціей отвѣчалъ: «чего я хочу, то должно быть закономъ для первыи; восточные моей власти не противятся: ихъ примѣру должны слѣдовать и западные; иначе непокорные отправятся въ заточеніе». Наконецъ Констанціей взялся за мечъ и многимъ началъ угрожать смертію. Итакъ—или подпиш адикта, или заточеніе. Многие избрали первое, но Люциферъ, Евсевій, Цювнсій и еще нѣкоторые изъ епископовъ лучше согласились отправиться въ заточеніе, чѣмъ измѣнить истинѣ и правдѣ. Люциферъ изъ Сардиніи назначенъ въ Сирію, Евсевій изъ Верцеллы въ Скинополь, Цювнсій изъ Медиолана въ Каппадокію, легаты ланскіе Иларій и Пантратій—въ неизвѣстныхъ мѣстахъ; но ревность этихъ защитниковъ православія была слишкомъ горяча, чтобы можно было ее охладить чѣмъ-нибудь. Изъ заточенія своего Люциферъ писалъ къ Констанцію: «тебѣ бы быть въ повиновеніи у епископовъ, а ты осмѣливаешься ихъ судить; во смотри: законъ божественный изрекаетъ смертную казнь тому, кто по высокоумію не хочетъ слѣдовать служителямъ неба ⁽¹⁾».

Надобно думать, что употребленіе мѣръ насилія въ дѣлахъ

(1) Pro Athanas. l. c. 7.

церковныхъ скоро въ самомъ Констанціи начала укорять о-вѣсть; онъ захотѣлъ успокоить себя авторитетомъ самаго папы и послалъ дѣяніи Медиоланскаго собора для подвесаія къ нему. Папа и думалъ не хотѣлъ объ исполненіи незаконнаго желанія Констанціеца; «никогда не соглашусь я на осужденіе Аванасія, отвѣчалъ Ливерій Констанціи; Аванасій уже на двухъ соборахъ признанъ невиннымъ; лучше бы императоръ позаботился уничтожить опредѣленія Медиоланскія и велѣлъ бы рассмотреть дѣло епископа Александрійскаго въ другомъ мѣстѣ, и притомъ таномъ мѣстѣ, гдѣ не было бы блеска отъ мечей стражи воинской, и гдѣ дѣло рѣшилось бы не присутствіемъ самаго двора, гдѣ не было бы никакого принужденія, но всемъ управлялъ бы страхъ Божій». Въ отвѣтъ на зтотъ совѣтъ Ливерій Констанціи отдалъ приказъ представить папу къ себѣ въ Медиоланъ. Нужно было и теперь употребить воипсую силу для устранения противодѣйствій отъ народа. Когда Ливерій представленъ былъ въ Медиоланъ, то Констанціи въ аудіенціи Ливерію между прочимъ говорилъ: «я бы желалъ, чтобы ты какъ христіанинъ и епископъ моего города уничтожилъ обществу единомыслениковъ Аванасія, злодѣя: ^(а) всеобщій голосъ рѣшилъ противъ него, и опредѣленіе собора исключило его отъ церкви». Ливерій отвѣчалъ, что онъ не согласится подтвердить опредѣленія нѣкоторыхъ епископовъ противъ Аванасія уже потому одному, что опредѣленія сии составлены въ отсутствіи обвиняемаго и безъ всякихъ допросовъ ему. Кроме того, прибавилъ Ливерій, ему кажется, что осудившіе архипастыря Александрійскаго больше заботятся о подаркахъ и благорасположеніи императора, чѣмъ о славѣ Божіей. Послѣ немногихъ объясненій Констанціи высказалъ наконецъ, что «онъ ненавидитъ Аванасія смертельно; зтотъ гордый архіерей, возбуждалъ противъ меня брата моего Констанса, такъ что еслибы я незаблагодарсудилъ сдѣлать ему уступки, то между нами дошло бы пожалуй до войны; по зтому-то меня больше теперь занимаетъ усмиреніе зтого надменнаго, чѣмъ сколько прежде занимала даже война съ Магнен-

(а) Феодорит. II. 16.

циемъ». Папа отвѣчалъ, что если императоромъ движутъ расположенія мести, то напрасно онъ употребляетъ въ оружіе своей страсти епископовъ; онъ самъ можетъ сдѣлать, что ему угодно; епископы же поставляются не для того, чтобы изрекать проклятій, но только благословенія. Констанціи предложилъ было Ливерію три дня на размышленіе; но и по прошествіи зтого срока папа опредѣленій Медиоланскихъ не подписалъ, и за зто назначенъ въ заточеніе въ Верію, во Фракіи. Стыдясь самъ себя, Констанціи предложилъ было Ливерію на дорогу денегъ, но тотъ отказался, сказавъ, что императоръ съ большею пользою употребитъ ихъ на своихъ солдатъ и на своихъ епископовъ. Послѣ Ливерія слѣдовала очередь за Осію; и отъ зтого старца требовали, чтобы онъ подпisałъ осужденіе Аванасія, и угрожали ему заточеніемъ въ случаѣ отказа. Достигшій уже болѣе чѣмъ 100-лѣтняго возраста, Осія отвѣчалъ Констанціи: «я былъ уже исповѣдникомъ въ то время, какъ твой дѣдъ ^(б) Максиміанъ преслѣдовалъ церковь; если и ты хочешь преслѣдовать меня, я и теперь, какъ и всегда, готовъ лучше съ любовію все перенести, чѣмъ принять на себя неповинную кровь или измѣнить истинѣ; не похваляю тебя за то я, что ты такъ ко мнѣ пишешь и такъ угрожаешь; отстань, не соглашайся съ Аріемъ, не слушай восточныхъ, остерегайся Уракия съ Валентомъ; то, что они представляютъ тебѣ, все зто дѣлаютъ не столько изъ за Аванасія, сколько изъ-за того, чтобы ересь свою утвердить и распространить». Въ отвѣтъ на зто письмо Осія Констанціи прислалъ ему повелѣніе отправиться на заточеніе въ Сирію.

Такимъ образомъ Аванасій лишился всѣхъ своихъ защитниковъ на Западѣ, или лучше у всѣхъ его защитниковъ отпала всякая возможность сдѣлать что-нибудь въ пользу его. Преемникъ Ливеріи, Феликсъ, какъ любилецъ двора, не хотѣлъ ничего дѣлать въ пользу Аванасія. Сдѣлавши такіа приговоренія, Констанціи отправляетъ къ Сиріану, правителю Египта, приказъ низвести Аванасія съ престола, какъ скоро

(б) Дочь Максиміана была женою Константіана.

этот приказ сдѣлался извѣстнымъ въ Александрію, весь городъ пришелъ въ движение: духовенство, народъ, знатнѣйшіе граждане города осадили квартиру правителя съ просьбами къ нему, не сгибать исполненіемъ императорскаго указа, пока не возвратится посольство, которое они хотѣли отъ себя послать къ императору. Сприанъ согласился; волненіе утихло, но не надолго. Въ ночь на 9 февраля 356 г., когда народъ присутствовалъ въ храмѣ за всеобщимъ богослуженіемъ, Сприанъ осаждаетъ церковь православныхъ съ 5000 воиновъ: православные частью разбѣжались, частью побиты; Аванасія на этотъ разъ укрыли въ какомъ-то сокровенномъ мѣстѣ, и послѣ препроводили въ пустыню къ св. Антонию. На мѣсто Аванасія возведенъ арианами Георгій Каппадокійскій.

Въ лицѣ Аванасія изверженъ былъ послѣдній защитникъ православія; противники Никейскаго собора горжестовали совершенно, но самое это торжество ихъ скоро послужило имъ во вредъ. — Мы говорили прежде, что сами ариане не все были согласны между собою; до сихъ поръ общая ненависть къ православнымъ не давала имъ времени и возможности входить въ подробныя изслѣдованія о занимавшихъ ихъ разносѣяхъ; теперь — когда эта вѣтвистая оявъ соединявшая ихъ порвалась — несчастные начали ратовать другъ съ другомъ. Поводомъ къ этому раздѣленію между арианами послужило явленіе между ними новыхъ учителей, которые вознамѣрились возстановить арианство, какъ оно явилось въ своей первоначальной формѣ, очистить его отъ примѣси тѣхъ послабляющихъ словъ и выраженій, какія прибавлены были послѣ Арія въ видахъ уступки православнымъ. Этими новыми учителями въ арианствѣ были Азцій, диаконъ Антиохійскій, и Евномій, еп. Кизическій⁽⁶⁾. Урзакій и Валентъ, бывшіе на ихъ сторонѣ, знали, что Констанцій держится полударианства: довести до его свѣдѣнія новыя ученія возстановителей арианства, было не безопасно. Но и оставить не рѣшеннымъ дѣло было невозможно; потому что Азцій и Евномій приобрѣтали себѣ многихъ послѣдователей; придумали новую увертку, хитрую хотя, какъ и слѣдовало

ожидать, малолетнюю. Констанцію представили, что все волненіе, какія доселѣ происходили и происходили въ Церкви, происходить изъ-за слова *homois*; не будь въ символѣ этого слова, тогда и волненій никакихъ не было бы. Собирають до двухъ разъ соборъ въ городѣ Сирміумѣ (Срѣмѣ, въ Панноніи) и на одномъ изъ этихъ соборовъ издають еще символъ, такъ-называемый 2-й Сирміійскій, въ которомъ между прочимъ говорилось: «такъ какъ по причинѣ опредѣленія равенства или подобія существа Сына и Бога Отца возникаютъ столь многіе безпорядки: то отселѣ ничему ни учить и не проповѣдывать о сестествѣ Сына; ибо это и превосходитъ человеческій разумъ; да и пѣтъ объ этомъ ничего въ св. Писаніи; напротивъ св. Писаніе предостерегаетъ отъ всякихъ подобныхъ разсужденій, когда говоритъ: кто можетъ изречь рожденіе Сына (Ис. 53, 8)? Только Отецъ знаетъ, какъ Онъ родилъ Сына, и только Сынъ знаетъ, какъ Онъ рожденъ отъ Отца, хотя и никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что Отецъ больше Сына по чести, достоинству и могуществу; ибо Самъ Сынъ свидѣтельствуеть о Себѣ: Славный мѣся — больше мѣня». (Іоан. 14, 28). Стали разсылать опредѣленія Сирміійскаго собора для подписи епископамъ; снова пошли всюду разногласія, и разногласіямъ этимъ не предвидѣлось даже конца. Въ это-то время совершилось одно изъ несчастныхъ событій, которое темнымъ пятномъ легло на престолѣ аи. Петра. Папа Ливерій, чтобы искупить свое возвращеніе изъ заточенія, согласился подписать символъ сирміійскій и принести осужденіе на Аванасія. Это обстоятельство глубоко потрясло св. Аванасія. Если до сихъ поръ сочувствие великихъ представителей Церкви было для великаго святителя крѣпкою опорой и утѣшеніемъ, то въ отреченіи отъ него Ливерія Аванасій увидѣлъ тягчайшее испытаніе для себя. Но и подъ этимъ испытаніемъ великій святитель не упалъ духомъ, «хотя бы и братья насъ оставили, писалъ Аванасій въ пустышкамъ Египта, хотя бы друзья и знакомые измѣнили намъ, хотя бы никто не остался сострадать намъ и утѣшать насъ, и тогда у насъ есть надежное приближеніе — Господь. Ніякъ также оставался нѣкогда одинъ, когда его преслѣдовали, но

(6) Подробнѣе о нихъ будетъ въ исторіи 2-го Вселенскаго собора.

Богъ былъ для него все во всемъ. Подобный примѣръ оставилъ намъ и Самъ Спаситель: Онъ также, оставленный всѣми, одинъ переносилъ страданія, дабы и мы, будучи оставлены людьми во время напастей, не упадали духомъ, но на Него возлагали упованіе и не измѣняли истинѣ. Она (истина) хотя и можетъ быть помрачена на нѣсколько времени, во сама гонители наконецъ должны будутъ узнать ее» (описано 358 г.).

Но напрасно великій святитель въ глубокой скорби своей представлялъ себя отсюда оставленнымъ отъ людей: и теперь, какъ во времена онаго Илія, было еще если не 7000, по крайней мѣрѣ хотя нѣсколько вѣрныхъ въ новомъ Израилѣ, не преклонившихъ колѣнъ своихъ передъ идоломъ ереси!

Малодушная выходка Ливерія въ вѣкторныхъ изъ самыхъ западныхъ епископовъ возбуждала въ себѣ полнѣйшее негодованіе. Иларій, еп. Пуатьерскій, который сохранилъ намъ посланіе Ливерія, въ которомъ тотъ выражаетъ свое раскаяніе, — изрекаетъ на самаго Ливерія проклятіе за его измѣну. И нечего удивляться ревности Иларія; изрекая осужденіе на Аванасія, Ливерій входилъ въ общеніе съ Урзакіемъ и Валентомъ, главными двигателями на соборѣ Сирмійскомъ.

Несмотря на согласіе папы съ опредѣленіями сирмійскими, опредѣленія эти не встрѣтили однакожъ всеобщаго сочувствія, не только между православными, даже и между полуаріанами. Изъ православныхъ эти опредѣленія отвергли Иларій Пуатьерскій, Сатурній Арелатскій, и многіе другіе епископы; изъ полуаріанъ: Василій Анкирскій, Георгій Ладикійскій; эти послѣдніе созвали 358 г. изъ единомысленныхъ съ ними епископовъ соборъ въ Анкирѣ, на которомъ торжественно провозгласили *подобосущіе*, изрекли 12 анаематизмовъ на исповѣданіе Сирмійское и послали отъ себя посольство къ Констанцію, съ объясненіемъ, что Урзакій и Валентъ только его обманываютъ, что сами они или не имѣютъ никакихъ убѣжденій, или мѣняютъ ихъ съ каждымъ годомъ, что опредѣленія сирмійскія содержатъ въ себѣ очевидное противорѣчіе тому, что Урзакій съ Валентомъ постановили на прежнихъ соборахъ. Констанцій и на зтогъ вѣтеръ поддался и потребовалъ отъ бывшихъ на соборѣ Сирмій-

скомъ подписи анаематизмовъ Анкирскихъ. Дѣло запуталось до безконечности. Аріане и полуаріане все, какъ говорится, изогались, запутались въ интригахъ безвыходно. Гдѣ будетъ исходъ изъ этого темнаго лабиринта?

Долго аріане думали, и наконецъ придумали просить императора о томъ, чтобы онъ назначалъ вселенскій соборъ. Но напередъ, чтобы меньше было между ними разногласія, рѣшились на сдѣлку между собою. Еще написали символъ, который весомѣнно носилъ признаки кабинетнаго приказа Констанціева. Въ этомъ символѣ въ угоду аріанамъ положено было, чтобы вперёдъ не употреблять о Сынѣ Божіемъ слова *сбснъ*; а въ угоду полуаріанамъ положено было исповѣдывать. Сынъ полюбаетъ Отцу, по писанію. Мѣстомъ для вселенскаго собора предзназначалась Никомидія; но какъ будто въ предвѣстіе того, что нечестивое дѣло, когда оно становится опаснымъ для многихъ, не можетъ имѣть успѣха, — за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія засѣданій соборныхъ—Никомидія разрушена была землетрясеніемъ! Новыми объявленіями императорскіе курьеры повѣстили, что соборъ въ одно и то же время назначается въ двухъ мѣстахъ: для западныхъ въ Римини, въ Италіи (400 еп.), для восточныхъ въ Селевкіи, 200 еп., въ Песавріи. Аріане, какъ и слѣдовало ожидать, отрядили на тотъ и другой изъ сборныхъ пунктовъ лучшихъ изъ своихъ сторонниковъ; въ Римини былъ самъ Урзакій съ Валентомъ, въ Селевкіи—Акакій, Евдокій, Георгій Александрійскій и др. Въ Римини императоръ назначалъ отъ себя чиновника вѣктого Таира съ повелѣніемъ ему, не отпускатъ изъ города ни одного епископа, доколѣ въ покоячатъ они совѣщаній соборныхъ. Лишь только Урзакій съ Валентомъ выставили напоказъ поманутый нами листъ императорскій, какъ на соборѣ возникло сильное волненіе; все единодушно стали изрекать проклятія на Арія, и его приверженцевъ, единственно истиннымъ призывали исповѣданіе только Никейское, все подтверждали единосущіе Сына Божія съ Богомъ Отцемъ и самими Урзакія съ Валентомъ подвергли проклятію. Этотъ соборъ и кончился. Но засѣданіе на соборѣ должны были послать еще свои постановленія на раз-

смотрѣніе императорское, и доколѣ депутаты не возвратятся, не могли выѣзжать изъ города. Посланныхъ отъ собора до Констанція не допустили, сначала подѣ тѣмъ предложомъ, что императоръ занять дѣлами политическими, потомъ — за выѣздами государя по имперіи. Въ такой проволочкѣ проходили дни за днями, недѣли за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами, и наконецъ когда посланные отъ собора уже утомились отъ напрасныхъ переѣздовъ изъ одного города въ другой, Валентъ сообщаетъ имъ, что императоръ и слушать не хочетъ ни о какомъ другомъ символѣ, кромѣ того, который предложень былъ въ Римини, въ началѣ засѣданій. Тѣ волею-неволею должны были подписать листъ предложенный имъ отъ Валента, и Валентъ съ радостію посѣпывалъ къ Риминійскимъ отцамъ съ этимъ приобѣщеніемъ, какъ результатомъ посольства къ императору. Риминійскіе отцы сначала было взволновались, не хотѣли подписывать листа и посланныхъ къ императору называли предателями Церкви. Но частію угрозами, напр. что они не оставятъ Римини, доколѣ не подпишутся, частію обманомъ (такъ ихъ уверяли, что и Селевкійскій соборъ (дѣло сдѣлалъ депутаты) уже подписать тѣмъ же опредѣленіемъ), а частію и ласкательными обещаніями—Риминійскіе отцы склонились наконецъ все въ числѣ 400 человекъ на подпись символа, составленнаго Констанціемъ и арианамъ. И такъ весь западъ отдался арианству!

Все, что происходило на соборѣ Риминійскомъ, повторилось и на соборѣ Селевкійскомъ: также спорили, также другъ друга предавали проклятію и также должны были кончить, съ тѣмъ только различіемъ, что посланныхъ отъ собора Селевкійскаго принималъ самъ императоръ и принявъ ихъ, имѣлъ утѣшеніе письменно убѣдить ихъ, что Риминійскіе отцы дѣйствительно приняли арианскій символъ. За Риминійскими послѣдовали и Селевкійскіе, въ числѣ 200 епископовъ; и такъ весь міръ христіанскій увидѣлъ себя арианствующимъ.

Гдѣ же теперь защитники православія? Главный изъ ихъ бодрствуетъ еще, только его не видно: онъ живетъ въ тихой

пустынѣ, въ подвигахъ, но отчасти подготавлиется и на новую борьбу.

Въ такомъ положеніи дѣло было до смерти Констанція. Послѣдующія царствованія, за исключеніемъ непродолжительнаго правленія Ювіанова, были для православныхъ столько же неблагопріятны, какъ и правленіе Констанціева. И Юліанъ и Валентъ причиняли весьма чувствительныя притѣсненія и оскорбленія православнымъ, и великій руководитель снеленія и оскорбленія православныхъ, и великій руководитель православныхъ св. Афанасій въ оба эти правленія терпѣлъ оскорбленія и даже изгнанія. Слѣдствіемъ всѣхъ такихъ оцѣней на православіе было то, что арианство, поспряемое правителями—усиливалось, развѣтвлялось, процвѣтало. Прекрасное изображеніе церковнаго состоянія въ это время находимъ у св. Василія Великаго въ 30 гл. его сочиненія о Святомъ Духѣ, которое писано было къ Амфилохію, еп. Иконійскому. Св. Василій сравниваетъ современное ему состояніе Церкви съ зрѣлищемъ битвы противниковъ на морѣ, воздымаемомъ бурейю. «Съ чѣмъ сравнить, спрашиваетъ онъ между прочимъ святитель, настоящее состояніе церкви? Оно подобно морской битвѣ, въ которую мужи бранялюбивые и привыкшіе къ морскимъ сраженіямъ вступили съ раздраженіемъ другъ противъ друга за давнія обиды. Смотри же на это изображеніе: какъ страшно съ обѣихъ сторонъ устремляются ряды кораблей, и, когда гнѣвъ достигнетъ высшей степени, схватившись, начинаютъ борьбу! Предположи, если угодно, что корабль порываются сильною бурейю. что мгновенная згла, разлившись изъ облаковъ, очерняетъ все видимое, что не возможно различить ни друзей, ни враговъ, и съ смѣтеніемъ не распознаются подаваемые другъ другу знаки. Для большей ясности подобія предположимъ еще, что море надувается, изъ самыхъ глубинъ бьетъ клубомъ вверхъ, что изъ облаковъ льетъ стремительный дождь, что началось страшное тревоженіе гонимыхъ бурейю валовъ, и потому, что вѣтры отсюду стремятся къ одной точкѣ, и отъ того корабли съ трескомъ взаимно сталкиваются, и стояніе въ босвомъ порядкѣ частію передаются неприятелямъ и вслѣдствіе самой борьбы переходятъ въ ихъ власть, а ча-

стию поставлены въ необходимость вмѣстѣ и отталкивать наносимыя на нихъ вѣтрами ляди, и сопротивляться нападающимъ на нихъ кораблямъ, и убивать другъ друга во время мятежа, произведеннаго и завистию къ превосходству другихъ, и желаніемъ наждаго самому одержать верхъ. Вообрази еще сверхъ этого, что все море оглашено тавъ каковыми то смѣшанными и неразличимыми звуками, отъ свистящихъ вѣтровъ, отъ взаимнаго ударенія кораблей, отъ шума кипящихъ волнъ, отъ крика сражающихся, которые выражаютъ страсти свои великими голосами, отъ чего неслышно голоса ни кораблеправителя, ни кормачаго, а видны какой-то ужасный безпорядокъ и смятеніе, и чрезмѣрность бѣдствія при отчаяніи въ жизни производить въ нихъ то, что грѣшатъ съ совершеннымъ безстрашіемъ. Присовокупи какое-то неслышимое бѣснованіе честолюбія въ тѣхъ, которые на корабляхъ, такъ что они не оставляютъ между собою спора о первенствѣ, когда корабль погружается уже въ глубину».

«Перейди же теперь отъ сего изображенія къ самому первообразу зла. Не казалось ли въ некоторымъ образомъ прежде, что иномыслие арианское, отдѣлившись отъ церкви Божіей для противоборства съ нею, одно, своими только силами, противостоитъ намъ въ рядахъ непріятельскихъ? Но когда, послѣ продолжительныхъ и жестокихъ споровъ, вступили они съ нами въ явную борьбу: когда брань приняла много видовъ и раздѣлилась на много частей; поному и по общей враждѣ, и по частной подозрительности, во всѣхъ поселилась непримиримая ненависть. И это обуреваніе церкви не свирѣло ли всякаго морскаго сраженія? Имъ сдвинуты съ мѣста всѣ предѣлы отцевъ, приведены въ колебаніе всѣ основанія и всѣ твердыни догматовъ. Подаянно какое-то плачевное и горестное омраченіе объемлетъ церковь, послѣ того какъ изгнаны въ заточеніе свѣтила міра, поставленныя Богомъ просвѣщать души людей...»

Но не до конца Богъ прогнѣвался на избранныхъ своихъ. Тамъ, гдѣ свирѣствовала буря морская—какъ всегда бываетъ послѣ бури—началась уже и успокоительная тишина. Начало такому спасительному успокоенію церкви положилъ

приснопамятный преемникъ императора Валента—Теодосій Великій, который для успокоенія волненій въ церкви между прочимъ издалъ указъ о созваніи новаго Вселенскаго собора¹⁾.

Второй Вселенскій соборъ—Константинопольскій

Связь втораго Вселенскаго собора съ первымъ; еретическія sectы, появившіяся въ промежуткѣ времени между первымъ и вторымъ Вселенскими соборами: евноміане, аномей, собственно ариане или едоксіане, полуариане или духоборцы, михеллане, естиміане, антолларіанцы; историческія свѣдѣнія объ основателяхъ сихъ sectъ и объ ученіи ихъ.—Особеннаго злобствія угрожающія церкви отъ духоборцевъ. Побужденія къ созванію вредности угрожающія церкви отъ православныхъ епископовъ на Вселенскаго собора.—Марія со стороны православныхъ епископовъ на соборъ къ тому, чтобы привести духоборцевъ въ общеніе съ Церковію.—Свято-отеческое ученіе о третей Униотси пресвятыхъ троицы—Св. Духъ; дополненіе къ Никейскому символу вѣры; изысканія о томъ, когда сдѣлано сіе дополненіе.—Распоряженіе на Константинопольскомъ соборѣ касательно константинопольской епархіи; положеніе константинопольской епархіи передъ временемъ собора; дѣятельность на ней св. Григорія Богослова; побужденія для св. Григорія Богослова отъ епархіи отъ епархіи. Преемникъ св. Григорія Богослова на константинопольской епархіи, Нектарій.—7 правилъ 2-го Вселенскаго собора; утвержденіе правилъ соборныхъ указомъ императора. Помѣстный соборъ Константинопольскій 382 г., какъ дополненіе къ Константинопольскому собору Вселенскому.

Связь втораго Вселенскаго собора съ первымъ в церковно-догматическое значеніе дѣятельности сего собора для насъ представится нагляднѣе, если мы заранѣе обратимъ вниманіе: 1) на разнообразіе догматическихъ преній, какія возникали въ промежуткѣ времени между первымъ и вторымъ Вселенскими соборами, и 2) на состояніе къ тому времени церковныхъ дѣлъ въ Константинополь собственно со стороны церковнаго управленія.

Торжество, какого достигло арианство, особенно при Констанціи и Валентѣ, послужило лишь ко внутреннему разложенію этой системы лжеученія; арианство, какъ и всякая ложь, будучи несостоятельно само въ себѣ, начало раздѣляться на различныя отрасли, кои взаимно оторипали одна другую; изъ единого въ началѣ зерна, брошеннаго одиѣмъ, въ теченіе съ небольшимъ 50-ти лѣтъ произрастали евноміане,

(1) Въ консульство Евхарія и Евгарія, въ 381 году въ мѣсяцъ маѣ (Сокр. 5, 8).

аномей, собственно ариане или евдоксаны, полуариане, или духоборцы. Арианство же было причиною и того, что теперь въ некоторых мѣстахъ возстали прежше еретики—савеллиане, и вновь возникли еретическія партіи маркеллианъ, фотинианъ, аполливаріанъ (2-й Вселенскій соборъ пр 1). Все эти еретическія секты дали въ свою очередь, какъ видно, не малые остротки, судя потому, что отцы Константинопольскаго собора считаютъ нужнымъ упоминать объ этихъ сектахъ поименно. Особенно опаснымъ изъ всѣхъ порожденій арианства, произведшимъ особенно безпокойныя движенія и волненія между вѣрующими, было духоборство; главнымъ представителемъ этого лжеученія и главнымъ виновникомъ къ созванію 2 Вселенскаго собора былъ Македоній. Въ первый разъ онъ становится извѣстнымъ въ исторіи тѣмъ, что является въ члѣнъ депутатовъ, назначенныхъ Тирскимъ соборомъ (состоявшимъ изъ однихъ зложестелей св. Афанасія) для изслѣдованія преступленій, кои возводимы были на св. мужа его зложестельями: вмѣстѣ съ Македоніемъ эту нечестивую депутацию составляли: извѣстные по своей приверженности къ арианству Оеогнисъ еп. никейскій, Маріусъ халкидонскій, Теодоръ пракійскій, Урзакій и Валентъ (Созом. II, 25). За тѣмъ Македоній извѣщенъ участвовать въ борьбѣ съ св. исповѣдникомъ Павломъ, еп. константинопольскимъ. Блаженный Александръ, еп. константинопольскій (одинъ изъ главныхъ ратоборцевъ прогвавъ Арія), приближаясь къ концу своей, назначалъ преемникомъ своимъ Павла, чловека благочестиваго, добраго и учительнаго (Созом. III, 3). Но результатамъ ученія аріана хотѣлось рукоположить Македонія; императоръ (Констанцій) привлялъ сторону послѣднихъ и святейшій исповѣдникъ православія, осужденный будто бы за хульную жизнь, былъ извергнутъ, какъ выражается Созомень, изъ константинопольской церкви, приговоренъ къ ссылке, гдѣ, по просякамъ людей, иславшихъ его живнн, умеръ жалкимъ образомъ отъ веревки (Созом. 3, 3). Мелва и донынѣ поется, замѣчаетъ Созомень въ другомъ мѣстѣ (4, 2), что Павелъ удавленъ единомышленниками Македонія. Завявъ, по низверженіи Павла, престолъ константинопольскій и под-

звувъ великою довѣренностію къ себѣ царя, Македоній воздвигъ, по словамъ Сократа, между христіанами войну не менше той, какую вели въ то время тираны; неповѣдавшие единосущю изгоняемы были не только изъ церкви, но и изъ городовъ; православныхъ принуждали къ общенію съ арианами, и принужденіе было не менше того, когда предписывали поклоняться идоламъ: употребляли и подобо всаго рода и различныя пытки и отнятіе пятій, многие сосланы были въ ссылку, иные умерли среди мученій, иные погибли на пути въ ссылку (2, 27). Со стороны догматической духоборство состояло въ тѣсной связи съ арианствомъ и служило какъ бы выводомъ изъ арианства. Еще въ системѣ самаго Арія св. Афанасій усматривалъ отрицаніе божественности третьяго Лица Пресвятой Троицы; уже по ученію Арія, какъ оно излагалось было имъ въ его ваянъ, существо Духа Святаго признавалось низшимъ сущности Бога Отца и Бога Сына (Ан. противъ Ар. сл. 4, стр. 163—165). Еще рѣзче и смѣлѣе высказано уничижительное мнѣніе о Св. Духѣ Евноміемъ, еп. Кизикскимъ; Духъ Святей, по ученію Евномія, есть твореніе Сына, какъ Самъ Сынъ есть твореніе Отца Мысли епископа Кизикскаго усвоилъ себѣ и Македоній, сторонникъ его по приверженности къ арианству, и выразилъ ихъ еще съ большею дерзостію противъ Св. Духа. По словамъ Созомена, Македоній Духа Святаго не признавалъ причастнымъ божественныхъ преимуществъ, называя Его служителемъ, исполнителемъ и другими именами, приличными святымъ ангеламъ (4, 27). По свидѣтельству блаж. Теодорита, Македоній Духа Святаго именовать тварію (2, 6). Мысли Македонія наши себѣ многими сторонниками, особенно между тѣми въ аріанъ, кои признавали Сына Божія неподобнымъ (*σχιζος*, отсюда аномей) Богу (тму). По мѣстамъ возникали сильныя пренія о томъ, должно ли святаго Духа признавать единосущнымъ Отцу и Сыну? Продолжительныя разсужденія объ этомъ были, по замѣчанію Созомена, не менше спорны какъ и пренія о Слово Божіемъ. Признававшіе Сына не подобнымъ и подобо-сущнымъ, въ сѣмъ случаѣ согласились между собою; ибо тѣ и другіе утвержда-

ли, что Духъ есть Лицо служебное, по чину и чести третье и по существу отличное. Тѣ же, которые исповѣдали Сына единосущнымъ Отцу, тѣ тоже мысляли и о Св. Духѣ (6, 22).

Какъ видно по первому правилу второго Вселенскаго собора, передъ временемъ собора, кромѣ различныхъ отраслей арианскихъ еще распространены были лжеученія савеллианъ, маркеллианъ, фотинианъ, аполлирианъ. На томъ основаніи, что 2-й Вселенскій соборъ, изрекая осужденія на длинный рядъ лжеучителей, почелъ нужнымъ эти лжеучительныя направленія поименовать въ раздѣльности, мы должны предположить, что лжеучители тѣ имѣли у себя многихъ послѣдователей, а потому и находимъ нужнымъ сказать здѣсь о сихъ лжеучительныхъ отрасляхъ подробно.

Евноміане получили свое наименованіе отъ Евномія, епископа Кизикскаго. О жизни сего Евномія, прежде чѣмъ онъ сдѣлался епископомъ Кизикскимъ, извѣстно, что онъ былъ письмоводителемъ у Азціи, начальника одной изъ арианскихъ сектъ. Объ этомъ учитель Евномія, Азція, древніе историки говорятъ, что онъ былъ одинаковымъ мыслей съ Ариемъ и проповѣдывалъ одно и тоже ученіе; но отдѣлился отъ арианъ за то, что они приняли въ свое общеніе Арія, измѣнившаго своему прежнему ученію тѣмъ, что подписалъ (хотя и злонамѣрно, какъ это извѣстно) Никейскій символъ (Сокр. 2, 35). Замѣчаютъ еще, что Азція имѣлъ пристрастіе къ состязаніямъ, хитросплетеніямъ и софизмамъ, за что и прозванъ былъ безбожникомъ; догматическое ученіе христіанское Азція старался развивать при помощи категорій Аристотеля; но пристрастившись къ софизмамъ, на основаніи категорій онъ не въ состояніи былъ понять, замѣчаетъ Сократъ, «какимъ образомъ не рожденное можетъ быть рожденіемъ и какъ прошедшее соотвѣчно родившему.» Сущность азціева ученія о Сынѣ Божіемъ представляютъ такъ: «Сынъ Божій есть существо сотворенное (κτισθεν) изъ ничего (ἐξ οὐκ ὄντων), ни въ какомъ отношеніи не подобное Отцу (σὺν ὁμοίῳ τῷ Πατρὶ) и потому не одного съ Нимъ естества. Эти-то мысли учителя своего усвоилъ себѣ и ученикъ Азціи Евномій. Обращаясь съ Азціемъ, Евномій, какъ замѣчаетъ Сократъ, сталъ подражать его

софистическому образу мыслей, заниматься пустыми словами и сплетать софизмы. Надмеваясь этимъ—продолжимъ слова древняго историка церкви—Евномій виазъ въ богохульство, подражалъ ученію Арія и на догматы истины большею частію возставалъ враждебно (4, 7). Евдоксій, епископъ константинопольскій, арианнъ посягалъ Евномія въ епископа Кизикскаго; прибывъ въ Кизикъ и употребивъ въ дѣло обычную свою діалектику, Евномій возмущилъ Кизикъ; граждане, не могли выносить надменной его говорливости, выгнали его изъ города; изгнанный изъ Кизика, Евномій прибылъ въ Константинополь, жилъ здѣсь съ Евдоксіемъ и оставался безмѣстнымъ епископомъ. Ученіе Евномія о второмъ Лицѣ Пресвятой Троицы въ главныхъ чертахъ было таково: «по существу своему Сынъ несколько не подобенъ Богу Отцу и не можетъ быть названъ ни *ὁμοῖος*, ни *ὁμοουστος*; кто утверждаетъ первое, тотъ допускаетъ раздѣленіе вѣчной сущности; кто принимаетъ послѣднее, тотъ допускаетъ бытіе двухъ равныхъ боговъ. Сынъ—первый служитель Отца, Его орудіе въ твореніи и Онъ не отъ несозданнаго естества Отцаго произошелъ, но получилъ бытіе лишь по волѣ Его и есть твореніе не созданнаго, хотя не такое же, какъ прочія творенія»⁽¹⁾. Евноміане же назывались и апомяями отъ того, что они проповѣдывали несходство (*συνεστος*) Бога Сына съ Богомъ Отцемъ. Евдоксіанами ариане назывались отъ имени Евдоксія, епископа константинопольскаго, который рукоположилъ Евномія въ епископа Кизикскаго. Полуарианами и духоборцами назывались тѣ, которые Сына Божія не признавали ни единосущнымъ Богу Отцу, какъ православные, ни совершенно неравнымъ Отцу, какъ ѳноміане, а только подобнымъ Отцу (*ὁμοιος*), и такимъ образомъ хотѣли стать на срединѣ между тѣми и другими, т. е. между православными и чисто арианами. Эти-то полуариане названы на соборѣ и духоборцами, во главѣ коихъ стоялъ Евдоксій и Македоній.

Савеллиане—послѣдователи Савеллія, который вѣръ три Лица

(1) Наилучшій источникъ свѣдѣній о лжеученіи Евномія представляютъ пять словъ противъ него, написанныхъ св. Василиемъ Великимъ.

Божества сливалъ въ одной Уностаи Отца и почиталъ Лица Пресвятой Троицы различными ся ипемами или проявленіями. Маркелліанъ—отъ Маркелла, епископа Анкирскаго. Странная судьба выпала на долю этого несчастнаго епископа. Ревностный защитникъ православія въ борьбѣ съ аріанами, неуступчивый спутникъ и вѣрный соучастникъ св. Аеавасія въ скорбяхъ и изгнаніяхъ, Маркеллъ самъ обвиняется въ ереси и подвергается отлученію отцами церкви православной. Какъ это могло случиться? Къ разъясненію сего могутъ вести слѣдующія обстоятельства, передаваемые Сократомъ (I, 36). Нѣкто Астерій, христіанинъ, родомъ изъ Каппадокіи, софистъ, писалъ сочиненіе, въ которомъ содержится ученіе Арія, и ходя по городамъ Сири, вездѣ читалъ это сочиненіе. Маркеллъ, епископъ Анкирскій, вознамѣрился ему противодействовать, началъ говорить вопреки ему и при этомъ впадалъ совершенно противную крайность. Вдавшись въ тонкости софистическія, онъ впадалъ въ савелліанство и приближился къ ученію Павла Самосатскаго: онъ началъ называть Сына Божія—*дѣлосъ пророковъ*—не отличимымъ отъ Отца по личности, подобно тому, какъ и человеческое слово не есть особое лицо, по сему въчто присущее въ самомъ человѣкѣ. Нѣсколько преувеличивая вину Маркелла, Сократъ прямо обвиняетъ его, будто онъ, подобно Самосатскому, дерзнулъ называть Христа простымъ человѣкомъ. Все это замѣтили собравшіеся въ Іерусалимѣ епископы, потребовали отъ Маркелла объясненія на написанную имъ книгу, и, нашедши, что онъ мыслитъ подобно Самосатскому, приказали ему перепечатать свое мнѣніе. Пристязженныи епископами, Маркеллъ обѣщавъ свою книгу сжечь. Когда обличавшіе Маркелла епископы прибыли въ Константинополь, то здѣсь, и на сей разъ при участіи Евсевія, бывшаго Никомидійскаго, подвергли дѣло о Маркеллѣ полному изслѣдованію, — и такъ какъ Маркеллъ сжечь своего сочиненія не хотѣлъ, то его низложили и епископомъ на мѣсто его поставили Василія. На соборѣ Сардикійскомъ Маркеллъ опять получивъ епископство, доказавъ, что книги его не поняли и напрасно навязали ему ученіе Самосатскаго. Аріанскій образъ мыслей епископовъ, низложившихъ Маркелла, и православные

собора Сардикійскаго, возстановившаго Маркелла, — повидимому могутъ служить ручательствомъ въ правотѣ Маркелла. Но противъ этихъ, повидимому, оправдававшихъ Маркелла обстоятельствъ, представляеть важное обличеніе на него посланіе, писанное епископами восточными къ западнымъ за нѣсколько времени до Сардикійскаго собора: въ этомъ посланіи епископы восточные о послѣдователяхъ Маркелла между прочимъ пишутъ: «что они, послѣдователи Маркелла, живо называютъ Іисуса Христа только простымъ человѣкомъ, и не самосущимъ. Словомъ Бога, имѣющимъ свое бытіе въ другомъ, уподобляя его слову то произносимому, то внутреннему. а Христомъ, Сыномъ Божіимъ, посредникомъ и предвѣчнымъ Образомъ Бога признавать не хотять, и утверждаютъ, будто Христомъ и Сыномъ Божіимъ сдѣлался Онъ тогда, какъ принялъ нашу плоть отъ Дѣвы, т. е. за четыреста передъ симъ лѣтъ; говорить, что въ это только время Христосъ началъ царствовать, и что царству Его по окончаніи міра и суда будетъ конецъ» (Сокр. 2, 18). За все таковыя мысли епископы востока подвергли Маркелліанъ анаемѣ: по всей вѣроятности послѣдователи Маркелла и ко времени Вселенскаго собора Константинопольскаго высказывали такія же еретическія мысли, а потому и на Вселенскомъ соборѣ подвергнуты анаемѣ... Съ именемъ Маркелла въ древнихъ историческихъ свѣдѣтельствахъ наряду стѣбитъ и имя Фотіа, епископа Сирійскаго. По согласному свидѣтельству Сократа, Созомена и блаженнаго Феодорита, Фотійъ вѣрнѣйшаго рожденія и бѣтій Сына не допускалъ, утверждая, что Христосъ получилъ бытіе отъ Маріи⁽⁶⁾. Ученіе это, по замѣчанію Созомена, однаково противорѣчало и мнѣніямъ православныхъ и мнѣніямъ аріанъ, а потому скоро вызвало противъ себя огнесудъ нападена. Епископы, собравшіеся на избѣтныи Сирійскій соборъ, первымъ дѣломъ своимъ поставили изложенеіе Фотіа; изложивъ Фотіа, соборъ хотѣлъ попытаться, нельзя ли какъ отклонить его отъ прележнаго мнѣнія. Но Фотійъ, несмотря на убѣжденія епископовъ, которые обѣщали возратить ему епископ-

(6) Созом. 4, 6. Сокр. 2, 29. 30.

ство, если онъ откажется отъ своихъ мыслей, — не принявъ предложенія, а напротивъ вызвалъ ихъ на состязаніе. Состязаніе съ Фотіемъ принялъ на себя Василій, епископъ Анкирскій. Послѣ продолжительной борьбы, посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ съ той и другой стороны, — Василій одержалъ верхъ; Фотійъ былъ присужденъ къ изгнанію, однакоже и тутъ онъ не переставалъ защищать собственное ученіе; въ защиту своего ученія Фотійъ издавалъ сочиненія на латинскомъ и греческомъ языкѣ, въ которыхъ старался доказать, что кромѣ его ученія всѣ прочія ложны. Послѣдователи сего-то Фотіана подвергнуты отлученію первымъ правиломъ второго Вселенскаго собора.

Послѣдними въ ряду еретиковъ, подвергнутыхъ отлученію вторымъ Вселенскимъ соборомъ, стоятъ аполинаріане. Эти еретики получили имя свое отъ Аполинарія. По древнимъ историческимъ свидѣтельствамъ, съ именемъ Аполинарія оцло времени второго Вселенскаго собора въ Лаодикіи являлись двое — отецъ и сынъ; оба они обладали обширными познаніями въ свѣтскихъ наукахъ и были преподавателями въ школахъ: отецъ преподавалъ грамматику, сынъ реторику. Отецъ имѣлъ санъ пресвитерета, сынъ занималъ должность церковнаго тѣца. Основателемъ еретической секты былъ Аполинарій сынъ (Сокр. 2, 46).

Объ ученіи Аполинарія самая полная и безъ сомнѣнія справедливая свѣдѣніи сообщаетъ св. Григорій Богословъ въ своемъ посланіи къ епископу константинопольской церкви Нектарію. Св. Григорію случилось имѣть въ рукахъ Аполинаріеву книгу и на основаніи этой книги св. Григорій заключаетъ, что аполинаріево ученіе выше всякаго еретическаго зла. «Самое тяжкое изъ всѣхъ церковныхъ бѣдствій, пишетъ св. Григорій, есть дерзость аполинаристовъ. — Аполинарій утверждалъ, что плоть Единороднаго Сына Божія, принятая имъ по домостроительству, заимствована не отъ нашего естества, но что та плотская природа была въ Сынѣ изначально, и въ свидѣтельство такой нелѣпости приводить худо понятое имъ евангельское изреченіе: никто же взиде на небо, токмо сшедшій съ небесе Сынъ человѣческій» (Іоан. 3, 13), такъ

что Сынъ былъ Сынномъ человѣческимъ и до сошествія, и сошелъ съ тою самою предвѣчною, сосущественною Себѣ плотію, которую имѣлъ на небѣ. Приводитъ онъ такъ же и апостольское изреченіе: *второйъ человекъ съ небесе* (sic, 1 Кор. 15, 17), и объясняетъ его такъ, что человекъ, приходившій свыше, ума не имѣлъ, но въ замѣнъ природы ума носилъ въ себѣ Божество Единороднаго, бывшее третьею частію человѣческаго состава, т.-е. душа и тѣло по человѣчеству въ немъ были, а ума не было, и отсутствіе ума восполнялось Богомъ Словомъ. Но самое ужасное нечестіе, продолжаетъ св. Григорій, еще не въ этомъ; гибельнѣе всего та мысль, что Самъ Единородный Сынъ Божій, судія всѣхъ, начальникъ жизни, истребитель смерти — смертенъ, что Онъ въ собственной Своей божественности принялъ страданія, что во время трехдневной мертвенности Его тѣла вмѣстѣ съ тѣломъ умирало и Божество, и что такимъ образомъ отъ смерти Онъ снова воскресенъ былъ Отцемъ». Возмущенный антихристіанскимъ, разрушительнымъ направленіемъ этого лжеученія, св. Григорій Богословъ какъ самъ писалъ противъ него сильное, одушевленное опроверженіе, такъ и преемника своего, еп. константинопольскаго Нектарія, просилъ принять противъ него надлежащія мѣры (Созом. 6, 27). Можно думать, что и эта просьба со стороны св. Григорія Богослова не мало имѣла вліяніе на то, что аполинаріане включены отцами собора въ число азаематствуемыхъ.

Чтобы положить конецъ злу отъ всѣхъ этихъ лжеученій, императоръ Θεодосій Великій нашелъ полезнымъ созвать вселенскій соборъ. — Епископовъ православнаго исповѣданія собралось на соборъ 150. Такъ какъ особенно опаснымъ изъ всѣхъ этихъ лжеученій было лжеученіе Македонія о Св. Духѣ, то царь нашелъ нужнымъ пригласить на соборъ и епископовъ македоніанскихъ (т.-е. сторонниковъ Македонія), и эти послѣдніе собрались было въ Константинополь въ числѣ 36. — Царь и епископы православные вѣчески старались привести македоніанъ къ союзу и единомыслию съ собою; но македоніане, не обращая вниманія ни на убѣжденія, ни на обличенія, объявили, что скорѣе признаютъ исповѣданіе арианское,

чѣмъ примуть вѣру въ единосущіе ^(а). Давши такой отвѣтъ, они удалились изъ Константинополя и писали къ приверженцамъ своимъ въ разные города, увѣщаяя ихъ подѣ какимъ видомъ не соглашаться на учене Никейскаго собора. Епископы православные, не имея болѣе средствъ прівести еретиковъ къ раскаянію, поразили ихъ апоesimoю, и для пресустраничи на будущее время различныхъ мудрованій о лицахъ Пр. Троицы—отчасти подтвердили исповѣданіе вѣры Никейское, отчасти дооавлили оное новымъ членомъ о третьей Упостаси Святыя Троицы — Святомъ Духѣ, — исповѣдавъ Духа Святаго, Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, со Отцемъ и Сыномъ споклаиваемымъ и славимымъ».

Здѣсь, прежде чѣмъ приступимъ къ обзорѣню занятійшихъ занятій собора, полезнымъ считаемъ изложить православное церковное богословствованіе о Св. Духѣ по писаніямъ влижайшихъ пастырей, съ особеннымъ вниманіемъ излагающихъ учене о Св. Духѣ. Какъ на Никейское опредѣленіе догмата о Сынѣ Божіемъ имѣли весьма важное вліяніе томатическія разсужденія св. Аванасія Александрійскаго, такъ при опредѣляющихъ константинопольскаго собора въ членѣ о Св. Духѣ весьма замѣтно сказалось богословствованіе св. Василія Великаго ^(б), Григорія Нисскаго и Григорія Богослова. Св. Василій Великій, имѣя въ виду отрицавшихъ божество Св. Духа, усиленно доказываетъ, что третье Лице Пр. Троицы, Духъ Святыи есть Богъ. Доказательства на это Василій Великій собираетъ какъ изъ писаній, такъ и изъ писаннаго преданія отцевъ. Изъ писанія св. Василія усматриваетъ, что Духъ Святыи называется Духомъ Божіимъ (Мат. 3, 16), Духомъ истинны, иже отъ Отца исходить (Іоан 15,

(а) Изъ этого выраженія ясно видно, что въ ученіи македонинъ такое же важное мѣсто занималъ пунктъ объ отношеніи Бога Сына къ Богу Отцу, какъ и членѣ о Св. Духѣ.

(б) То обстоятельство, что св. Василій Великій скончался не задолго до втораго Введенія собора, конечно не исключало собою возможности св. Василію имѣть вліяніе на опредѣленія собора: онъ могъ оказывать вліяніе своими богумудрыми писаніями.

26), Духомъ правымъ, Духомъ владычнымъ (Ис. 30, 42, 14). Кто же, услышавъ сіи наименованія Духа, спрашиваетъ св. Василіи, не восприиметъ душею и не восторгнется мыслію къ Бестеству высочайшему?—Изъ доказательства отъ преданія св. Василій указываетъ на исповѣданіе вѣры, которое каждымъ должно быть произнесено при крещеніи, въ которомъ (исповѣданіи) на ряду стоятъ пресвятія имена Бога Отца, и Сына, и Духа Святаго.

Въ отвѣтъ утверждающимъ, что не надобно со Отцемъ и Сыномъ ставить на ряду Св. Духа, потому что Онъ и по естеству имъ чуждъ, и по достоинству Ихъ ниже, святыи Василій Великій указываетъ на заповѣдь Господа св. апостоламъ о евангельномъ крещеніи, гдѣ Онъ повелѣлъ ученикамъ Своимъ крестить вся языки во имя Отца и Сына и Св. Духа: итакъ не противяется ли Божію повелѣнію, спрашивать св. Василіи, утверждающіе, что не надобно ставить Духа на ряду со Отцемъ и Сыномъ? Отторгать Духа, низводить Его въ природу служебную—не значить ли это ставить хулу свою выше Владычней заповѣди?

«Увѣрю, пишеть св. Василій Великій въ другомъ мѣстѣ, утѣрю того, кто отгадетъ Духа, что вѣра во Отца и Сына обратится для него въ тѣту и что онъ не можетъ имѣть сей вѣры, если не соприсутствуетъ Духъ.—Ибо въ вѣрующій въ Духа не вѣруетъ въ Сына, а не вѣрующій въ Сына не вѣруетъ во Отца. Не можетъ бо рещи Господа Іасуса точию Духомъ Святымъ (1 Кор. 12, 3). Не вѣрующій въ Духа не имѣетъ части и въ истинномъ поклоненіи, ибо не иначе можно поклоняться Сыну какъ только во Св. Духѣ, и не иначе можно призывать Отца какъ только въ Духѣ синоположенія».

Столь же широкое поприще для доказательства божества Духа Святаго отвергается св. Василію изъ дѣяній и посланій апостольскихъ. Останавливая свое вниманіе на словахъ апостола Петра Аваніи: *почто сатана исполни сердце твое солгати Св. Духу, не бо человекомъ солгати еси, но Богу* (Дѣян. 5, 3, 4).—Василій Великій усматриваетъ, что одивъ и тотъ же грѣхъ и противъ Духа Святаго и противъ Бога, а такимъ образомъ, заключаетъ святитель, ты можешь

узнать, что Духъ и во всякомъ дѣйствованіи соединенъ и нераздѣленъ со Отцемъ и Сыномъ.—То же заключеніе выводится св. Василій и изъ словъ апостола Павла: «раздѣленія дарованій суть, а тойжде Духъ», и слѣд. (1 Кор. 12, 4—6. 11). Въмѣстѣ съ Богомъ (Отцомъ), Который производитъ раздѣленіе дѣйствій, и съ Господомъ (Сыномъ), Который производитъ раздѣленіе служеній, сопребываетъ и Св. Духъ, Который полновластно домогостроительствуетъ въ раздѣленіи дарованій по достоинству каждаго.

Совмѣщая вкратцѣ сущность своего богословствованія, Василій Великій пишетъ: «единъ есть Св. Духъ; чрезъ единого Сына сочетаетсяъ Онъ съ единымъ Отцемъ и Собою восполняетъ пресвятую и блаженную Троицу. Единеніе Его со Отцемъ и Сыномъ достаточно выражается тѣмъ, что Онъ не поставляется въ одинъ рядъ со множествомъ тварей, но произносится отдѣльно; ибо Онъ не единый изъ многихъ, но единый. Какъ единъ Отецъ, и единъ Сынъ, такъ единъ и Духъ Святыи; Онъ столько же далекъ отъ тварной природы, сколько единичное не подобно составному и имѣющему въ себѣ множество; со Отцемъ же и Сыномъ потолку соединенъ, покольку единствъ имѣеть свойство съ единицею». — «Ухищренное введеніе подчисленія, продолжаетъ здѣсь же св. Василій, ни къ чему иному не ведетъ какъ только къ тому, чтобы исповѣдывать Бога перваго, втораго, третьаго. Но для насъ достаточно порядка предложеннаго Господомъ: кто переимѣшиваетъ оный, тотъ погрѣшитъ не менѣе, чѣмъ и тѣ, кои заражены многобожіемъ эллинскаго заблужденія».

Если Духъ Святыи есть единого божескаго естества со Отцемъ и Сыномъ, то равночестное со Отцемъ и Сыномъ подобаетъ Ему поклоненіе и прославленіе. Необходимость равнаго со Отцемъ и Сыномъ поклоненія и прославленія св. Василій доказываетъ и Писаніемъ и преданіемъ; между доказательствами изъ Писанія указываетъ на то, что Духу Святому приписываются одинаковыя достопоклоняемыя имена, какъ Отцу и Сыну (Духъ называется Святымъ, Господомъ, Духомъ Господомъ, Духомъ Владычимъ). Духъ Святыи имѣеть божескія свойства и производитъ божественныя дѣйствія въ

мірѣ и человечествѣ. Изъ преданія въ доказательство поклоненія и прославленія Святаго Духа со Отцемъ и Сыномъ св. Василій приводитъ свидетельства Дионисія Александрійскаго, Иринея, Климента Римскаго, Дионисія Римскаго, Оригена, Юлія Африканскаго, Евсевія Кесарійскаго, Григорія Нисскаго и Фирмилліана Каппадокійскаго. Самое главное, что усматриваетъ св. Василій у всѣхъ этихъ свидѣтелей,—это славословіе: «Богу Отцу и Сыну Господу нашему Иисусу Христу со Святымъ Духомъ слава и держава во вѣки вѣговъ, аминъ». Такое славословіе, продолжаетъ св. Василій, употребляютъ и мы Каппадокійцы; весь почти Западъ отъ Иллирика до предѣловъ обитаемыхъ нами странъ употребляетъ сіе славословіе. «Почему же я нововодитель и слагатель новыхъ реченій, спрашиваетъ Василій Великій, когда начальвождями и защитниками сего реченія имѣю цѣлые народы и города и обычаи, свою древностію простирajícíся за предѣлы человѣческой памяти, и мужей, бывшихъ столпами церкви, отличавшихся всякимъ вѣдѣніемъ и силою духа? Итакъ, пусть угрожаетъ мнѣ мечъ, вопрепятъ на меня сѣкиры, возгораетъ огонь, сильнѣйшій вавилонскаго, приводятся въ дѣйствіе все орудія мученій! Для меня ничто такъ не страшно, какъ не убоіться угрозы, какия Господь произнесъ на хулителей Духа!»

Мысли св. Василія Великаго повторяетъ и братъ его, св. Григорій Нисскій. Основной пунктъ, изъ котораго исходятъ св. Григорій въ своемъ обличеніи на уничижающихъ св. Духа, есть тотъ, что Духъ Святыи въ Писаніи называется Богомъ. «Но если отвергнешъ Писаніе, разсуждаетъ св. Григорій, то подвергнешься наказанію, какъ презирающій Писаніе. Такъ какъ Духъ Святыи есть божескаго существа, то Онъ имѣеть въ Себѣ и все свойства божества: благодать, всемогущество, премудрость, святость, вѣчность и вообще все, что возвышаетъ мысль къ божественному величію. А когда Онъ таковъ, то на основаніи какой же мысли утверждаютъ, что Онъ не славенъ?»—Вообще говоря, сходствуя съ братомъ своимъ Василіемъ Великимъ въ раскрытіи доказательствъ божественности Духа Святаго, Григорій Нисскій отличается отъ Васи-

ля Велиаго тѣмъ, что простираетъ вниманіе свое на выводы изъ сего догмата въ разсужденіи обязанностей человека, т.-е. старается раскрыть и укоренить въ мысли вѣрующихъ убѣжденіе въ необходимости поклоненія и прославленія Духа Святаго, какъ истиннаго Бога.

«Въ таинствахъ крещенія, разсуждаетъ Св. Григорій, чело-вѣкъ удостоивается даровъ отъ св. Духа; ибо животворящій крещаемаго есть Духъ, какъ говоритъ о семъ собственными устами Господь: *Духъ естъ иже оживляетъ* (Іоан. 6, 63). Если хулители Духа почитаютъ это малымъ даромъ, то пусть знаютъ, что не одному Лицу они высказываютъ неблагодарность, но чрезъ Святаго Духа простираютъ хулу на Св. Троицу. Ибо какъ благодать, изливаясь на достойныхъ, истекаетъ нераздѣльно отъ Отца чрезъ Сына и Духа, такъ и хула преемственно же, распространяясь отъ Сына, переходитъ на Бога всеяческихъ. Потому быть можетъ и возмѣнено Заяно-положникомъ осужденіе безъ прошенія противъ такой хулы (Мате. 12, 32), что въ ней хульникомъ преднамѣренно оскорбляется все блаженное и божеское естество. Какъ благочестиво принявшій Духа знаетъ въ Духѣ славу Единороднаго, а видящій Сына знаетъ образъ безпредѣльнаго и чрезъ этотъ образъ напечатлѣваетъ въ познаніи своемъ первообразъ, такъ точно и презритель Духа, когда дерзнетъ возставать противъ славы Его, по той же послѣдовательности понятій простираетъ хулу на Отца чрезъ Сына. (Гр. Нис. слово о Св. Духѣ).

Но еще глубже и шире по кругозору своему богословствованіе о Св. Духѣ у св. Григорія Богослова. Послѣ философскихъ и диалектическихъ разсужденій о снoйствахъ сущности божественной, св. Григорій обращается къ Писанію и отсюда выводитъ рой, какъ выражается самъ онъ, свидѣтельствъ, изъ которыхъ всякому, кто не слишкомъ тупоуменъ и чуждъ Духа, ясно будетъ видно, что божество Духа весьма открыто въ Писаніи. «Обратн вниманіе, пишетъ св. Григорій Бого-словъ, на слѣдующее: Раждается Христосъ—Духъ предвѣщать (Дук. 1, 35); крещается Христосъ—Духъ свидѣтельству-еть (Іоан. 1, 33, 34); искушается Христосъ—Духъ возводитъ

Его (Мате. 4, 1); совершаетъ силы Христосъ—Духъ сопутствуетъ; возносится Христосъ—Духъ преемствуетъ: чего велиаго и возможнаго единому Богу не можетъ совершать Духъ? И изъ именъ Божіихъ какими не именуется Онъ, кромѣ нерожденности и рожденія? Прихожу въ трепеть, когда представляю въ умѣ и богатство наименованій и то, что противашееся Духу не стыдится и толкаго числа именъ. Онъ именуется Духъ Божій, Духъ Христовъ (Рим. 8, 9), Умъ Христовъ (1 Кор. 2, 16), Духъ Господень (Ис. 61, 1), Самъ Господь (2 Кор. 3, 17), Духъ сыноположенія (Рим. 8, 15), истины (Іоан. 14, 17), свободы (2 Кор. 3, 17), Духъ премудрости, разума, совѣта, крѣпости, вѣдѣнія, благочестія, страха Божія (Ис. 11, 2, 3). Онъ есть Духъ благій, правый, Владычній; Онъ есть перстъ Божій (Дук. 11, 20), огонь (Мате. 3, 11. Дян. 2, 3); какъ Богъ—и думаю въ означеніи единосущія, Онъ есть Духъ сотворившій (Іов. 33, 4), возеозидателій въ крещеніи (Тит. 3, 5) и воскресеніи (Рим. 8, 11), Духъ, Который все вѣдаетъ (1 Кор. 2, 11), всему учитъ (Іоан. 14, 26), дышетъ и дѣлаеъ хошетъ и сколько хошетъ (Іоан. 3, 8), Духъ наставляющій (Іоан. 16, 3), глаголющій (Мате. 10, 20), посылающій (Дян. 13, 4), отдѣляющій (— 13, 2), прогнѣваемый (Ис. 63, 10), податель откровеній (1 Кор. 2, 10), Просвѣщеніе (Евр. 6, 4), Жизнь (Рим. 8, 11), лучше сказать самый свѣтъ и жизнь. Онъ раздѣляется во огненныхъ языкахъ и раздѣляетъ дарованія, творитъ апостоловъ, пророковъ, благовѣстниковъ, пастырей, учителей (Евр. 4, 11)». Приведши еще множество указаній изъ св. Писанія на божественныя свойства и дѣйствія Св. Духа, св. Григорій заключаетъ: «указанія сін весьма многочисленны и многозначущи. А если въ Писаніи и встрѣчаются унизительныя реченія: дается, посылается, дѣлается, дарованіе, даръ, духовеніе, обитованіе, ходатайство, и другія снмъ подобныя: то надобно возводить ихъ къ первой причинѣ, чтобы видѣть, отъ кого Духъ, и не принять трехъ началъ подобно многобожникамъ. Ибо равно нечестиво и соединять съ Савелліемъ, и раздѣлять съ Аріемъ, соединять относительно къ лицу, раздѣлять относительно къ естеству. Едино божество и единая сила Отца, Сына и Св. Духа.»

Нѣтъ сомнѣнія, говоримъ, что разсужденія сихъ великихъ представителей православія имѣли преимущественное вліяніе при составленіи самой формулы исповѣданія о Св. Духѣ на Константинопольскомъ соборѣ; утверждая это мы имѣемъ тѣ основанія, что 1) св. Григорій Богословъ былъ однимъ изъ предсѣдателей на соборѣ и во 2) къ этому приводитъ насъ свидѣтельство Никифора Каллиста (XII, с. 13), который признаетъ Григорія Нисскаго даже самымъ составителемъ Константинопольскаго члена о Св. Духѣ.

Примѣчаніе. Нѣкоторые изъ писателей по церковной исторіи (Тильмонъ, Реми-Селье) утверждаютъ, что читаемый нами въ настоящее время членъ о Святомъ Духѣ по исповѣданію Никеоцареградскому составленъ не на Константинопольскомъ Вселенскомъ соборѣ, а еще за нѣсколько лѣтъ раньше сего собора; въ доказательство приводятъ то, что читаемый нами по Никеоцареградскому исповѣданію членъ о Св. Духѣ буквально встрѣчается въ сочиненіи св. Епифанія: Anocratus (n. 120), писанномъ въ 374 году.

Гееле, не желая принять соображеній Тильмона и Реми-Селье, опровергаетъ ихъ тѣмъ, что приводитъ выдержку изъ символа, заключающагося въ томъ же «Anocratus», изъ какой выдержки усматривается значительное разногласіе въ членѣ о Св. Духѣ по символу Никеоцареградскому и по другому символу приводимому у св. Епифанія. Членъ о Св. Духѣ по символу приводимому Гееле читается такъ: «вѣруемъ во Святаго Духа, говорившаго въ законѣ, проповѣдавшаго чрезъ пророковъ, сошедшаго на Иорданѣ, говорившаго въ апостолахъ, живущаго во святыхъ; вѣруемъ, что Онъ есть Духъ Святой, Духъ Божій, Духъ совершенный, Духъ утѣшитель, не созданный, исходящій отъ Отца и отъ Сына пріемлемый (συνωμοτευόν).» Остановившая свое вниманіе на этомъ различіи членъ между символами Никеоцареградскимъ и тѣмъ, изъ котораго самъ онъ сдѣланъ извлеченіе, Гееле выводитъ заключеніе, что такъ какъ членъ о Св. Духѣ въ символѣ Епифаніевомъ и Никеоцареградскомъ не одинаковы, то и аргументъ противъ него теряетъ силу. — Но пролагая свой путь къ разрѣшенію затрудненія, Гееле самъ допускаетъ важный недостатокъ въ томъ, что не обратилъ должнаго вниманія на связь опровергаемыхъ имъ писателей.

Сущность дѣла въ слѣдующемъ:

У св. Епифанія въ его «Anocratus» приводятся два символа: одинъ въ томъ видѣ, какъ мы читаемъ его теперь по изложенію Никеоцареградскому, другой пространинѣе; въ этомъ послѣднемъ членѣ о Святомъ Духѣ читается дѣйствительно не согласно съ Никеоцареградскимъ; именно онъ читается такъ, какъ мы привели его выше. Но такъ какъ наряду съ симъ же символомъ у св. Епифанія приводится и Никеоцареградскій, то возраженіе Гееле

ле противъ опариваемыхъ имъ писателей оказывается въ свою очередь безсильнымъ и справедливости оказывается, повидимому, на сторонѣ Тильмона и Селье, т.-е. повидимому въ самомъ дѣлѣ, неоспоримо, что членъ вѣры о Св. Духѣ въ томъ видѣ, какъ мы читаемъ его по Никеоцареградскому изложенію, уже существовалъ до 2-го Вселенскаго собора.

Если бы членъ вѣры о Св. Духѣ въ томъ видѣ, какъ мы читаемъ его по изложенію Никеоцареградскому, въ самомъ дѣлѣ былъ составленъ еще до 2-го Вселенскаго собора; то мы вѣроятно видѣли бы его въ тогдашнихъ изложеніяхъ символа вѣры, изложеніяхъ столь многочисленныхъ и разнообразныхъ: между тѣмъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ такого полнаго изложенія въ членѣ о Святомъ Духѣ, — кромѣ какъ только въ одномъ изложеніи Епифаніевомъ. Что же это значитъ? Намъ кажется это то и значитъ, что полное изложеніе въ членѣ о Святомъ Духѣ до втораго Вселенскаго собора ни въ одномъ изъ прежде бывшихъ въ употребленіи символовъ не было. Что же касается до того обстоятельства, что полный членъ о Святомъ Духѣ встрѣчается въ «Anocratus» св. Епифанія, то явъ разрѣшенію сего недоумѣнія должны вести, по нашему мнѣнію, слѣдующія соображенія.

Самъ св. Епифаній называетъ символъ, приводимый имъ въ «Anocratus», тотъ, который буквально сходенъ съ Никеоцареградскимъ, произведемъ отцевъ Никейскихъ (ἀπὸ τῶν πατέρων τῶν Νικαίων ἀπὸ τῶν δόξα τὸν κρῖνον); но мы знаемъ, что Никейскій символъ ни по какому изданію не читался въ членѣ о Св. Духѣ съ такою полнотою, какъ приводится у святаго Епифанія; ясный знакъ, что св. Епифаній допускаетъ въ своихъ словахъ нѣкоторую неточность, приписывая Никейскому собору между прочимъ то, что сдѣлано было на соборѣ другомъ. И надобно замѣтить, что неточность эта въ отношеніи къ настоящему предмету, т.-е. въ отношеніи къ наименованію соборовъ замѣчается и въ другихъ древне-историческихъ документахъ; напр. на Ефесскомъ соборѣ символъ Никеоцареградскій названъ просто именемъ Никейскаго (Еф. соб. пр. 7.). — Итакъ не больше ли будетъ вѣроятности, если предположить, что и св. Епифаній подъ именемъ Никейскаго символа привнесъ въ своемъ «Anocratus» символъ собственно Никеоцареградскій? Извѣстно, что св. Епифаній пережилъ время втораго Вселенскаго собора и долженъ до V вѣка; ему не могли не быть извѣстны опредѣленія втораго Вселенскаго собора; посему нѣтъ ничего не вѣроятнаго въ томъ предположеніи, что Епифаній въ своемъ Anocratus могъ помѣстить тотъ самый символъ, который былъ составленъ на 2-мъ Вселенскомъ соборѣ. Если же во времени 2-го Вселенскаго собора Anocratus Епифанія былъ уже законченъ, то онъ могъ сдѣлать въ немъ измѣненія послѣ, а могло быть и то, что Anocratus въ то время еще только составлялся, — особенно послѣдніе его главы, гдѣ собственно и помѣщены символы.

Если бы на самомъ дѣлѣ было не такъ, т.-е. если бы чи-

таемый нами въ Никоенареградскомъ символѣ членъ о Св. Духѣ былъ уже навѣстень до втораго Вселенскаго собора: то кака надобность была святому Епифанію придавать приводимому имъ изложенію вѣры авторитетъ вѣры провозглашенной Св. Вселенскимъ соборомъ? Св. Епифаній приведенный имъ символъ приписываетъ собору, и собору Вселенскому: ежели бы этотъ символъ имѣлъ происхождение другое, то св. Епифаній не преминулъ бы изъяснить, гдѣ и по какому случаю составлено было дополнение къ символу Никейскому; но онъ представляетъ это дѣло какъ для всѣхъ извѣстное и не требующее никакихъ историческихъ изъясненій.

Нашъ отечественный изслѣдователь по исторіи церкви г. Чельцовъ (Христ. Чтеніе 1869 марта, стр. 70 и л.) успивается доказать, что прибавленіе къ Никейскому символу въ членѣ о Св. Духѣ «могло быть сдѣлано на Антиохійскомъ соборѣ 363 г. или Другомъ какомъ-либо по близости въ эту же пору.» Что было сдѣлано на Антиохійскомъ соборѣ 363 г. по отношенію къ духоворцамъ, мы не знаемъ; но мы несомнѣнно знаемъ, что на второмъ Вселенскомъ соборѣ были сдѣланы усиленные предпріятія къ тому, чтобы склонить духоворцы къ общенію церковному; не больше ли вѣроятности предположить, что тогда же и составлена формула исповѣданія о Св. Духѣ, какъ знамя православія, какъ необходимос условіе къ тому, чтобы быть истиннымъ членомъ православной церкви?—На основаніи всѣхъ изложенныхъ нами соображеній думаемъ, что съ большимъ правдоподобіемъ можно признать, что членъ о Св. Духѣ на второмъ Вселенскомъ соборѣ составленъ былъ вновь, составленъ на основаніи положеніемъ (равнумѣстна носѣтъ Св. Писанія) еще первымъ Вселенскимъ соборомъ, и что въ составленіи сего члена вѣры дѣйствовала рука нашъ святаго Григорія Нисскаго или св. Григорія Богослова.

Извѣстно, что и прочіе члены Никоенареградскаго символа, слѣдующіе послѣ члена о Св. Духѣ, — во едину святую, соборную и апостольскую церковь и т. д. до конца, — внесены въ символъ вѣры уже на Вселенскомъ соборѣ Константинопольскомъ. Всѣ сии члены, добавленные къ Никейскому символу вѣры, по частямъ существовали въ исповѣданіяхъ вѣры, бывшихъ въ употребленіи въ частныхъ церквахъ еще до Константинопольскаго собора, и въ Никоенареградскій символъ внесены изъ этихъ исповѣданій, бывшихъ въ церковномъ употребленіи до втораго Вселенскаго собора; особенно замѣтнымъ представляется замѣтваніе изъ символа церкви Иерусалимской: въ символѣ церкви Иерусалимской читаемъ: «во едину святую вселенскую церковь, во едину крещеніе, покаяніе во оставленіе грѣховъ; вѣрую въ воскресеніе плоти и въ жизнь

вѣчную». Но подробности и вполне удовлетворительныя изысканія объ этомъ можно читать въ почтенномъ трудѣ г. Чельцова: Собраніе христіанскихъ символовъ. Хр. Чт. 1869 г. январь и слѣд.

Послѣ того какъ составленъ былъ символъ вѣры, вниманіе Отцевъ Константинопольскаго собора обращено было на устроеніе церковныхъ дѣлъ собственно Константинопольской катедры.

Со времени кончины блаженнаго Александра, епископа Константинопольскаго (340 г.), и до самаго времени втораго Вселенскаго собора (381 г.), въ теченіи 40 лѣтъ за нѣкоторыми незначительными исключеніями катедра Константинопольская находилась во владѣніи ариана: Македоній, Евсевій (бывшій Никомидійскій), оныя Македоній, Евдоксій, Демофилъ, всѣ были болѣе или менѣе отступниками отъ строгаго православнаго исповѣданія Никейскаго на сторону строгаго или нестрогаго арианства. Епископы православные во все это время лишь только восходили на катедру Константинопольскую, какъ вскорѣ же должны были отправляться въ ссылку и заточеніе, какъ было наиримѣрь съ св. исповѣдникомъ Навломъ и преемникомъ ариана Евдоксія Евгаріемъ (Собр. 4, 15). Долго на императорскомъ престолѣ возсѣдали государи зараженные арианствомъ, долго о преимуществѣхъ епископовъ православныхъ изслѣя было и думать; по съ востановленіи на престолѣ благочестиваго Θεодосія Великаго для православныхъ завялась зря надежды на лучшую будущность Императоръ Θεодосій Великій при самомъ крещеніи своемъ обнаружилъ расовѣданіе къ основѣданію православному. Вознамѣрившись принять святое крещеніе въ Солунѣ, онъ предварительно осведомляется, къ какому исповѣданію принадлежитъ доажествовавшій преститъ его епископъ Асхолій, — и когда узналъ, что Асхолій принадлежитъ къ ревностнымъ приверженцамъ исповѣданія Никейскаго, то съ величайшею радостію принялъ святое крещеніе отъ него, какъ епископа православнаго (Собр. 5, 6).

Понимая благоприятную для православія перемену обстоятельствъ, нѣкоторые изъ епископовъ, наиболее ревновав-

шихъ о пользѣ православія, какъ св. Мелетій Антиохійскій, нашли полезнымъ перевести на освободившуюся послѣ аріана Демофила катедру Константинопольскую св. Григорія Богослова, который, будучи епископомъ Сасимскимъ, принималъ, по приглашенію отца своего, близкое участіе въ дѣлахъ церкви Назіанзской, ознаменовалъ себя, скажемъ словами блаженнаго Теодорита (3, 8), «ревностною борьбою съ богохульствомъ аріанскимъ, и избавляя паству свою отъ гибельнаго пастбища, сдѣлалъ паству православную изъ малой великою». Уважая высочія достоинства пастыря Сасимскаго и ожидая отъ него обильныхъ плодовъ для православія въ Константинополѣ, св. Мелетій съ другими епископами не усумнился отступитъ отъ правила, которымъ запрещалось ^(а) перемѣщать епископовъ съ одной катедры на другую, тѣмъ паче, что примѣры отступленія отъ сего правила были не далеко ^(б), и ввѣрилъ святѣйшему Григорію предстоятельство въ Константинополѣ. Смиренно выражаетъ св. Григорій Богословъ свои соображенія, по которымъ согласился онъ уступить благонамѣренному желанію св. Мелетія и прочихъ участвовавшихъ въ избраніи его на Константинопольскую катедру. Онъ пишетъ: «въ мечтаніяхъ суетнаго сердца предполагалъ я, что, какъ скоро пріобрѣту могущество этого (Константинопольскаго) престола, поелику видимость придаетъ много всѣхъ, тотчасъ приведу въ согласіе къ несчастно отдалившихся другъ отъ друга, подобно уставивку пѣвчихъ, который, ставъ въ срединѣ двухъ ликовъ и одному предписывая законъ тою, другому другою рукою, дѣлаетъ изъ нихъ одинъ ликъ» ^(в). Ожиданія св. Мелетія не остались тщетными; въ краткое время пребыванія своего въ Константинополѣ св. Григорій сдѣлалъ то, что малое стадо православныхъ, которое вышелъ онъ при своемъ прибытіи въ Константинополь,

(а) Собора Никейскаго прав. 15.

(б) Евсевій былъ переведенъ на Константинопольскую катедру изъ Никомидіи.

(в) Этимъ объясненіемъ св. Григорій указываетъ на то, что ему хотѣлось склонить къ единомыслию отчасти уклонившихся въ расколъ Мелетіанскій, отчасти сильныхъ еще въ Константинополѣ аріанъ.

возрасло до того, что не могло вмѣщаться въ стѣнахъ того дома, гдѣ за недостаткомъ храма (храмы все были во власти аріанъ), собирались для богослуженія православные. Къ сожалѣнію не все изъ тогдашнихъ епископовъ разсуждали согласнѣе съ святымъ Мелетіемъ. Александрійскій епископъ Петръ ^(г), вѣроятно ревнуя о соблюденіи соборнаго правила и безъ всякаго сомнѣнія обманутый хитрыми кознями враговъ св. Григорія, рукоположилъ для Константинополя нѣкоего Максима пиника, который, по замѣчанію блаженнаго Теодорита, былъ зараженъ пустословіемъ Аполлинарія (8, 5). Многие изъ достоуважаемыхъ епископовъ, бывшихъ на соборѣ, Елладій, преемникъ Василія Великаго на катедрѣ Кападокійской, Григорій и Петръ, братья Василія Великаго, Амфилохій Иконійскій, Оптимъ Писидійскій, Діодоръ Киликійскій, Евлогій Едескій, Кириллъ Иерусалимскій не согласны были съ распоряженіемъ епископа Александрійскаго и крѣпко поддерживали права Григорія: но для самого Григорія это разгласіе членовъ собора было невыносимымъ наказаніемъ. Не меньше сего смущало св. Григорія разгласіе между членами собора въ ихъ отношеніяхъ къ Мелетію и Павлину по извѣстному въ исторіи раздору ихъ-за Мелетія въ Антиохіи ^(д). Въ отношеніи къ судьбѣ св. Григорія разно-

(г) Такъ видно изъ словъ св. Григорія Богослова.

(д) Расколъ сей произошелъ такимъ образомъ послѣ того какъ св. ант. Евдокій перешелъ въ Константинополь, Антиохійцы, державшіеся мыслей аріанскихъ, перевели на его мѣсто въ Берин Мелетія, надѣясь, что Мелетій будетъ ихъ сторонникомъ; но св. Мелетій не оправдалъ ожиданій враговъ православія, отъ этого аріане раздражились противъ него. Констанцій даже приказалъ сослать святаго Мелетія въ ссылку. Иѣкоторые изъ православныхъ антиохійскихъ христіанъ не переставали чтить Мелетія; но другіе не переставали на него негодовать потому собственно, что Мелетій былъ выванъ въ Антиохію аріанами. Последніе недоброжелатели Мелетія имѣли даже своего еп. Павлина. Такимъ образомъ сама православная Антиохійская церковь раздѣлялась на двѣ стороны, несмотря на то, что обѣ стороны держались одного и того же ученія (Сокр. 2, 44). Радѣніе дошло до того, что не согласные не хотѣли даже молиться въ одной церкви: приверженцы Павлина собирались въ одной церкви, сторонники Мелетія въ другой (Сокр. 3, 8). При началѣ за-

гласіе это имѣло то влияние, что св. Григорій, предлагая уступить касседру Антиохійскую Павлину, по смерти совѣтника его Мелетія, тѣмъ самымъ раздражилъ противъ себя не-благоразумныхъ почитателей памяти святаго Мелетія (св. Гр. Бог. ст. о св. ж. стр. 55—58). Призваніе Павлина епископомъ Антиохійскимъ св. Григорій почтѣлъ наилучшимъ средствомъ къ умиротворенію антиохійской церкви; приверженцы Мелетія съ Григоріемъ не соглашались; святой Григорій не безъ основаній усматривалъ въ этомъ разногласіи причину разстройства мира церковнаго и глубоко скорбѣлъ о нарушеніи мира. Сначала святой Григорій пересталъ ходить на совѣщанія епископовъ, потомъ, не видя другихъ, лучшихъ средствъ къ успокоенію разногласій, самъ на себя принявъ вину всѣхъ этихъ несогласій и, увлекимый пламеннымъ желаніемъ церковнаго мира, свободно отказался отъ касседры. Съ какими намѣреніями и расчлененіями св. Григорій рѣшился на такой самоотверженный шагъ, это какъ нельзя болѣе ясно и правдиво выражаютъ послѣднія слова его, обращенныя къ собору епископовъ: «вы, говорилъ св. Григорій членамъ собора, вы, которыхъ собралъ Богъ для совѣщанія о дѣлахъ богоугодныхъ, вопросъ обо мнѣ нечитайте второстепеннымъ. Чѣмъ ни кончится мое дѣло, хотя осуждаютъ меня напрасно ^(с)—это не заслуживаетъ вниманія такого собора. Устремите мысли свои къ тому, что важнѣе, соединитесь, сѣрите наконецъ взаимныя узы любви. Долго ли будутъ свѣяться надъ нами, какъ надъ людьми неукротимыми, которые научились одному только—давать ссорамъ? Подайте

сѣданій Константинопольскаго собора св. Мелетія, какъ извѣстно, окончился; св. Григорій Богословъ требовалъ, чтобы въ преемники Мелетію на касседру Антиохійскую вновь не избирали никого, чтобы Павлинъ одинъ былъ признанъ епископомъ для всей Антиохіи, но прочіе члены собора съ мнѣніемъ св. Григорія не согласились и на мѣсто Мелетія избрали новаго епископа, чѣмъ очевидно только поддерживался расколъ.

(с) Осужденія, на кои указываетъ здѣсь св. Григорій, были съ двухъ сторонъ: епископы египетскіе осуждали его за то, что въ началѣ Константинопольскую касседру, имѣя свою въ Сасимъ; почитатели Мелетія за то, что св. Григорій по ковчигѣ Мелетія сильно держалъ сторону Павлина.

съ усердіемъ другъ другу десницу общенія. А я буду прокомъ Іоною, я, хотя не виноватъ въ бурѣ,—жертвую собою для спасенія корабля. Возьмите и бросьте меня по жребію. Какой-нибудь гостеприимный китъ въ морскихъ глубинахъ дастъ мнѣ убѣжище. А вы съ этой минуты положите начало своему единомыслію, потому что прострайтесь и къ прочему; пусть мѣсто сіе называется мѣстомъ простраства (т. е. пусть касседра Константинопольская остается свободною); это и для меня обратится въ славу; а если на мнѣ остановитесь, то сіе будетъ для меня безчестіемъ. Я не радовался, когда восходилъ на престолъ, и теперь схожу съ него добровольно. Къ тому убѣждаетъ меня и тѣлесное мое состояніе: одинъ за мною долгъ—смерть; все отдано Богу. Но забота моя о Тебѣ единственно, моя Троица! О ослаби имѣть Тебѣ защитникомъ какой-нибудь языкъ благообученный, по крайней мѣрѣ исполненный свободы и ревности! Процайте, и вспоминайте о трудахъ моихъ!» (62. 63).

Соборъ почтилъ святаго Григорія, какъ выражается самъ онъ, безпрекословнымъ согласіемъ (стр. 64).

Первымъ дѣломъ для отцевъ собора послѣ того какъ св. Григорій Богословъ отказался отъ Константинопольской касседры, было разсужденіе о томъ, кто долженъ быть престоителемъ Церкви Константинопольской. Максимъ, котораго рукоположилъ было для Константинополя Петръ (по Θεодориту 5—8, Тимоею) епископъ Александрійскій,—какъ зараженный мѣтвіями Аполлиарія, объявлялъ лженинымъ епископскаго достоинства, и всѣ рукоположенія совершенныя имъ въ его лжеепископомъ самъ признавъ недѣйствительными (Конст. Вселен. соб. пр. 4). Преемникомъ св. Григорія по избранію царя и по согласію (хотя и не безъ нѣкоторыхъ возраженій) епископовъ (Сокр. 5, 8) былъ признанъ Нектарій, происходившій изъ сенаторскаго рода и исправлявшій должность претора. Стоять замѣчанія разсужденія Созомена по поводу избранія сего Нектарія на касседру Константинопольскую. Нектарій—какъ замѣтили мы передъ симъ—представленъ былъ на касседру Константинопольскую самимъ царемъ и епископы согласились съ опредѣленіемъ самодержца,

несмотря на то, что Нектарий не был даже и крещенъ.— «Когда всѣ уступили, пишетъ Созоменъ, и согласились съ опредѣленіемъ самодержца, тогда Нектарий былъ окрещенъ, и облеченный еще въ таинственную одежду нареченъ епископомъ Константинопольскимъ». «Многіе увѣрены, разсуждаетъ послѣ сего Созоменъ, что это такъ случилось потому, что такъ Богъ повелѣлъ царю. Я не вхожу въ строгое изслѣдованіе, вѣрно ли то или нѣтъ, однакожь убѣжденъ, что случившееся произошло не безъ соизволенія Божія. Смотрю ли на странность рукоположенія, или обращаю вниманіе на событія послѣдующія, въ томъ и другомъ случаѣ я вижу, что здѣшнее епископство Богъ поручилъ человѣку самому кроткому, доброму и достойному» (7, 8).

Послѣ того какъ былъ избранъ въ епископы Константинопольскіе Нектарий и послѣ того какъ онъ же признанъ былъ предсѣдателемъ собора, отцы собора приступили къ составленію правилъ, долженствовавшихъ выражать собою сущность предшествовавшихъ совѣщаній и отвѣтъ на занимавшіе въ то время церковные вопросы.

Въ указаніяхъ на число правилъ втораго Вселенскаго собора древніе церковно-историческіе памятники нѣсколько разогласяетъ. Древніе церковные историки, Сократъ, Созоменъ, Теодоритъ—прямо о числѣ правилъ Константинопольскаго собора ничего не говорятъ, а перечисляютъ только пункты, кои имъ занимались отцы собора. Нѣкоторые изъ указываемыхъ ими пунктовъ, буквально можно сказать, повторяютъ то, что постановлено было на Вселенскомъ соборѣ, хотя и нельзя сказать, чтобы указанія ихъ простирались на всѣ правила Константинопольскаго собора; полнѣйшій по своему перечисленію занятій собора Созоменъ—указываетъ только на первыя четыре правила собора (7, 9).—Въ латинскомъ собраніи правилъ Діонисія малаго и Исидора—признаются Константинопольскими только четыре правила; на этомъ основаніи нѣкоторые изъ канонистовъ (Гефеле С. G. 2, стр. 13), признаютъ подлинными правилами Константинопольскаго собора только первыя четыре правила. Вниная въ основанія, по которымъ такъ смѣло урѣзывается западными ка-

нонистами число правилъ Константинопольскаго собора, не можемъ не замѣтить, что основанія сіи не вполне достаточны. Что касается до неполноты въ перечисленіи занятій соборныхъ, какая замѣчается у церковныхъ историковъ, то эта неполнота удобно изъясняется тѣмъ, что историки эти не считали своею обязанностію передавать пунктуально всѣ постановленія собора, а считали достаточнымъ указать на нѣкоторые пункты первоначальные и, какъ можетъ быть казалось имъ, главнѣйшіе; предположеніе это становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что одинъ изъ сихъ историковъ дѣлаетъ указаніе на большее число пунктовъ, другой на меньшее. Блаженный Теодоритъ наиримѣръ замѣчаетъ только, что отцы собора «постановили правила касательно церковнаго благочанія и утвердивъ непреложность символа Никейскаго, возвратились въ свои епархіи» (5, 8). Счисленію Діонисія малаго и Исидора мы въ полномъ правѣ противопоставимъ счисленіе древнихъ кодексовъ греческихъ и греческихъ канонистовъ—Зонары и Вальсамона, которые приводятъ правила Константинопольскаго собора въ числѣ семиди.

Первое правило Константинопольскаго Вселенскаго собора подтверждаетъ неприкосновенность составленнаго на Никейскомъ соборѣ исповѣданія вѣры и снова подтверждаетъ отлученіе отъ Церкви на всякихъ отступниковъ отъ сего исповѣданія: «да предастся анаемѣ всякая ересь.»—Въ частности это правило изрекаетъ отлученіе на обозрѣнныя нами передъ симъ ереси: евномианъ, аноемеевъ, арианъ или евдоксіанъ, полуарианъ или духоборцевъ, савелліанъ, маркелліанъ, фотиніанъ, и аполлинарианъ.

Второе правило устанавливаетъ, или, точнѣе сказать, подтверждаетъ установленные еще прежде предѣлы власти епископовъ. Ни одинъ областной епископъ не долженъ простираетъ своей власти далѣе предѣловъ своей области, и да не смѣшиваются церковей. Границы же власти каждаго епископа, по правиламъ (разумѣются правила составившіяся прежнимъ обычаемъ и отчасти подтвержденныя Никейскимъ соборомъ) опредѣляются такъ: Александрійскій епископъ имѣеть полномочіе надъ церквами только египетскими; епископы восточ-

ные управляют только на востокъ. Какъ между епархіями египетскими нѣкоторое преимущество приписывается епископу Александрійскому, такъ между епархіями округа восточнаго преимущество, признанное еще соборомъ Никейскимъ, остается за епископомъ Антиохійскимъ; епископы области Асійской начальствуютъ только въ Асїи, — епископы Понтийскіе въ области Понтийской, — Фракійскіе во Фракійской (а). Не получивъ приглашенія, — ни одинъ епископъ не долженъ переходить за предѣлы своей области ни для рукоположенія, ни для какого другаго церковнаго распоряженія. Каждый епископъ распоряжается дѣлами только своей епархіи: что касается до дѣлъ относящихся къ цѣлой области, то таковыя дѣла разсматриваются и благоучреждаются соборомъ епископовъ той области. Такъ какъ въ каждой области, и опять по гражданскому значенію городовъ, нѣкоторые епископы имѣли титулъ митрополита, — то эти митрополиты пользовались нѣкоторымъ предпочтеніемъ въ общихъ совѣщаніяхъ съ епископами своего города; впрочемъ всеопредѣляющаго и верифицирующаго значенія ихъ голосъ не имѣлъ: этотъ высшій, рѣшающій голосъ предоставляется всему собору епископовъ известной области. Но не во всѣхъ христіанскихъ мѣстахъ можно было ввести и поддерживать такое строеное управленіе церковное: въ такія соотношенія и подраздѣленія по областямъ не могли входить церкви у народовъ новообращенныхъ въ христіанство, и особенно у народовъ жившихъ въ областяхъ не подчиненныхъ Римской имперіи. По отношенію къ такимъ церквямъ у иноплемennыхъ народовъ Вселенній соборъ поста-

(а) Для разъясненія того, почему въ правилѣ собора поименованы именно округа — ни больше, ни меньше, и почему округа сии изложены именно съ сими наименованіями, а не съ какими другими, — надлежитъ принять во вниманіе гражданское устройство тогдашней восточной Римской имперіи. Восточная префектура (она изъ 4-хъ, на кои раздѣлена была Римская Имперія: Восточная, Иллирійская, Галльская, Италійская) обнимала собою 5 округовъ: Египетскій, Восточный, Асійскій, Понтийскій и Фракійскій. (Cabassut synops. Concil pars 3, dissert 14 de provinciis Ecclesiae). Къ этому распределенію гражданскому примѣняется и управленіе церковное.

новляетъ, чтобы церкви эти управляемы были по соблюдавшемуся до той обыкновенію отцевъ. Какое разумѣется здѣсь обыкновеніе отцевъ, отвѣтитъ на это съ рѣшительностію трудно; — можно только предположительно сказать, что новообращаемые христіане были въ подчиненіи у той церкви, откуда споспѣшествуемо было ихъ обращеніе; такъ какъ новооснованныя церкви не могли съ первыхъ же поръ имѣть у себя полную организацию іерархическую, то всего естественнѣе было имъ относиться съ покорностію къ той церкви, отъ которой они принимали крещеніе. Примѣръ такой зависимости новооснованной церкви отъ церкви содѣйствовавшей обращенію иноплемениковъ можно видѣть на отношеніяхъ Абиссинской церкви къ Александрійской въ лицѣ Фрументія и Св. Аванасія (Вл. Феод. 1, 24).

Третье правило. Определія границы власти каждаго епископа объемовъ его области, отцы собора встрѣтили, какъ видно, важное затрудненіе въ опредѣленіи положенія епископа Константинопольскаго. Византія, сдѣланная не задолго предъ симъ новою столицею имперіи съ именемъ Константинополя, по прежнему положенію своему находилась въ округѣ Фракійскомъ и состояла въ вѣдѣніи старѣйшаго въ этомъ округѣ митрополита Фракійскаго. Повинно, что удерживать епископа Константинопольскаго въ прежнему подчиненіи митрополиту Фракійскому, когда въ Константинополь перенесена резиденція императорская, когда здѣсь учрежденъ сенатъ членовъ гражданскихъ, когда переселилась сюда весьма значительная часть знаменитостей Восточной имперіи, когда, однимъ словомъ, Константинополь сравненъ во всѣхъ правахъ и преимуществахъ гражданскихъ съ древнимъ Римомъ, — было бы стѣснительно какъ для подчиненнаго, такъ не менѣе для того, кому его подчинялъ. Отцы собора нашли приличнымъ почтить епископа новаго престольнаго града особымъ преимуществомъ чести предъ всеми прочими епископами Восточной имперіи: Константинопольскій епископъ получаетъ преимущество чести по Римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ. Правило

это — великий камень преткновения для римско-католической церкви. Одни из римских католиков вовсе отвергают это правило Вселенского собора, но страшась посягнуть на авторитет Вселенского собора⁽⁴⁾; другие, не посягая на авторитет собора, заподозривают в неподлинности голубо это правило Вселенского собора (как напр. Бароний *anual. ad. an. 38 n. 35*). Что касается до отношений къ этому правилу, какія обнаруживают римско-католическіе канонисты, то мы въ этомъ случаѣ конечно не можемъ ни у кого отнять его доброй, свободной воли: но и съ другой стороны — усиливаться въ доказательствѣхъ подлинности этого правила — послѣ того какъ оно приводится во всѣхъ собраніяхъ церковныхъ правилъ, послѣ того какъ о немъ упоминаютъ древніе историки церкви — Сократъ 5, 8 и Созоменъ 7, 9 — считаемъ совершенно излишнимъ. Въ чемъ состояло преимущество чести, которое предоставляется соборомъ епископу Константинопольскому, изъ текста самаго правила не видно; если принять во вниманіе съ одной стороны замѣчаніе Сократа, что «отцы сего собора между прочимъ установили патриаршество и Нектарію препоручили въ управленіе столицу и Фракію» (5, 8), съ другой — 28 правило Халкидонскаго собора, который, ссылаясь на постановленіе сего Константинопольскаго собора, подтверждаетъ и подробно опредѣляетъ преимущество Константинопольской кафедры: то надобно признать, что Константинопольскому епископу съ этого же времени предоставлено преимущественное право рукоположенія митрополитовъ Востока. Митрополиты — въ общеніи съ епископами своей области рукополагали епископовъ, а сами получали рукоположеніе отъ архіепископа Константинопольскаго; архіепископа Константинопольскаго рукополагалъ митрополитъ Ираклійскій. (*Balsam ad. h. can.*) Была ли впрочемъ предоставлена власть Константинопольскому

(4) Нѣкоторые римско-католическіе юристы въ примѣчаніяхъ къ кодексъ Граціана, который внесъ это правило въ свое собраніе, пишутъ, что апостольская церковь Римская отъ самаго начала сего правила не принимала (*Leges 2, 18*).

епископу на соборѣ Константинопольскомъ въ такой полнотѣ, утверждать это съ рѣшительностію нельзя; власть Константинопольскаго епископа въ такомъ видѣ съ несомнѣностію опредѣляется уже соборомъ Халкидонскимъ; о власти же Константинопольскаго епископа по опредѣленію собора Константинопольскаго можно и то предполагать, что ему представляема была честь посвящать митрополитовъ округа; по юрисдикціи, подобающей властительному лицу, онъ еще не получалъ.

Четвертое правило. Расширяя права и преимущества законнаго епископа Константинопольскаго, Вселенскій соборъ не преминулъ съ другой стороны подвергнуть строгому осужденію хитраго, святотатственнаго похитителя столичнаго епархіальнаго престола. При изложеніи исторіи втораго Вселенскаго собора мы замѣчали между прочимъ, что вѣкто Максимъ изъ Александріи по зависти къ святому Григорію Богослову успѣлъ тайными, незаконными путями предвосхитить себѣ Константинопольскій престолъ. Святой Григорій Богословъ, знавшій непосредственно этого циника Максима, приблизившій его къ себѣ, даже питавшій его за своимъ столомъ, говоритъ, что Максимъ золотомъ кушилъ себѣ Константинопольскій престолъ (*Стихотв. св. Григ. о своей жизни въ рус. перев., стр. 33*). Когда въ Константинополь прибыли Александрійскіе епископы съ полномочіемъ отъ Петра Александрійскаго, чтобы присутствовать на Вселенскомъ Константинопольскомъ соборѣ, Максимъ созвалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ одинъ домъ ночью и принявъ отъ нихъ святотатственное рукоположеніе въ епископа Константинопольскаго; за тѣмъ и самъ началъ рукополагать другихъ на священныя степени. Скоро тайные пути, какими Максимъ стяжалъ себѣ санъ, освѣтились; народъ Константинопольскій прицѣлъ въ волненіе, изгналъ Максима изъ Константинополя, и несчастный скиталецъ долженъ былъ скрываться въ свое отечество, Александрію. Противъ сего-то Максима и отцы собора произнесли строгое слово осужденія: ни самъ Максимъ не признавъ епископомъ, ни оставленные имъ въ ка-

кую бы то ни было стенья не признаны въ этихъ степеняхъ: и содѣланное для него и содѣланное вмѣ—все ничтожно.

Пятое правило Константинопольскаго собора представляетъ собою трудности въ толкованіи, можно сказать, не разрешимыя. Правило говоритъ о свиткѣ западныхъ: «Относительно свитка западныхъ приедемъ и сущихъ въ Антиохіи, исповѣдающихъ едино Божество Отца и Сына и Святаго Духа». Какой свитокъ разумѣется здѣсь? Греческіе толкователи церковныхъ правилъ Вальсамовъ, Зонара, а за тѣмъ и принятая въ нашей церкви книга правилъ—принимаютъ, что подъ свиткомъ упоминаемымъ отцами собора разумѣется свитокъ западныхъ епископовъ, содержащій постановленія Сардинійскаго собора. Но согласится съ этимъ мнѣніемъ не позволяеть самый текстъ разбираемаго нами правила. Какъ видно по тексту правила, помнутый свитокъ содержалъ въ себѣ рѣчь между прочимъ и о дѣлахъ Антиохійской церкви; употребленное соборомъ слово «приедемъ» и слѣдъ даетъ намекъ на раздѣленіе въ Антиохіи по поводу Мелетія и Павліана; соборъ приедемъ въ общеніе сторонниковъ и того и другаго изъ упомянутыхъ епископовъ, только бы они исповѣдали Божество Отца и Сына и Св. Духа; ежели такъ, то подъ упоминаемымъ свиткомъ западныхъ нельзя разумѣть постановленій Сардинійскаго собора; Сардинійскій соборъ не могъ дѣлать упоминанія о Мелетіанскомъ расколѣ, потому что расколъ этотъ только возникъ спустя 17 лѣтъ послѣ Сардинійскаго собора. Итакъ подъ свиткомъ западныхъ нужно разумѣть что-либо другое. Судя по прямому смыслу правила всего естественнѣе было бы принять, что передъ временемъ собора отъ западныхъ было прислано къ восточнымъ посланіе, въ которомъ предлагалась какія-либо разсужденія или совѣты относительно лицъ принимавшихъ участіе въ извѣстномъ Антиохійскомъ расколѣ. Соборъ, разсмотрѣвъ это посланіе западныхъ, рѣшаетъ принять и сущихъ въ Антиохіи, исповѣдающихъ едино Божество Отца и Сына и Святаго Духа. Къ сожалѣнію въ исторіи пагдѣ не сохранилось ни самаго такого посланія, ни даже достовѣрнаго указанія на такое посланіе, которое подходило бы по призна-

камъ своимъ къ посланію упоминаемому соборомъ: отъ этого при толкованіи 5-го правила 2-го Вселенскаго собора приходится оставаться при однихъ предположеніяхъ *).

(а) Геселе, отвергающій подлинность самаго правила и относящій происхожденіе его къ собору, бывшему въ 382 г. въ Константинополѣ же, дѣлаетъ въ разсужденіи его предмета два предположенія, — что подъ свиткомъ западныхъ нужно разумѣть или посланіе папы Дамаса къ Павлину епископу Антиохійскому, писанное 380 г., или посланіе къ восточнымъ, писанное отъ папы Дамаса и Римскаго собора 369 г., каковое посланіе принято и признано было Антиохійскимъ соборомъ 378 г.; свѣтъ Геселе складывается къ мнѣнію послѣднему. Но во первыхъ, предположеніе—будто 5-е правило Константинопольскаго вселенскаго собора принадлежитъ не Вселенскому собору, а собору Константинопольскому, бывшему въ слѣдующемъ 382 году, ни на чемъ прочномъ не основано. Молчаніе объ этомъ правилѣ древнихъ церковныхъ историковъ, изъ коихъ Геселе выводитъ главнымъ образомъ свое заключеніе, ничего не доказываетъ: историка могли не упомянуть объ этомъ правилѣ потому только, что не считали своею обязанностію подробно говорить о всѣхъ предметахъ, коими занимались отцы Константинопольскаго собора. Далѣе—отъ шаткости перваго предположенія Геселе—оказываются нетвердыми и разсужденія его дальнѣйшія. Напримѣръ для подтвержденія нами правила, Геселе ставитъ правило это въ соотношеніе съ извѣстнымъ въ исторіи посланіемъ къ западнымъ отъ Константинопольскаго собора бывшаго 382 г.; но изслѣдователь непредрѣзанный никакого соотношенія между нами двумя статьями не предположитъ. Несомнѣннымъ представляется, какая надобность была Вселенскому собору упоминать о посланіи, писанномъ въ Римѣ въ 369 году и присоединять къ нему рѣчь о сущихъ въ Антиохіи, когда въ томъ посланіи по словамъ самаго же Геселе не было и рѣчи о дѣлахъ Антиохійскихъ, на что такъ ясно указывается въ томъ упоминаемомъ отцами Вселенскаго собора. Съ большою очевидностію основательно по дѣламъ западныхъ можно разумѣть посланіе отъ папы Дамаса и четвертаго собора Римскаго, писанное 380 года къ Антиохійскому епископу Павлину. Соборное посланіе папы Дамаса противъ различныхъ ересей осуждаетъ всѣ бывшія наболевѣ въ слѣдъ около времени Вселенскаго собора ереси, какъ-то: ересь духоборцевъ, Савеллія, Арія, Евномія, Фотина, Аполоніярія; поражая знаемое еретиковъ посланіе съ другой стороны излагаетъ православное ученіе въ разсужденіи пунктовъ искаженныхъ еретиками. По общимъ свидѣтельствамъ изслѣдователей исторіи, посланіе это писано въ 380 году; естественно предположить, что и Вселенскій соборъ, бывшій въ 381 году, въ своемъ правилѣ упоминаетъ объ этомъ же посланіи; а такъ какъ посланіе это писано было къ Павлину, еп. Антиохійскому, одному

Шестое правило определяет случаи, когда может быть позволителен и законен суд над епископом, и устанавливает порядок самого судопроизводства. Как видно из многих свидетельств, приводимых церковными историками, и даже из объяснений самого правила, бывали примѣры, что беспокойные искатели приключений, желая привести въ замѣшательство и испровергнуть церковное благочиние, враждебно и клеветнически вымышляли на православныхъ епископовъ обвиненія не съ инымъ какииъ-либо намѣреніемъ какъ только съ тѣмъ, чтобы помрачить добрую славу лицъ священнаго сана и произвести смутеніе въ мирномъ народѣ⁶⁾. Соборъ, принимая во вниманіе съ одной стороны величіе священнаго сана, каковое величіе требуетъ, чтобы лица этого сана были свободны даже отъ подозрѣній въ какииъ-либо важныхъ преступленіяхъ; съ другой, — желая высказать полное, должное безпристрастіе, чтобы лица и духовнаго сана не злоупотребляли своимъ почетнымъ положеніемъ и не причиняли притѣсненій лицамъ мірскимъ, — устанавливаетъ случаи подсудности духовныхъ лицъ, или строже и точнѣе говоря, случаи подсудности епископовъ. Изъ многихъ предшествовавшихъ

изъ лицъ сопрякосовѣнныхъ въ исторіи Антиохійскаго раздѣленія, то соборъ очень удобно могъ при разсужденіи о семъ слованіи коснуться какъ бы мимоходомъ и тѣхъ лицъ, кои составляли сторону Навлана. Съ принятіемъ этого предположенія мы заручаемся тою, повидимому, выгодною, что въ упоминаемомъ свѣтѣ западныхъ видимъ дѣйствительно существующее посланіе, писанное въ 380 году, а не предполагаемъ только посланіе то перъ не существующее, и при всемъ томъ освобождаемъ отъ того неосновательнаго предположенія, будто по недосмотру соборателей церковныхъ правилъ въ правла Вселенскаго собора внесено правило на самомъ дѣлѣ не принадлежащее ему. Но въ другой стороны ничѣмъ не можемъ устранить той слабости этого предположенія, что и въ посланіи къ Дамасу нѣтъ рѣчи о судихъ въ Антиохіи, на что такъ ясно указывается въ правилѣ собора. Не принимая на себя стѣснительнаго положенія дѣлать научныя натяжки, лучшимъ находимъ оставить это дѣло нерѣшеннымъ, чѣмъ рѣшительно склоняться въ пользу того или другаго предположенія.

(6) Примѣры таковыхъ клеветливыхъ обвиненій во множествѣ видны были въ жизни св. Афанасія Великаго, Евстагія Антиохійскаго и др. защитниковъ православнаго

опытовъ соборъ усматривалъ, что тайною причиною многихъ доносовъ и обвиненій на епископовъ служило разногласіе обвиняемаго съ обвиняющими въ догматическомъ исповѣданіи вѣры или несогласіе въ понятіяхъ о церкви, т.-е на епископа взводили клеветы и обвиненія еретики и взводили потому только, что епископъ былъ исповѣданъ православнаго, не согласнаго съ ученіями еретическими; иногда на православныхъ епископовъ клеветали раскольники, и опять потому только, что православный епископъ не соглашался съ раскольниками на отпаденіе отъ единства церкви. Изрекая съ своей стороны полный судъ и правду, соборъ постановляетъ, чтобы на будущее время полагаемо было различіе въ качествахъ обвиненій на священное лицо и соотвѣтственно съ симъ обращемо было вниманіе на качество обвинителя. Если на епископа принесена будетъ къ-либо личная, частная жалоба, по дѣламъ касающимся личныхъ, житейскихъ потребностей обвиняющаго, напримѣръ, въ притязаніи епископа на имѣніе, или въ другой какой, претерпѣнной обвиняющимъ неправдѣ, въ такомъ случаѣ обвиненіе принимается, не обращая вниманія на лице обвинителя и на его исповѣданіе вѣры. Но если обвиненіе на епископа будетъ касаться дѣлъ церковныхъ, если взводимая на епископа вина будетъ церковная, тогда подобаетъ разсмотрѣти лице обвинителя. Еретикамъ не позволено приносить обвиненія на православныхъ епископовъ по дѣламъ церковнымъ; имеемъ же еретиковъ заклеиваемые какъ тѣ, кои прежде были отлучены отъ церкви, такъ преданные анаемѣ и симъ Вселенскимъ соборомъ; къ еретикамъ причисляются и тѣ, кои, хотя притворяются, будто исповѣдуютъ вѣру собора здраво, но которые отдѣлились и собираютъ соборанія противъ правильно поставленныхъ епископовъ. Далѣе: не позволено приносить обвиненій на епископовъ по дѣламъ касающимся церкви тѣмъ лицамъ, кои хотя и принадлежатъ къ церкви, но прежде были осуждены и извержены изъ клира или изъ разряда мірянъ, и во времени доноса на епископа еще не очистили себя совершенно отъ обвиненія, которому сами подпали. Не позволено приносить обвиненій по дѣламъ церковнымъ на епископа или на кого-либо изъ принадлежа-

щих клиру темъ лицамъ, кои сами подверглись доносу и еще не доказали своей невинности противу возведенныхъ на нихъ обвиненій. Но если обвиняющій не будетъ подходить на подъ одну изъ этихъ категорій, возражающихъ доносъ на епископа, если онъ не будетъ обвиненъ ни въ еретичество, ни будетъ раскольникомъ, ни самъ не будетъ заподозрѣнъ ни въ какихъ преступленіяхъ, въ такомъ случаѣ доносъ на епископа отъ него принимается и изслѣдуется законнымъ порядкомъ. Доносъ на епископа выслушивается и изслѣдуется предъ соборомъ сначала въсволькихъ епископовъ области. Если паче чаянія обвиненіе окажется вѣроятными, то въ такомъ случаѣ соборъ епископовъ области не тотчасъ постановляетъ опредѣленіе о наказаніи епископа, а передаетъ это дѣло другому, большому собору епископовъ великия области, по сей причинѣ созымаемыхъ. Когда дѣло поступитъ къ сему обширнѣйшему собору епископовъ области, то не прежде позволяется начинать разборъ обвиненій, какъ истребовать отъ докщиковъ письменное обязательство, что въ случаѣ, если доносъ ихъ окажется ложнымъ, они сами согласны подвергнуться такому же наказанію, какому подлежалъ бы епископъ, еслибы вина его была доказана. Если кто, не обративъ вниманіе на это постановленіе собора, дерзнетъ или обратиться къ царю или въ суды мірскихъ начальниковъ, или беспокоить Вселенскій соборъ, къ оскорбленію чести кѣсъ епископовъ области, таковыя не допускается своею жалобою, какъ пашешій оскорбленіе правламъ и нарушвшій церковное благочиніе.

Седьмое и послѣднее правило Вселенскаго Константинопольскаго собора опредѣляетъ способъ принятія въ православную церковь обращающихся отъ ересей и расколовъ. По различію ересей, коими заражены были обращающіеся, принятіе ихъ совершается двоякимъ способомъ: одни прививаются только посредствомъ муропомазанія, безъ повторенія надъ ними крещенія, другіе прививаются съ повтореніемъ крещенія какъ язычники. Посредствомъ одного муропомазанія прививаются ариане, македоніане, савватіане ^(а) и нова-

(а) Секта отъ имени Савватія, новатіанскаго жемископа. Савватій изъ Іудейства обратился въ христіанство, и Маркіаномъ,

тіане, четыревадесятидневники или тетрадиты ^(б) и Аполліанаристы. Что соборъ постановляетъ такое епископальное опредѣленіе относительно принятія поименованныхъ въ этомъ правилѣ раскольниковъ савватіанъ и прочихъ, это совершенно понятно и не возбуждаетъ никакого недоумѣнія; помянутые здѣсь раскольники хотя и отдѣлились отъ единства церкви, но не извращали основныхъ догматовъ вѣры и таинства Св. Крещенія совершали правильно; но чѣмъ объяснить принятіе такой же благоснисходительной мѣры въ отношеніи къ арианамъ, македоніанамъ, аполліанаристамъ, которые въ корнѣ можно сказать извращали основныя догматы христіанской вѣры? Съ вѣроятностію, кажется, можно предположить, что по отношенію къ арианамъ и македоніанамъ причина такой благоснисходительности заключалась во множествѣ лицъ зараженныхъ сими ересями. Скорбя объ отпаденіи отъ церкви такого множества заблуждающихся, отпи собора въ видахъ наиболѣе удобнаго пріобщенія заблудшихъ къ части спасаемыхъ воздерживаются отъ подобающей въ разсужденіи ихъ строгости, и въ мягкости опредѣленій усматриваютъ наиболѣе удобное къ пріятелію ихъ въ общеніе церковное. Нѣчто подобное мы видимъ не задолго передъ симъ въ опредѣленіяхъ Александрійскаго собора, бывшаго 362 года подъ

новатіанскимъ епископомъ въ Константинополѣ рукоположенъ въ пресвитера. Принявъ санъ пресвитера, Савватій привелъ расколъ въ самою Новатіанскую обществѣ, темъ, что утверждалъ необходимость правдовавъ Пасуху съ Іудеями и по обычаю Іудеевъ, удаляя отъ сообщества Новаціанъ и дѣлая свои особы собранія. Оскорбленный такимъ самоудѣленіемъ Савватія, Маркіанъ созвалъ соборъ Новаціанскихъ епископовъ и общимъ совѣщаніемъ опредѣляли правило о празднованіи Пасхи. Савватій подчинился этому опредѣленію; но несмотря на сіе не отсталъ и отъ своего прежняго обычая. Сократъ свидѣтельствуеть, что Савватій сей въ послѣдствіи времени принявъ санъ епископа (5, 24).

(б) Четыревадесятидневники или тетрадиты назывались такъ потому, что держались обычая правдовавъ Пасуху 14 ч. сръжца Нивана; обычай этотъ, замѣчаемый между нѣкоторыми членами даже православной церкви съ ранней поръ, встрѣчалъ себя жаркихъ противниковъ, но несмотря на противодѣйствіе и даже осужденіе, какому подвергался со стороны православныхъ, держался до V вѣка.

председательством святого Аванасія. Когда къ св. Аванасію начала поступать отъ множества арианствующихъ просьбы о принятіи ихъ въ церковное общеніе, св. Аванасій всѣхъ принималъ невозбранно; когда же нѣкоторые изъ строгихъ ревнителей православія начали предъавлять необходимость строгаго взысканія съ отпадавшихъ, и даже необходимость ихъ перекрещивать, то Св. Аванасій нашелъ нужнымъ всѣ таяія строгости отстранить, дабы не возбранить тѣмъ желающимъ церковнаго общенія. Такими же разсужденіями могли руководствоваться и отцы Константинопольскаго собора въ разсужденіи арианъ и маведоніанъ. Что касается аполлипаристовъ, то хотя жеученіе ихъ и подрывало многіе догматы христіанскаго вѣроученія, смягчающимъ въ разсужденіи ихъ виновности обстоятельствомъ могло быть то, что они въ своихъ жеученіяхъ не касались таинства триничности Божественныхъ лицъ и вѣроятно не погрѣшали въ разсужденіи таинства святаго крещенія. Принявъ во вниманіе всевозможныя смягчающія обстоятельства въ разсужденіи виновности всѣхъ свѣхъ отступниковъ отъ церкви, отцы собора требуютъ только, чтобы отступники эти, если желаютъ общенія съ церковію, только дали письменное удостовѣреніе въ своемъ желаніи церковнаго общенія, прокляли и свою ересь и всякую другую, не мудрствующую какъ мудрствуетъ святая Божія, Каеолуческая и Апостольская Церковь, и тогда по совершеніи надъ ними таинства муропомазанія принимаются въ общеніе съ церковію.

Отрадно для сына православной восточной церкви читать между правилами втораго Вселенскаго собора ясное и подробное указаніе на таинство св. Муропомазанія. Какъ видно изъ выражений самаго правила соборнаго, св. таинство муропомазанія и во времена втораго Вселенскаго собора совершаемо было точно такъ, какъ и нынѣ оно совершается въ православной восточной церкви: «пріемлемъ запечатлѣвая, т.-е. помазуемъ святымъ муромъ, вопервыхъ чело, потомъ очи, и ноздри, и уста, и уши, и запечатлѣвая ихъ глаголемъ: печать дара Духа Святаго.» Съ болыною строгостію относятся отцы

собора къ евноміанамъ, монтанистамъ⁽⁴⁾, и савелліанамъ. Эти послѣдніе еретики (равно какъ и всѣ прочіе еретики, ноя во множествѣ выходили изъ галатійской страны) пріемлются какъ язычники. Причина такой строгости въ отношеніи къ этимъ еретикамъ конечно въ томъ, что въ ихъ еретическихкихъ обществахъ не могло быть истиннаго крещенія, такъ какъ всѣ они извращали ученіе о гайствѣ Пр. Троицы. Въ частности относительно евноміанъ и самое правило собора замѣчаетъ, что надъ ними и потому между прочимъ падлежитъ повторять крещеніе, что въ своемъ обществѣ они крещаются «единократнымъ погруженіемъ». Способъ принятія сихъ еретиковъ въ общеніе церковное опредѣляется въ правилѣ такъ: «въ первый день дѣлаемъ ихъ христіанами (т.-е. открываемъ являходъ въ церковь молтвоемъ, крестнымъ знаменіемъ и возложеніемъ рукъ); во второй день совершается оглашеніе присоединяемыхъ въ вѣрѣ; въ третій—совершается закланіане съ троекратнымъ дуновеніемъ въ лице и въ уши; по совершеніи закланія присоединяемый считался между принадлежащими къ церкви и вачиналъ приготовляться къ принятію Святаго Крещенія. Приготовленіе сіе состояло въ томъ, что готовящійся къ крещенію ходилъ въ церковь, слушалъ здѣсь чтеніе Св. Писанія, присутствовалъ при литургии оглашенныхъ, занимался предварительнымъ изученіемъ вѣры и приготовлялся къ торжественному исповѣданію Символа вѣры, каковое необходимо было при совершеніи надъ нимъ таинства Святаго Крещенія. Когда приготовленіе къ крещенію было окончено, тогда надъ присоединяемымъ совершаемо было таинство Св. Крещенія и онъ вводимъ былъ въ полное общеніе съ церковію. Постановленіемъ о способѣ принятія въ церковь обращающихся отъ раскола и ересей правила втораго Вселенскаго собора оканчиваются.

По составленіи правилъ отцы собора представили свои дѣланія на утвержденіе императору; въ посланіи къ императору, которое приложено было къ дѣланіямъ, отцы собора возсыла-

(4) Въ правилѣ собора монтанисты назывались фригами, этоа заваніе происходитъ отъ имени Фригій, страны откуда происходилъ самъ Монтанъ и гдѣ секта его была особенно распространена.

югъ благодареніе Богу, что Опы ознаменовалъ благочестивое царствование Феодосія миромъ церковнымъ и утвержденіемъ истинной вѣры; за тѣмъ кратко перечисляють, что было сдѣлано ими на соборѣ, и просятъ императора всѣ эти дѣянія свои утвердить, «дабы, — приводимъ собственныя выраженія отцевъ собора къ императору, — какъ почтилъ ты церковь своимъ пославіемъ, которымъ созвалъ насъ⁽⁶⁾, также своимъ утвержденіемъ положишь и конецъ нашимъ совѣщаніямъ». Въ заключеніи отцы собора выражаютъ свои благожеланія царю земному; отъ Царя небеснаго.

Императоръ представленіе отцевъ собора утвердилъ и 30ію июля 381 г. издалъ указъ, чтобы съ сего времени всѣ церкви передашы были православнымъ, кои въ существѣ трехъ Лицъ, равночестныхъ и равновисныхъ исповѣдуютъ едино божество Отца, Сына и Св. Духа. Исповѣдники этого ученія должны были имѣть общеніе въ Константинополѣ съ Нектаріемъ, въ Египтѣ съ Тимоеемъ епископомъ Александрійскимъ, въ восточныхъ церквахъ съ Діодоромъ епископомъ Тарейскимъ и Пелагіемъ, епископомъ Лаодикійской, въ азіатскихъ церквахъ съ Амфилохіемъ, предстоятелемъ церкви Иконійской, въ городахъ Понтійскихъ отъ Виеини до Армении съ Елладіемъ, епископомъ Кесаріи Кападокійской, Григоріемъ Нисскимъ и Отреїемъ, епископомъ Мелитинскимъ, въ городахъ, находящихся во Фракіи и Сквееи, съ Терентіемъ, епископомъ города Томи и Мартиріемъ, епископомъ Маріанопольскимъ. Всѣ же, кои не захотятъ пребывать въ общеніи съ поименованными епископами — какъ еретики изгоняются изъ церкви (Cod. Theodos. L. 3. de fid. cathol. t. VI. p. 9).

Когда все это было сдѣлано и соборъ закрытъ, то епископы возвратились каждый въ свою епархію (Созом. 7, 9).

Въ дополненіе къ исторіи втораго Вселенскаго собора не излишнимъ будетъ упомянуть о помѣстномъ соборѣ Константинопольскомъ, собранномъ 382 года. Римскій епи-

(6) Итакъ и на этомъ соборѣ вліяніе папы вовсе не видно! Гдѣ же авторитетъ римскаго отца?

скопъ Дамасъ въ согласіи съ нѣкоторыми епископами западными пришелъ къ мысли открыть Вселенскій соборъ въ Римѣ и для сего прислалъ къ императору Феодосію посланіе, въ которомъ просилъ, чтобы императоръ послалъ на этотъ соборъ епископовъ восточныхъ. Императоръ передалъ заявленіе Дамаса на благоусмотрѣніе епископовъ. Восточные епископы не въ болшемъ количествѣ въ это время были въ Константинополѣ, собравшись сюда для совѣщанія о вѣрахъ, къ приведенію въ исполненіе постановленій Вселенскаго собора Константинопольскаго (Феодор. 5, 9). Получивъ увѣдомленіе о приглашеніи на соборъ въ Римъ, восточные епископы воспользоваться имъ не пашли возможности. «Побѣзда въ Римъ, отвѣчали восточные, для многихъ епископовъ рѣшительно невозможна: это совершенно обнажило бы только что начавшія обновляться церкви». — Отказываясь отправиться въ Римъ сообща или въ составъ большинства, епископы отправили отъ себя представителей въ числѣ трехъ епископовъ, Киріака, Евсевія и Прискіана, съ посланіемъ къ папѣ Дамасу, въ которомъ, объясняя обстоятельства, препятствующія имъ отправиться въ Римъ, свидѣльствовали о своей ревности къ святой вѣрѣ и излагали нѣкоторые члены сей святой своей вѣры. «Она, пишутъ епископы восточные, никогда съ трудомъ нами сохраненна, дренвая, соответствуетъ крещенію и учитъ насъ вѣровать во имя Отца, и Сына и Святаго Духа, т.-е. вѣровать въ Божество, силу и существо Отца, и Сына, и Святаго Духа, — вѣровать въ равночестное достоинство и совѣчное царствование трехъ совершенныхъ Лицъ, или трехъ совершенныхъ Лицъ, — вѣровать такъ, чтобы здѣсь не имѣла мѣста ни болѣзнь Савеллія, который смѣшиваетъ Лицъ и отвергаетъ личныя свойства, ни богохульство евноміанъ, аріанъ и духоборцевъ, которые разскаютъ и существо, и природу, и Божество, которые въ несотворенную, единосущую и совѣчную Троицу вводятъ какое-то естество, либо послѣ рожденна, либо сотворенное, либо ипосущное. И касательно воплощенія Господа мы сохраняемъ ученіе не извращенное: принимаемъ домостройство плоти и не безъ души, и не безъ ума, и не несовершен-

нов, но допускаемъ цѣлостность, т.-е. что совершенное прежде вновь, Слово Божіе въ послѣдніе дни для спасенія нашего сдѣлалось совершеннымъ человѣкомъ. Такова въ главныхъ чертахъ искренно исповѣдуемая нами вѣра; болѣе же въ отношеніи къ ней вы можете узнать наши души, если удостоите прочесть ее въ томъ свитѣ, который написанъ бывшимъ въ Антиохіи соборомъ, либо въ томъ, который прошедшаго года изданъ Вселенскимъ ^(а) соборомъ Константинопольскимъ. Въ нихъ мы пространнѣе исповѣдали свою вѣру и письменю заведомствовали недавно возникшія ереси (Феод. 3, 2). Далѣе въ этомъ посланіи перечислены еще нѣкоторые предметы, кои мы занимались отцы Вселенскаго собора, какъ, папиримѣръ, возведеніе епископовъ на кафедрѣ Константинопольскую Нектарія, Антиохійскую—Флавіана, утвержденіе избраннаго на Иерусалимскую кафедру св. Кирилла Иерусалимскаго.

«Съ этими законово и канонически поставленными у насъ епископами, заключаютъ епископы восточные, мы просимъ ваше благорасположеніе обмѣниваться привѣтствіями, имѣть общіе духовной любви и страха Божія, отложивъ всякое человѣческое пристрастіе, и благоустройте церковное предпочитая расположенію или любви личной».

Этимъ соборнымъ свидѣтельствомъ о дѣятельности Константинопольскаго собора Вселенскаго какъ нельзя полнѣе подтверждается и вселенское значеніе Константинопольскаго собора и независимость его отъ владычественныхъ притязаній Запада, — вопреки мнѣнію канонистовъ и историковъ западныхъ, кои утверждаютъ, что Вселенскій соборъ Константинопольскій исприважалъ утвержденіе своихъ постановленій у папы. Еслибы восточные состояли къ западнымъ въ отношеніи зависимости и подчиненія, они не осмѣлились бы говорить съ ними такъ смѣло и свободно, какъ говорятъ въ своемъ посланіи, писанномъ изъ Константинополя черезъ годъ послѣ Вселенскаго Константинопольскаго собора.

(а) Свидѣтельство собора о вселенскомъ значеніи предшествовавшего. бывшаго въ 381 году собора Константинопольскаго.

Третій Вселенскій соборъ, Евесскій.

Переходъ отъ разъясненія въ періодъ времени перваго и втораго Вселенскихъ соборовъ, ученія о Святой Троицѣ къ богословствованію о соединеніи двухъ естествъ въ Иисусъ Христъ.—Сущность несторианства.—Диодоръ Тарсийскій и Феодоръ Мопсуестскій, какъ родоначальники несторианства.—Подлый выростекъ этого направленія Несторъ, патріархъ Константинопольскій.—Приснонамятная заступка св. Кирилла Александрійскаго въ его борьбѣ съ несторианствомъ.—Первое открытое появленіе несторианства и первые опыты противодействия ему въ самомъ Константинополѣ.—Распространеніе слуховъ о несторианствѣ.—Первые памфлеты борьбы противъ несторианства со стороны св. Кирилла: посланіе къ монахамъ египетскимъ, къ императору Феодосію Младшему и къ императорицѣ.—Переписка св. Кирилла съ Несторіемъ и съ Римскимъ папою Целестиномъ.—Дѣятельность папы Целестина въ пользу правды.—Св. Кирилла, папа Целестинъ и Іоаннъ, епископъ Антиохійскій убѣждаютъ Несторія—отстать отъ заблужденій.—Неприсклонность Несторія.—12 аввемствимовъ св. Кирилла.—Посланіе его къ клиру и народу константинопольскому и къ настоятелямъ монастырей Константинопольскихъ.—Аванесимизмъ Несторія въ отвѣтъ Кириллу.—Гоненія Несторія на православныхъ каяриковъ, монаховъ и мѣрякъ въ Константинополѣ.—Клестъ Несторія на св. Кирилла передъ императоромъ Феодосіемъ и Валентианомъ.—Указъ сѣкъ императоровъ, небагослупрительный для св. Кирилла.—Особый указъ о созваніи собора.—Общественность открытій собора.—Дѣятельность собора по отношенію къ Несторію.—тросратное приглашеніе Несторія на соборъ.—Взвѣнтіе отцевъ собора для общаго исповѣданія Несторію;—присоворъ о изложеніи Несторія,—увѣдомленіе отъ собора и отъ св. Кирилла въ Константинополѣ—къ епископамъ, архимандриту Дамаскію, каярикамъ, вѣкомъ константинопольской церкви—о соборномъ изложеніи Несторія;—досеніе о изложеніи Несторія къ императорамъ.—Досеніе къ императорамъ со стороны Несторіевой.—Прібытіе въ Евессъ Іоанна Антиохійскаго;—соборъ противниковъ св. Кирилла;—обвиненіе на св. Кирилла и Мешоновъ;—новое досеніе съ этой стороны къ императорамъ.—Вторичный соборъ сторонниковъ св. Кирилла;—мѣры его собора къ соединенію съ Іоанномъ Антиохійскимъ;—безуспѣшность сѣкъ мѣръ;—постановленіе противъ собора Іоаннова и досеніе къ императорамъ;—отвѣтъ императоровъ на досеніе обожихъ соборовъ.—Досеніе къ императорамъ отъ Іоанна Антиохійскаго и его собора по поводу отвѣта императоровъ;—мѣры для противудѣстній партіи Іоанновой, предпринятія соборомъ св. Кирилла;—вторичный указъ отъ императоровъ о новолѣхъ перезслѣдованія дѣла.—Св. Кирилла, Мешоновъ и Несторія подъ стражу;—новыя просьбы къ императорамъ съ той и другой стороны;—императорское распоряженіе о назначеніи депутатовъ съ той и другой стороны для изслѣдованія дѣла въ Константинополѣ.—Депутаты остаются только въ Халкидонѣ;—оборотъ дѣла благослупрительный для православныхъ.—Послѣдній судъ надъ Несторіемъ.—Превиненъ Несторія на кафедрѣ Константинопольской.—Максиміанъ.—Закрытіе собора;—последнее посланіе св. Кирилла къ императору Феодосію.—8 правилъ св. Евесскаго собора.—Опрежденіе Евесскаго собора по дѣлу отъ Евесской, митрополитъ Памфиловскій, по дѣлу о Мессаліанѣхъ и по просьбамъ Евпретія и Кирилла, епископовъ Брайтійскихъ.—Несторианскія помянія по закрытіи Евесскаго собора;—окончательное соглашеніе и св. Кирилломъ и Іоанномъ Антиохійскимъ;—последніе годы жизни Несторія.

Арианское движеніе путемъ долгихъ, прямыхъ и извилистыхъ, спокойныхъ и раздражительныхъ изслѣдованій при

вело наконец и тѣх — кои до сих поръ шатки были въ вѣрѣ—къ убѣжденію, что въ дѣлѣ вѣры всего безопаснѣе и спасительнѣе — отказавшись отъ оболстительныхъ, обманчивыхъ внушеній ограниченнаго разумѣнія человѣческаго — положиться на ученіе откровенное и съ дѣтскою простотою сердца исповѣдовать неистощимую для ума тайну—единое Божество въ Троицѣ: Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущую и нераздѣльную. Если взять во вниманіе всю исторію арианскихъ и македоніанскихъ преній, то нельзя не признать, что разъясненіе и утвержденіе этой высочайшей тайны—въ сущности составляетъ результатъ всѣхъ разсужденій въ періодъ времени перваго и втораго Вселенскихъ соборовъ. Но въ дѣлѣ человѣческаго спасенія—столько же какъ исповѣданіе Святой Троицы—важно исповѣданіе тайны соединенія въ Исусѣ Христѣ божескаго естества съ человѣческимъ: какъ Божество спасаетъ человечество?—Въ отвѣтъ и на этотъ вопросъ, такъ же какъ и въ рѣшеніи прежняго вопроса объ отношеніяхъ между Богомъ Отцемъ, Богомъ Сыномъ и Богомъ Духомъ Святымъ, — опять вступаютъ въ борьбу оболстительныя рѣшенія разума съ непоколебимою вѣрою въ ученіе откровения. Близорукій рационализмъ, силѣе отрѣшиться отъ тяжелыхъ для него узъ откровеннаго ученія, предлагаетъ въ отвѣтъ и на этотъ вопросъ соображенія свои; но эти соображенія, такъ же какъ и прежнія рационалистическія соображенія арианскія, не даютъ полного удовлетворительнаго отвѣта ни на самый главный вопросъ, ни на вопросы сопряженные съ главнымъ: опять начинаются возраженія, пренія, изслѣдованія продолжительныя, и нерѣдко раздражительныя; и послѣ многихъ круженій и крушеній опять усматривается необходимость притекать къ тихому пристанищу откровеннаго ученія вѣры.

Несторій, какъ и Арій, замѣтно усиливается освѣтить тайны вѣры личными мудрованіями, и довѣрія имъ болѣе, чѣмъ авторитету откровения, уничтожилъ тайну вѣры, обнаруживъ попытку испровергнуть одинъ изъ основныхъ догмаговъ христіанскихъ: догматъ объ Уностаномъ соединеніи божества съ человечествомъ въ лицѣ Исуса Христа, отъ

чего, какъ само собою понятнo, подвергался извращенію и догматъ объ искупленіи человечества Божествомъ.

Надобно замѣтить, что Несторій не вполне справедливо считается передовымъ и какъ бы единственнымъ представителемъ и главою партіи еретиковъ съ его именемъ; такая извѣстность досталась Несторию не столько потому, чтобы Несторій самъ былъ изобрѣтателемъ своего ученія, сколько благодаря высотѣ его положенія и большей обдуманности, смѣлости и рѣшительности въ защитѣ принятаго имъ направленія. Первое же появленіе этого направленія нужно относить за нѣсколько десятковъ лѣтъ дальше времени Несторія, къ учителю Несторія Теодору Мосуестскому, и даже къ учителю самого Теодора Мосуестскаго—Диодору Тарсійскому.

Указанія на многочисленныя сочиненія ^(в) Диодора Тарсійскаго, первоначальнаго виновника того лжеученія, которое впоследствии стало извѣстнымъ подъ именемъ несторіанства, до насъ сохранились у Прокла, патріарха Константинопольскаго, Марія Меркатора, Фаузда Германскаго и у Константинопольскаго патріарха Фотія; но всѣ сии указанія состоятъ только или въ одномъ упоминаніи о сочиненіяхъ Диодора или въ краткихъ сужденіяхъ о нихъ. Самыхъ сочиненій Диодора, кромѣ нѣсколькихъ весьма краткихъ извлеченій изъ оныхъ, до насъ не дошло. Такъ какъ безконечная (infinite), по выраженію одного собирателя церковно-историческихъ памятниковъ (Cave т. I, p. 266), письменность Диодора простиралась на различныя по содержанию своему предметы, — то неудивительно, что въ этомъ разнообразіи письменныхъ произведеній Диодора не вездѣ можно слѣдять свойство убѣжденій и выраженій его догматическихъ. и въ частности тѣхъ, кои должны имѣть отношеніе къ занимающему насъ предмету. У Леонтія Византійскаго, церковнаго писателя, монаха жившаго въ монастырѣ св. Саввы, во время императора Юстиніана, — сохранилась нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія

(в) Перечень сочиненій Диодора Тарсійскаго можно видѣть у Cave historia literaria t. I p. 266 и у Fabricius Bibl. gr. t. VIII p. 358 и слѣд.

Диодора contra Synusiastas. Эти отрывки при всей малочисленности их дают довольно ясное представление о характере учения Диодорова в пунктах о соединении во Христе божеского и человеческого естества, и именно еще здесь можно усматривать уже первое сѣмя послѣ разроздагого несторіанства. «Увѣщавая васъ, пишетъ Диодоръ въ сохранившихся до насъ выдержкахъ, увѣщавая быть ревностными въ познании и твердыми въ храненіи догматовъ: совершенный прежде вѣковъ Сынъ—воспринялъ (assumpsit) совершенное отъ Давида (perfectiss, quod ex David); Сынъ Божій — Сынъ Давидовъ;—ты скажешь: я проповѣдую двухъ сыновъ. Не проповѣдую двухъ сыновъ Давида; поскольку Богъ Слово не называется сыномъ Давида, но и не проповѣдую двухъ сыновъ Божіихъ по естеству; говорю только, что Богъ Слово обиталъ (habitasse) въ рожденіи отъ сѣмени Давидова». Bibl. Patr. Lugd. t. IX. p. 704.—Въ другомъ мѣстѣ: «По благодати Сынъ, человѣкъ отъ Маріи рожденный, по естеству же Богъ Слово: то по благодати, а не по естеству, это же по естеству, не по благодати. Довлѣетъ (sufficiet) тѣлу, взятому отъ вашего рода, съсволеніе по благодати, слава, безсмертіе и то, что оно «содѣлалось храмомъ Бога Слова». Далѣе: «когда говоримъ о рожденіи по естеству, то не должно почитать Бога Слова—сыномъ Маріи, ибо смертное раждаетъ смертное по естеству и тѣло раждаетъ сосубстанціальное (Consubstantiale) ему».—Итакъ, по Диодору, Пресвятая Дѣва Марія можетъ быть называема матерію не Бога Слова, а человѣка, котораго воспринялъ (assumpsit) и въ которомъ обиталъ (habitavit)—Богъ Слово. Патриархъ Константинопольскій Фотій между многочисленными названіями сочиненій Диодора упоминаетъ—разныя изслѣдованія (varia argumenta) Диодора о Святомъ Духѣ и въ этомъ сочиненіи Диодора многоученый патриархъ Константинопольскій усматривалъ въ свое время выраженія подходящія къ тѣмъ, кои въ послѣдствіи времени стали принадлежностью и естественностью несторіанства: quibus, говоритъ патриархъ Фотій, разумѣя argumenta Диодора о Святомъ Духѣ, Nestorij labe se jam inde contaminatum ostendit (Phot. Bibl) т. 120). Къ сожалѣнію, кромѣ приведенныхъ

нами предъ симъ отрывковъ изъ Диодора по Леонтію, и кромѣ краткихъ выраженій о Диодорѣ оставшихся намъ отъ временъ древнихъ, мы не имѣемъ ничего, на основаніи чего можно бы было воспроизвести существенныя черты въ ученіи Диодора Тарсійскаго относительно способа соединенія божества съ человѣчествомъ въ лицѣ Искушителя, и намъ остается въ свою очередь повторить обвиненіе возводимое на Диодора—древними отцами^(e) и писателями, что Диодоръ учитель Теодора Мопсуестскаго—бросилъ первая сѣмена, отъ коихъ послѣ произошло несторіанство.

Больше данныхъ мы имѣемъ для сужденія объ образѣ мыслей ученика Диодорова,—учителя Несторіева Теодора Мопсуестскаго, и такъ какъ эти воззрѣнія Теодора Мопсуестскаго имѣютъ весьма важное значеніе для уразумѣнія сущности и историческаго развитія несторіанства, то мы и остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Основной пунктъ, составляющій можно сказать сущность несторіанства, состоитъ въ томъ, что несторіане вслѣдъ за предводителями своими раздѣляли въ Иисусѣ Христѣ Божественное лице отъ человѣческаго. Православное ученіе, основываясь на неколебимомъ основаніи Слова Божія, исповѣдуетъ, что въ Иисусѣ Христѣ Божеское и человѣческое естество соединены вностаго, что въ немъ, Иисусѣ Христѣ, какъ единомъ лицѣ, нельзя раздѣлять Божество отъ человѣчества, нельзя говорить,—что иное въ немъ есть Богъ, иное челове-

(e) Обвиненіе на Диодора въ причастности его возникновенію лжеученія несторіанскаго встрѣчаются еще со временъ св. Кирилла Александрійскаго. Св. Кириллъ Александрійскій, восхваляя Диодора за православіе въ борьбѣ его съ Македоніанами, въ то же время укоряетъ его, что онъ, опровергая ересь одну, самъ впадалъ въ другую, которая послѣ осуждена въ лицѣ Несторія, что онъ признавалъ двухъ сыновъ—одного отъ сѣмени Давида, рожденнаго отъ Св. Дѣвы, другою—собственнаго Сына Отцаго, (Patr. С. С. т. 67. p. 622, примѣч. 6).—Еще съ большою рѣзкостью это обвиненіе на Диодора было высказываемо во время 5-го Вселен. собора (Fabr. Bibl. gr. VIII. 361); въ IX в.—какъ замѣтили мы выше—укорялъ Диодора въ причастности—послѣ возникновенію лжеученію несторіанскому Константинопольскій патриархъ Фотій

вѣтъ: по всей Онъ неслитно и нераздѣльно единъ есть и Богъ и человѣкъ или, какъ въ высочайшей степени совершенно выражаетъ это учение принятое въ православной церкви выраженіе объ Иисусѣ Христѣ, — *Богочеловѣкъ*. Не въ такомъ видѣ представляется учене объ этомъ предметѣ у Теодора Мопсуетскаго. По его воззрѣніямъ и учению, второе лице Пресвятая Троицы Богъ Слово представляется существомъ и лицомъ отличнымъ отъ Иисуса Христа. «Богъ Слово, рассуждаетъ Теодоръ, восхотѣвъ спасти человечество, воспріялъ въ общеніе съ собою человѣка Иисуса». Такимъ образомъ въ Иисусѣ Христѣ Теодоръ Мопсуетскій признаетъ два лица, одно земное, человѣка, другое — Божественное, Бога Слово: Богъ Слово воспріялъ къ себѣ человѣка; человѣкъ носилъ въ себѣ Бога Слово. Воспріятый Богомъ Словоиъ человекъ отличался предъ всѣми людьми преимущественными совершенствами; эти совершенства были въ немъ плодъ его собственной борьбы съ общемою всѣмъ людямъ грѣховностію; человекъ воспріятый Словоиъ былъ не свободенъ отъ подвиговъ брани со грѣхомъ: но онъ выносилъ сии подвиги съ такимъ совершенствомъ, что превосходилъ въ этомъ всѣхъ до него бывшихъ людей, отъ того и удостоился высочайшаго общенія, соединенія съ Богомъ Словоиъ. Этотъ послѣдній пунктъ заслуживаетъ особеннаго вниманія для уразумѣнія всей сущности и всей зловредности послѣ развившагося несторіанства, а потому мы и приведемъ его, придерживаясь по возможности собственнхъ выраженій Теодора. «Христосъ, послѣ того какъ пріялъ плоть и душу, пишетъ Теодоръ Мопсуетскій въ книгѣ о воплощеніи, отъ XXXIII, — началъ борьбу съ страстями тѣла и души, уничтожилъ грѣхъ во плоти и истребилъ его похоти: Онъ изощрялъ свою душу и удерживалъ, чтобы одерживать побѣду надъ своими страстями и смирять похоти плоти; все сіе начало устроить (gubernare) Божество обятавшее въ немъ (Deitas inhabitans); помогала Христу въ этомъ и благодать Святаго Духа, какъ и блаженный Апостолъ говоритъ: Богъ явися во плоти, оправдася въ Душѣ». «Господь нашъ, пишетъ Теодоръ въ другомъ мѣстѣ (отд. XXXVIII), когда воспріялъ человѣка, далъ ему то великое блаженство, что уничтожилъ

грѣхъ изъ плоти его и взяъ души его великую наклонность ко грѣху и страстямъ: и все сіе совершилъ Онъ при помощи Духа». Объясняя, какъ совершилось предъизображеніе Иисуса въ орудіе, органъ Божественнаго домостроительства, Теодоръ Мопсуетскій рассуждаетъ: «Тотъ, кто воспріялъ былъ по предвѣднью со времени образованія своего во чревѣ, — удостоился соединенія съ Богомъ Словоиъ. Съ того времени, какъ Онъ признанъ достойнымъ соединенія, Онъ получилъ все, что нужно было получить человѣку, соединенному съ Единороднымъ и Господомъ, — Онъ найдеть достойнымъ превознесенія гораздо славнѣйшаго чѣмъ прочіе; превознесеніе Его было возведеніе до соединенія, которое принадлежало Ему отъ начала ⁽¹⁾».

Мысли Теодора Мопсуетскаго о соотношеніи въ Иисусѣ Христѣ Божескаго и человѣческаго естества усвоены были и ученикомъ его Несторіемъ, и такъ какъ Несторій занималъ высокое положеніе въ церковной іерархіи, и по близости къ государю имѣлъ важное значеніе и въ отношеніяхъ общественныхъ, — то естественно было опасаться, что эти мысли противно-христіанскія широко разнесутся въ области церковной, а по соотношенію церкви съ государствомъ ⁽²⁾ потреплютъ и благосостояніе государственное. Что ученіе Теодора Мопсуетскаго (а оно же и ученіе Несторія) угрожало великими опасностями христіанскому правовѣрію, что оно дѣлало подрывъ въ некоторымъ пунктамъ христіанской догматики, разрушало

(1) Не излишнимъ считаемъ замѣтить здѣсь, что приведенное нами изложеніе сущности ученія Теодора Мопсуетскаго заимствовано нами изъ собственнхъ сочиненій Теодора Мопсуетскаго, изданныхъ въ 1869 году на сирскомъ языкѣ съ переводомъ на латинскій.

(2) Чтобы соображенія наши о вредѣ жгущенія несторіанскаго для благосостоянія гражданскаго не показались ни на чемъ не основанными, заранѣе предказываемъ: 1) на предисловіи императора Феодосія младшаго о сованіи собора, гдѣ ясно и рѣшительно высказывается мысль о существованіи значенія мира церковнаго въ дѣлѣ благосостоянія государственнаго; 2) на тѣхъ полемическихъ волненіяхъ, какими сопровождался по мѣстамъ постановленій о предметахъ догматическихъ особенно послѣ собора Халкидонскаго.

напр. догматъ о Божественномъ достоинствѣ лица Иисусъ Христовъ, догматъ о безгрѣшности нашего Искупителя, могло вести къ различнымъ заблужденіямъ въ ученіи обт. искупительномъ значеніи страданій Иисуса Христа и о вѣтвенности намъ заслугъ Искупителя,—это ясно видно какъ изъ приведенныхъ нами извлеченій изъ сочиненій Феодора Мопсуетскаго, такъ и изъ многихъ другихъ выраженій встречающихся въ сочиненіяхъ его. Съ этой точки зрѣнія понятнымъ становится, почему строгіе ревнителі ученія православнаго изъ современниковъ Несторія придали такое важное значеніе лжеученію Несторіеву и подыали такую сильную и широкую брань противъ выраженной употребленныхъ Несторіемъ и сторонниками его, выраженной повидимому не такъ опасныхъ, какими представлялись они строгимъ ревнителямъ православія. Потому напрасно нѣкоторые изъ новѣйшихъ, современныхъ намъ историковъ, не принимая на себя труда заглянуть въ глубь православно-догматическаго ученія церковнаго и скользя вниманіемъ своимъ только по поверхностныя словъ и выраженій, — напрасно называютъ брань поднятую св. Кирилломъ Александрийскимъ противъ Несторія дѣломъ одного личнаго честолюбія архіепископа Александрийскаго, честолюбія, которое, не имѣя для себя предлоговъ болѣе уважительныхъ, воспользовалось случаемъ открыть иреніе изъ-за одного слова (Мнѣніе англійскаго историка Нила и многихъ другихъ.) Дѣло ближайшимъ образомъ вращалось конечно около одного слова: «Богородица». Несторій и сторонники его повидимому во всѣхъ догматахъ православнаго вѣроученія оказывались правотворцами, не желая принять только не вполне точное, по ихъ мнѣнію, наименованіе Пречистой матери Господа Иисуса «Богородицею». Но ежели примемъ во вниманіе, что сіе великое наименованіе уже издавна было освящено употребленіемъ церковнымъ, а главное сежи приближемъ въ глубину догматическаго вѣроученія, выражавшагося въ семь наименованіи, то мы не только вполне оправдаемъ, но и возвеличимъ и ублажимъ великаго архіепископа Александрийскаго за его присвоившаго дѣло въ честь и славу прелюбословеннаго Матери Божией: защищая принятое и освященное въ православной

церкви наименованіе: «Богородица», св. Кириллъ Александрийскій тѣмъ самымъ ограждалъ неприкосновенность многихъ основныхъ пунктовъ православнаго христіанскаго вѣроученія.

О первомъ началѣ несторіанскихъ волненій мы имѣемъ два нѣсколько развѣрнутія между собою сказанія: одно сказаніе читаемъ у самаго Несторія (въ его письмѣ къ Иоанну епископу Антиохійскому), другое у церковнаго историка Сократа. Самъ Несторій въ письмѣ къ Иоанну Антиохійскому писалъ, что прибывши въ Константинополь (изъ Антиохіи, откуда онъ былъ вызванъ для поставленія въ патриархи Константинопольскіе), онъ Несторій нашелъ здѣсь разногласіе и споръ о томъ, какъ нужно называть родинную Спасителя: одни называли ее Богородицею, другіе челоуѣкородицею; самъ Несторій предлагалъ было посредствующій между тѣмъ и другимъ наименованіемъ терминъ «Христородица.» Такъ писалъ Несторій, имѣя въ виду объяснить возникновеніе преній изъ хода дѣла повидимому не выступающаго изъ теченія обыкновеннаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ желая отклонить въ себя подозрѣніе и обвиненіе въ нововведеніи. Но это сказаніе о началѣ несторіанскихъ волненій нельзя не заподозрить въ нѣкоторой фальшивости. Судя по тѣмъ шумнымъ заявленіямъ противъ нововводителей, какія мы видимъ въ Константинополѣ при самомъ первомъ обнаруженіи тамъ мыслей несторіанскихъ, не вѣроятно, чтобы въ Константинополѣ передъ прибытіемъ туда Несторія существовало такое разногласіе мнѣній о наименованіи Пресвятой Богородицы, какое представляетъ существовавшимъ тамъ Несторій. Наименованіе Пресвятой Дѣвы Богородицею издавна было освящено церковнымъ употребленіемъ и издавна было въ церковномъ употребленіи повсюду: по крайней мѣрѣ свидѣтельства объ употребленіи сего высокаго наименованія мы встрѣчаемъ съ раннихъ поръ въ церкви Александрийской (у Оргена, Александра еп. Александрийскаго, Афанасія Великаго), въ Кесаріи Каппадокійской (у Василія Великаго), въ Кесаріи Палестинской (Евсевія Кесарійскаго) и въ самомъ Константинополѣ (у св. Григорія Богослова) (а). Такое по-

(а) О равномъ употребленіи въ церкви слова: Богородица см. Petavii de incarnatione. Paris 1650 г.

всеобщее распространение и употребление въ отношеніи къ Пресвятой Дѣвѣ наименованія Богородица наводитъ сильное подозрѣніе на свидѣтельство Несторія, будто онъ при своемъ вступленіи въ Константинополь нашелъ тамъ въ разсужденіи сего наименованія разногласіе: болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что такихъ разногласившихъ присочинилъ самъ еретикъ, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ нововведеніи ⁽⁶⁾. Если бы, говоримъ, въ Константинополь въ самомъ дѣлѣ было въ разсужденіи сего предмета разногласіе, то мысли Несторія не встрѣтили бы такой дружной и жаркой оппозиціи со стороны ревнителей православія, каковую въ самомъ дѣлѣ онъ встрѣтилъ на первыхъ порахъ. По вѣдѣ этимъ соображеніямъ намъ представляется наиболѣе достовѣрнымъ сказаніе о началѣ несторіанскихъ пресвій, передаваемое церковнымъ историкомъ Сократомъ. У Сократа читаемъ: «при Несторіѣ былъ пресвятеръ Анастасій, прѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ Антиохіи; Несторіѣ весьма уважалъ его и въ дѣлахъ пользовался его совѣтами. Однажды уча въ церкви, этотъ Анастасій сказалъ: никто не долженъ называть Марію Богородицею, ибо Марія была человекъ, а отъ человека Богу родиться не возможно (7, 32). Такия разсужденія, замѣчаетъ отъ себя Сократъ, устрашили многихъ, какъ клириковъ, такъ и мирянъ; ибо, *всѣ* издревле научены были признавать Христа Богомъ и никакъ не отдѣлять Его по домостроительству какъ человека отъ Божества. Въ церкви произошло смятеніе; Несторіѣ началъ защищать Анастасія; ему не хотѣлось, замѣчаетъ Сократъ, чтобы человекъ, имъ уважаемый, былъ обличенъ въ нечестивомъ ученіи; отчасти для защиты Анастасія, отчасти (и конечно главнымъ образомъ) для распространенія своихъ мыслей Несторіѣ сталъ часто проповѣдывать въ церкви о томъ же предметѣ, варочъ-

(6) Полагаемъ, что этимъ мнѣніемъ своимъ о Несторіѣ какъ нововодителѣ мы не становимся въ противорѣчіе съ изысканіями о раннихъ признакахъ несторіанства передъ симъ изложенными; иное дѣло мысли и выраженія допускаемыя въ частныхъ занятіяхъ и сочиненіяхъ, что мы видѣли у Діодора и Феодора Моисеусекаго, иное открытое изведеніе всего этого въ практику церковную — чего захотѣлъ было Несторіѣ.

то предлагалъ о немъ вопросы и всегда отвергалъ наименованіе Богородицы» (Сокр. ц. и. 7, 32). Какъ раскрывалъ и защищалъ свои мысли Несторіѣ, Сократъ въ своемъ изложеніи не указываетъ; но мы можемъ составить себѣ довольно отчетливое представленіе объ этомъ первоначальномъ распространеніи несторіанскихъ мыслей по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія сохранились до насъ въ посланіяхъ, разсужденіяхъ и словахъ св. Кирилла Александрійскаго. Въ одномъ изъ своихъ посланій св. Кириллъ Александрійскій представляетъ Несторіѣ разсуждающимъ такъ: «они, выражается Несторіѣ, указывая на несогласныхъ съ нимъ, спрашиваютъ, можно ли и должно ли называть Марію Богородицею? Но развѣ Богъ имѣетъ мать? Это значило бы склониться къ язычеству, которое даетъ богамъ матерей; въ такомъ случаѣ и Павелъ оказался бы лжецомъ, ибо онъ, апостолъ ко Христу примѣняя то, что самъ говоритъ о Мелхиседекѣ, что онъ безъ отца, безъ матери, безъ роца (Евр. 7, 3); итѣ, Марія не рождала Бога; созданіе не могло рождать несозданнаго Творца, Марія родила только человека, который былъ *орудіемъ Божества*; Духъ Святой не Слово соиздалъ, но образовалъ для него изъ Маріи Дѣву *храмъ, въ которомъ Слово должно было обитать*. Воплотившійся Богъ не умиралъ, но возбудилъ, воскресилъ того, *въ комъ Онъ обиталъ*; эту оболочку, эту одежду, которою онъ пользовался, я чту изъ почитанія въ Богу, Который былъ ею прикрытъ и съ нею былъ нераздѣлимъ; я раздѣляю естество, но соединяю почитаніе: пойми, что я хочу сказать: тотъ, кто образовался во чревѣ Маріи, не былъ самъ Богъ; но Богъ только воспринялъ его. и поэтому развѣ только ради восприняшаго можетъ быть названъ Богомъ и *воспринятый*. Подъ такъ ипатрарха начали подлаживаять и чины менѣе высоко поставленные; одинъ епископъ, по имени Доросей (Маркіопольскій) осмѣлился открыто сказать въ соборной церкви православныхъ: «запасема тотъ, кто скажетъ, что Святая Дѣва есть Богородица» (Шел. св. Кир. дѣян. всел. соб. т. I. 344).

Понятно, въ чемъ заключался здѣсь сущность дѣла, и въ чемъ должна была заключаться полемика противъ этихъ раз-

суждений со стороны православныхъ. Напрасно Несторій опасаяся, будто пришло слово *Богородица*, православные привнесъ въ свое исповѣданіе элементы языческіе, или будто они не понимали того, что конечное не можетъ давать бытіе безконечному. Слово *Богородица*, повторяемъ, церковнымъ употребленіемъ освящено было и найдено наилучшимъ къ выраженію непостижимой тайны соединенія во Христѣ божескаго и человѣческаго естества, истинности воплощенія Слова, которое отъ Маріи Дѣвы воспріяло человѣческое естество, которое родилось отъ Нея какъ Богочеловѣкъ и какъ Богочеловѣкъ страдало на крестѣ. Понятно также, что все дѣло здѣсь состояло не столько въ выраженіяхъ, сколько въ воззрѣніяхъ на отношенія во Христѣ Божескаго и человѣческаго естества. Собственно говоря разсужденіями Несторія отрицалось таинство воплощенія Сына Божія, и вводилось вмѣсто того ученіе о воспріятіи человѣческаго естества, или о воспріятіи совершеннаго человѣка въ общеніи съ Словомъ (*προσώπου*), признавалось обитаніе Божества во Христѣ (*ενοικησας* по противоположности слову *ἐνασκησινος*). Вмѣсто Богочеловѣка здѣсь является Богоносецъ; Иисусъ Христосъ есть только орудіе, храмъ, въ коемъ обитало Слово; два естества здѣсь является не въ личномъ (*καθ' ἑαυτον*) соединеніи, но только въ нравственномъ общеніи, благоволеніи одного къ достоинствамъ другаго. Св. Кириллъ Александрійскій между прочимъ писалъ о Несторіи: «онъ постоянно избѣгаетъ слова *ἐνωσις*, а употребляетъ только слова *συνεχρησις* отъ *συνεχρησις* соприкасаюсъ.» (Посл. къ Целестину). Со стороны Бога это есть свисхожденіе къ Иисусу по благоволенію, *συνεχρησις* какъ *Χριστι καὶ εὐδοκίας*; съ другой стороны восхожденіе человѣческаго естества во Христѣ къ общенію съ божественнымъ представляется прогрессивнымъ; основаніемъ этого восхожденія представляются добродѣтели и заслуги Иисуса. Съ отрицаніемъ Богочеловѣческаго единства лица Иисусова отрицалось истинное значеніе Его страданій и смерти, съ чѣмъ вмѣстѣ все дѣло искупленія разрушается. Св. Кириллъ въ кругомъ мѣстѣ укоряетъ Несторія, что онъ не говоритъ: Сынъ Божій умеръ и воскресъ, но только человѣкъ Иисусъ

умеръ и возсталъ» (Посл. къ папѣ Целестину). Самъ Несторій въ одной изъ своихъ бесѣдъ (по отрывкамъ у Маріи Меркатора) говоритъ: «можно сказать, умеръ Сынъ Божій въ не собственномъ смыслѣ, но нельзя сказать, что умеръ Богъ. Писаніе когда говоритъ о рожденіи, страданіи, смерти,—не относитъ сего къ Богу, но или ко Христу, или къ Иисусу, Господу и т. п.»

Зловредность, гибельность всѣхъ этихъ разсужденій не могла укрыться отъ людей богатыхъ образованіемъ богословскимъ: зоркое богословское око могло сразу понять, какая бедна разверзается подъ этими, повидимому, не особенно опасными и даже повидимому основательными разсужденіями. Повидимому предлагалась услуга къ разъясненію догмата, повидимому въ самомъ дѣлѣ хотѣли разъяснить и доказать только ту—не требовавшую впрочемъ доказательствъ—истину, что безконечное не можетъ получить начала отъ конечнаго, что человѣческое естество Пресвятыя Дѣвы не могло дать бытія божескому естеству Бога Слова; но на самомъ дѣлѣ здѣсь скрывался злѣйшій рационализмъ, отрицавшій божество Господа нашего Иисуса Христа: Онъ низводился въ рядъ людей обыкновенныхъ, только особенно благочестивыхъ и угодныхъ Богу. Но Всемогущій промыслитель бдитъ непремолчимъ окомъ Своимъ о спасеніи заблужденныхъ Своихъ; Онъ и теперь благоволитъ явить во очію всѣхъ желающихъ внимать путямъ промысла оного изъ множества доказательствъ на то, что врата ада не одолѣютъ святой церкви Его. Мысли несторіанскія, доколѣ онъ таились въ умлѣхъ и подъ спудомъ частныхъ сочиненій Діодора и Теодора Москутскаго, дотолѣ не возбуждали противъ себя никакого противодѣйствія; но какъ только со вступленіемъ Несторія на патриаршій престолъ Константинопольскій заявили было попытку развести вдалѣ и въ широту съ церковной каведры Константинопольской,—противъ нихъ немедленно и дружно возстала сильная оппозиція съ разныхъ сторонъ.

Въ самомъ же Константинополѣ между людьми приближенными къ Несторію или по крайней мѣрѣ бывшими въ доврїи у него нашелся проповѣдникъ, который несмотря на то, что

самъ же Несторій назначилъ ему произносить проповѣдь. — началъ говорить въ своей проповѣди противъ Несторія. Проповѣдь приходилась въ Благовѣщеніе, и Прокль, пресвитеръ Константинопольскій (послѣ еп. Кизическій, потомъ патриархъ Константинопольскій), доказывалъ, что Пресвятую Дѣву должно именовать Богородицею. Самая проповѣдь озаглавлялась: «о вочеловѣченіи Госиода нашего Иисуса Христа, о томъ, что Святая Дѣва Марія есть Богородица, что родившійся отъ Нея есть Еммануиль, Который есть вмѣстѣ Богъ и человѣкъ, вселитно и непреложно». Раскрытіе этой высокой темы св. Прокломъ, какъ направленное противъ начинавшаго обнаруживаться лжеученія, интересно какъ первый памятникъ противодѣйствія Несторію со стороны православныхъ, и потому мы рассмотримъ этотъ памятникъ въсколько подробно.

«Всѣ родъ человѣчскій, разсуждаетъ между прочимъ св. Прокль, грѣхами своими вошелъ въ большіе долги и не находитъ никакихъ способовъ уплатить ихъ; всѣ люди въ Адамъ дали на себя рукописаніе въ грѣхѣ, и диаволь сдѣлалъ насъ своими рабами. Нацѣлало быть одному изъ двухъ: или всѣмъ намъ подвергнуться смерти, на которую мы были осуждены, потому что всѣ согрѣшили, или для искупленія нашего должна быть дана такая цѣна, которую бы все требованіе уплачивалось вполнѣ. Человѣкъ немогъ этого требованія уплатить, потому что онъ самъ черезъ грѣхъ былъ въ этомъ долгу; не могъ искупить человѣческаго рода и ангель, потому что не находилъ столь великой платы. Необходимымъ оставалось, чтобы Богъ не причастный грѣху умеръ за согрѣшившихъ. И вотъ тотъ, кто изъ небытія привелъ къ бытію весь міръ, открылъ вѣрнѣйшій способъ доставить жизнь осужденнымъ: Онъ дѣлается человѣкомъ, рождаеця отъ Дѣвы, образомъ ему самому только извѣстнымъ; потому что умъ не можетъ изъяснить для себя этого чуда. Онъ умираетъ тѣмъ, что въ Немъ есть рожденное и совершаетъ искушеніе силою того, что въ Немъ есть всегда пребывающее; Онъ сдѣлался за насъ жертвою, когда предалъ на смерть свое тѣло, сдѣлался и первосвященникомъ за насъ, когда ходатайствуетъ о насъ къ Отцу. Мы втроемъ, говорилъ между прочимъ св.

Прокль, что Христосъ не чрезъ постепенное восхожденіе къ Божескому естеству сдѣлался Богомъ, но, будучи Богомъ по своему милосердію, сдѣлался человѣкомъ. Не говоримъ: человѣкъ сдѣлался Богомъ, но исповѣдуемъ, что Богъ воплотился. Рабу свою избралъ для себя въ Матеръ тотъ, кто по существу своему не имѣетъ Матери, и кто, являсь по Божественному домостроительству на землѣ, не имѣетъ дѣлъ Отца. Какъ одинъ и тотъ же есть и безъ Отца и безъ Матери. Какъ одинъ и тотъ же есть и безъ Отца и безъ Матери, по слову апостола (Евр. 7, 3.)? Если Онъ только человѣкъ, то Онъ не можетъ быть безъ матери, и дѣйствительно у него есть мать. Если Онъ только Богъ, то Онъ не безъ Отца: въ самомъ дѣлѣ у Него есть Отецъ. Онъ не имѣетъ матери какъ Творецъ—Богъ, не имѣетъ отца, какъ человѣкъ. Еслибы Христосъ былъ кто-либо особый и Богъ Слово особый, то была бы уже не Троица, но четверица. Не раздирай одежды домостроительства спасенія, свше истинной; не раздирай соединенія двухъ естествъ чтобы тебѣ не быть отлучену отъ Бога». — Въ проповѣди своей Прокль не упомянулъ имени ни Несторія, ни сторонниковъ его; но самое построеніе ея показываетъ, кого онъ имѣлъ въ виду.

Святое дерзновение Прокла, не убоявшагося высказать хотя и не прямо обличеніе на лжеученіе патриарха Константинопольскаго, увѣнчалось добрымъ успѣхомъ; ободренные его начинаніемъ, многие заявили свое противодѣйствіе Несторію еще смѣлѣе. Нѣкто Евсевій, адвокатъ Константинопольскій рѣшился перейти Несторію путь по церкви и вслухъ всего народа возгласилъ: «еретикъ надобно заграждать путь. Само вѣчное Слово родилось во второй разъ по плоти отъ жены» (Кир. прот. Нестор. 1, 20). На другой день у дверей храма явилось воззваніе къ епископамъ, пресвитерамъ, диаконамъ, чтецамъ и всѣмъ мірянамъ Костантинопольскимъ, написанное, какъ говорятъ, Евсевіемъ, адвокатомъ Константинопольскимъ. Въ немъ Несторій названъ прямо еретикомъ; выставлено сходство его ученія съ ученіемъ Павла Самосатакаго; ученію того и другаго противопоставленъ символъ Антиохійскій, совершенно согласный съ Никейскимъ; приведены противъ Несторія словъ св. Евстагія Антиохійскаго, присутство-

вашаго на Никейскомъ соборѣ, и такимъ образомъ доказано, что Несторій отступилъ отъ преданія той церкви, въ которой былъ воспитанъ «Именемъ Св. Троицы, гласило между прочимъ это заявленіе, закликаю каждого, кто получитъ эту хартію, заявить ее епископамъ, пресвитерамъ, діаконамъ, чтецамъ и мірянамъ, живущимъ въ Константинополѣ, и еще давать имъ списки съ нею, въ доказательство, что еретикъ Несторій есть единомысленникъ съ Павломъ Самосатскимъ, преданнымъ анаемѣ православными епископами за 160 лѣтъ прежде сего». Ученіе ихъ таково: *Павелъ* говоритъ: Марія не родила Слово. *Несторій* говоритъ: Марія не родила Бога. *Павелъ*: Марія родила человѣка, такого же какъ и мы. *Несторій*: родившійся отъ Дѣвы есть человѣкъ. *Павелъ*: Христосъ по всему лучше насъ, потому что Онъ отъ Духа есть Свята: о Немъ были обѣтованія и, какъ писаніе говоритъ, — благодать была въ Немъ. *Несторій*: Видѣлъ Духа сходяща на голубя, и пребывающа на немъ; этотъ Духъ даровалъ ему вознесеніе: заповѣдавъ Апостоламъ, ихже избра, говоритъ писаніе, Духомъ Святымъ вознесенъ; Онъ-то даровалъ Христу столь великую славу. *Павелъ* говоритъ: происшедшій отъ Давида помазанъ для того, чтобы былъ причастнымъ мудрости, и чтобы въ немъ обитала премудрость въ большей мѣрѣ, нежели въ комъ другомъ; она была и въ пророкахъ, но еще болѣе въ Моисей; была во многихъ святыхъ, но еще болѣе во Христѣ, какъ храмъ Бога; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: ивъ есть Иисусъ Христосъ, и ивъ есть Слово. *Несторій*: Не возможно рожденному прежде всѣхъ вѣковъ еще родиться и родиться по Божеству».

Проведши эту параллель между ученіемъ Несторія и Павла Самосатскаго, Константинопольскій ревнитель православія приводитъ и другіе аргументы противъ ученія Несторія, еще болѣе уважительные для православнаго. «Указываю здѣсь тебѣ, ревнитель св. вѣры, — приводимъ собственныя слова воззванія, — какъ повѣдовала эту часть христіанскаго ученія церковь Антиохійская, отъ которой въ первыя времена распространилось на насъ и имя христіанъ. Она знала не духъ сыновъ Бога, изъ которыхъ тотъ и другой есть особое существо,

но единого Сына, прежде всѣхъ вѣковъ рожденнаго, Бога отъ Бога Отца, единосущна Отцу, при Августѣ кесарѣ родившагося отъ Маріи Дѣвы». Здѣсь невѣстельный ревнитель православія приводитъ слова изъ Антиохійскаго символа вѣры вполне почти тождественно съ членами символа Никейскаго. «Одинаково съ симъ, продолжаетъ онъ далѣе, учить и блаженный Евстаѣій, епископъ той же Антиохіи, одинъ изъ числа 318 епископовъ, бывшихъ на святомъ и великомъ соборѣ. Слова его таковы: «онъ Христосъ не человѣкъ только, но и Богъ, какъ говоритъ пророкъ Варухъ: *сей Богъ нашъ не влѣчущся ина къ нему; изобръте всякъ путь хитрости и даде ю Иакову отроку своему; посемъ на земли явился и съ человеки поживе* (Вар. 3, 36). А не тогда ли Онъ жилъ съ человеками, когда родился отъ Дѣвы, какъ рождаются люди, — также, какъ и они, былъ младенцемъ, возрасталъ, шлъ, злъ, усвоивъ себѣ и всѣ прочія качества человѣческой природы? Поэтому кто осмѣлится говорить, что иной есть Сынъ Единородный, прежде всѣхъ вѣковъ рожденный отъ Отца, и иной есть родившійся отъ Маріи Дѣвы, и не одинъ и тотъ же есть Господь Иисусъ Христосъ, тотъ анаема да будетъ».

Дѣло, возбудившее къ себѣ такой горячій интересъ, не могло не получить, конечно, широкой огласки и въ Константинополѣ. Святой Кириллъ Александрійскій въ одномъ мѣстѣ пишетъ, что «изъ какого бы города, изъ какой бы веси ни приходилъ кто, каждый спрашиваетъ: что это за говоръ всеобщій, что за новое ученіе распространяется по деревнямъ? Къ самому святому Кириллу пришли изъ вѣкоторыхъ скиптовъ египетскихъ монахи и съ изумленіемъ спрашивали: правду ли говорятъ, что нашлись гдѣ-то учителя, которые проповѣдуютъ, что Пресвятую Дѣву нельзя называть Богородицей? (См. посл. Кир. къ папѣ Celestine). Эти-то всюду поднимаемые вопросы и толки о предметѣ столь высокой важности побудили принять участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ и св. Кирилла Александрійскаго».

Первымъ памятнымъ борьбу его съ Несторіемъ по времени и первымъ можно сказать по совершенству въ содержаніи и изложеніи (конечно за исключеніемъ пяти книгъ его противъ

Несторин: но говорить о сихъ книгахъ въ настоящемъ мѣстѣ мы не можемъ, потому что происхожденіе ихъ относится къ времени позднѣйшему, когда дѣло съ Несторіемъ было уже покончено) было посланіе святаго Кирилла къ монахамъ египетскимъ⁽⁴⁾. Ближайшимъ поводомъ къ написанію этого замѣчательнаго въ исторіи православія посланія для св. Кирилла послужило прибытіе къ нему нѣсколькихъ монаховъ изъ скитовъ египетскихъ. Освѣдомившись отъ нихъ о состояніи обителей иноческихъ и выразивъ свою радость о преуспѣніи братіи монашествовающей въ подвигахъ благочестія, св. Кириллъ замѣчаетъ между прочимъ, что съ ревностію о добродѣтели необходимо должна быть соединяема такан же ревность и о здравой и неповрежденной вѣрѣ. Наблюдать за этимъ конечно дѣло его, архіепископа Александрійскаго, а говорить объ этомъ особенно въ настоящее время побуждаютъ св. Кирилла нѣкоторые тревожные слухи, дошедшіе до него, слухи о нововведеніяхъ въ вѣрѣ, возникающихъ по инымъ мѣстамъ. «Слышу, пишеть между прочимъ св. Кириллъ, что и между вами распространяются нѣкоторые вредоносные толки, что и между вами появились нѣкоторые, кои стараются извратить вашу чистую вѣру, появились распространители пагубныхъ ученій, посредствомъ коихъ хотятъ внушить простымъ людемъ, что Святую Дѣву не должно именовать Богородицею. Всего полезнѣе было бы, конечно, продолжать св. Кириллъ, отъ подобныхъ изысканій и разсужденій уклониться вовсе, и не усиливаться проникнуть въ оныя глубочайшія тайны, о коихъ достигше даже глубочайшаго разумнѣишии мужи говорятъ, что видять ихъ (т.-е. тайны оныя) якоже зеркаломъ въ гаданіи; по послѣду уже толки оныя достигли и до васъ, послѣду есть основаніе опасаться, что и между вами найдутся любопытельные, кои будутъ усиливаться раз-

(4) Здѣсь мы находимъ нужнымъ замѣтить, что послѣду св. Кирилла Александрійскаго занималъ можно сказать первенствующее положеніе во всей исторіи борьбы православныхъ съ несторинствомъ, то мы принаемъ необходимымъ изложить ученіе св. Кирилла по отношенію къ главному предмету споровъ сколько возможно полноѣ.

дать ядъ оного лжеученія въ души простыхъ, неизощренныхъ въ вѣрѣ: то я почитаю своимъ долгомъ сообщить вамъ нѣчто объ ономъ предметѣ, не съ тѣмъ намѣреніемъ чтобы возбудить васъ къ прительности, но чтобы сообщить вамъ орудіе, при посредствѣ котораго вы могли бы противодѣйствовать онымъ заразителемъ, такъ что и сами останетесь непреткновенными въ вѣрѣ и поддержите другихъ, кои угрожаемы будутъ соблазнами и паденіемъ». «Удивляюсь, такъ начинаеть св. Кириллъ свое изложеніе наставленій монахамъ, удивляюсь, какъ могли найтись люди, кои сомнѣваются въ томъ, что Святая Дѣва должна быть именуема Богородицею! Если Господь нашъ Исусъ Христосъ есть Богъ, то почему не называть Святую Дѣву родившую Его Богородицею? Эту вѣру предали намъ Божественные ученики (разумѣются святые апостолы), хотя наименованіи оного (т.-е. наименованія Богородицы) и не употребляли». За сими св. Кириллъ приводитъ доказательства въ подтвержденіе своего ученія изъ преданія, именно изъ ученія св. Аеанасія Великаго, который прямо называетъ Пресвятую Дѣву Богородицею; выводитъ то же ученіе изъ опредѣленій Никейскаго собора, который тѣмъ самымъ, что исповѣдалъ Господа Исуса Христа Сыномъ Божіимъ, уже исповѣдалъ и матеръ Его Богородицею. Но оставляя здѣсь почву преданія, св. Кириллъ обращается къ неизбѣжному основанію для защиты своего ученія—къ священному писанію: «Св. писаніе несомнѣнно учитъ, что Исусъ Христосъ Сынъ Божій есть Богъ, единого существа съ Богомъ Отцемъ, что Онъ во Отцѣ и Отецъ въ Немъ; Онъ есть свѣтъ отъ свѣта, Богъ отъ Бога, Онъ одинаковаго со Отцемъ могущества и славы, Онъ есть образъ Уставаи Отчей». Всѣ эти наименованія Сына Божія въ писаніи составляютъ какъ бы первую послѣду въ ходѣ доказательствъ, приводимыхъ св. Кирилломъ въ пользу его ученія; вторая послѣду: «но тоже богодухновенное писаніе учитъ, что Слово Божіе воплотилось, т.-е. соединилось съ плотію, причастною разумной души; ты не станешь конечно спорить, спрашиваетъ какъ бы мимолетомъ св. Кириллъ, что Св. писаніе называетъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ то же самое Слово, которое

родилось отъ Бога Отца (а Deo prodit). Какое изъ этихъ двухъ послылокъ выходитъ слѣдствие, св. Кириллъ не считаетъ нужнымъ даже и объяснять: если родившійся есть Богъ, то и родившая есть Богородица. «Быть можетъ, спрашиваетъ св. Кириллъ, намъ кто-нибудь возразитъ: имя Христосъ не одному только Еммануилу прличествууетъ, а усвоено и людямъ (Пс. 104, 15; 1 Царств. 24, 7; 1 Иоан. 2, 20; Дѣян. 10, 38; Пс. 44, 8); такъ, и люди именуются христами: что же отселъ для наименованія Богоматери? Прежде всего то, что для Богоматери недостаточно наименование Христородницы: ежели люди называются христами, то родившія ихъ могутъ быть называемы христородницами; но никто изъ людей не называется вмѣстѣ и Христомъ и Богомъ. Сынъ же Божій, Иисусъ Христосъ, называется и Христомъ и Богомъ; такъ называется его Апостолъ Павелъ (Евее. 5, 5); а по этому и Пресвятая Дѣва, родившая Его, и называется и есть въ дѣйствительности Богородица: ибо она не обыкновеннаго родила человѣка, какъ раждаютъ прочія матери, но родила Слово Бога Отца вошлотившееся и содѣлавшееся человѣкомъ. Насъ оицъ можетъ быть спросить: ужели Дѣва содѣлалася матерію Божества? Мы уже прежде сказали, отвѣчаетъ св. Кириллъ, что вѣчное и сосуществующее Богу Слово истинно раждается отъ самаго существа Бога Отца: но то же самое Слово въ послѣднія времена вѣка сего вошлотившись, т. е. соединилось съ тѣломъ, одареннымъ душою, по плоти родилось отъ жены. Какъ въ разсужденіи каждаго человѣка утверждаемъ мы, что онъ состоитъ изъ души и тѣла, такъ это же должно сказать и объ Еммануилѣ: раждааясь какъ Богъ, какъ едиородное Слово Отца, изъ сущности Бога Отца, Онъ же Богъ Слово воспріялъ плоть, по подобію нашему родился на свѣтѣ (in Исем ехотит), содѣлался и сыномъ человѣческимъ, по плоти родился отъ Дѣвы». Слѣдствие изъ сего оицъ вытекало тоже: если родившійся Богъ, то и родившая есть Богородица.

Утверждая на основаніи Св. писанія, какъ несомнѣнную истину, то, что Иисусъ Христосъ есть Богъ, святой Кириллъ находитъ нужнымъ столь же пространно завяться не менѣе важнымъ для доказательства занимавашаго его предмета изло-

женіемъ другой истины, что сей Сынъ Божій и Богъ принявъ на Себя истинное человѣческое естество; въ доказательство сей истины св. Кириллъ прежде всего приводитъ и объясняетъ слова апостола Павла объ Иисусѣ Христѣ: *Иже во образѣ Божіи сѣи* и т. д. Кто это, спрашиваетъ св. Кириллъ, будучи во образѣ Божіи, не почитая хищеніемъ быть равнымъ Богу, себя умалилъ, зракъ раба пріялъ? Господь нашъ Иисусъ Христосъ: это Онъ себя умалилъ, тѣмъ, что будучи по естеству Сыномъ Бога Отца, благоволилъ содѣлаться человѣкомъ, пріявъ зракъ раба. Здѣсь св. Кириллъ становится какъ бы лицомъ къ лицу къ принятымъ, какъ у первыхъ предводителей несторіанства, такъ и у самаго Несторія, выраженіямъ, именно гѣмъ, — не достаточно ли будетъ призвать, что уничиженіе Сына Божія состояло только въ томъ, что Онъ обиталъ (inhabitavit) въ чловѣкѣ, котораго родила жена. Но чѣмъ въ такомъ случаѣ отличалось бы, спрашиваетъ св. Кириллъ, исповѣдуемое нами воплощеніе Слова Божія отъ обитанія Христа въ Апостолахъ и всѣхъ вѣрующихъ, — обитанія, о которомъ говоритъ Христосъ: *Кто любитъ меня, слово мое собудетъ и Отецъ мой возлюбитъ его и къ нему придетъ и обитель у него сотворимъ*? О Святомъ Духѣ въ Словѣ Божіемъ такъ же говорится, что Онъ въ насъ обитаетъ: ужели и о немъ скажешь, что и Онъ выполняетъ экономію воплощенія (explevisse oeconomiam incarnationis)? Разяснивъ за сямъ различіе между обитаніемъ Божественныхъ лицъ въ освященномъ чловѣчествѣ и между воплощеніемъ Бога Слова, св. Кириллъ какъ бы совмѣщаетъ сущность своего ученія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «мы не говоримъ, что Божественное естество, Самъ Богъ рожденъ былъ отъ Дѣвы прежде чѣмъ облекъ Себя чловѣческимъ естествомъ; но не отдѣляя взаимно (а se invicem) Слово, которое по естеству отъ Бога, и чловѣческое естество, которое воспринято отъ Святой Дѣвы, неповѣдуемъ единаго Господа и Христа Иисуса; Слово Божіе содѣлывается стѣменемъ Авраама, создавая себя тѣло отъ жены, содѣлывается причастнымъ плоти и крови, такъ что Онъ есть не Богъ только, но по причинѣ соединенія естество— исповѣдуется и какъ чловѣкъ, намъ подобный. Изъ двухъ

естество, Божества и человечества, единъ Еммануилъ, единъ Господь Иисусъ Христосъ, единъ истинный Сынъ Богъ и вмѣстѣ человекъ, не человекъ обоготворенный, подобный тѣмъ, кои благодатию содѣлываются причастниками Божественнаго естества, но истинный Богъ, Который ради нашего спасенія явился въ человеческомъ образѣ, какъ и Павелъ свидѣтельствуеъ сими словами: *Егда, говоритъ, прииде кончина лета, посла Богъ Сына своего рождаемаго отъ жены, бываемаго подъ закономъ, да подзаконныя испутишь, да всыновленіе воспримель.*— Въ дальнѣйшемъ изложеніи разсматриваемаго нами посланія Св. Кирилль изслѣдуетъ на основаніи другихъ мѣстъ Св. писанія все ту же истину, т.-е., что Господь нашъ Иисусъ Христосъ есть истинный Богъ и истинный человекъ и что сдѣловательно Пресвятая Дѣва, родившая Богочеловѣка, есть воистину Богородица.

Къ этому же времени, т.-е. къ самому началу борьбы святаго Кирилля съ Несторіемъ относятся и три обширнѣйшихъ посланія его о вѣрѣ: одно къ императору (Феодосію младшему) и два къ императрицамъ (т.-е. къ сестрѣ императора и сурругѣ его Евдокии см. р. 22. *Vinii concilii ophes*). Такъ какъ и эти посланія имѣли довольно важное значеніе въ дальнѣйшей исторіи самого св. Кирилля, то и мы, все еще продолжая отступление отъ прерванной нами нити повѣствованія, необходимымъ находимъ сообщить хотя краткое свѣдѣніе объ этихъ обширнѣйшихъ посланіяхъ.

Вѣдъ три посланія писаны св. Кирилломъ по святому рвенію предупредить сколько возможно потокъ распространявшагося лжеученія. Несторій занималъ высокое положеніе въ Константинополѣ; ученіе его, по одному вниманію къ его личности, могло увлекать за собою многихъ: поэтому св. Кирилль и рѣшился писать, въ противодѣйствіе этому лжеученію, къ самому императору и императрицамъ, въ надеждѣ, что императорскія лица, какъ только составятъ себѣ надлежащее понятіе о лжеученіи, то предпримутъ, что найдутъ наилучшимъ для прекращенія ала. Съ этою цѣлю—подвигнуть императорскія лица къ противодѣйствію Несторію св. Кирилль и изображаетъ сущность лжеученія Несторія и изла-

гаетъ опроверженіе его съ точки зрѣнія учителя православнаго. Сущность лжеученія Несторіева и по этимъ посланіямъ изображается въ тѣхъ же чертахъ, какъ мы имѣли уже случай излагать оное по источникамъ, указаннымъ выше; не много чѣмъ отличается и опроверженіе на Несторія отъ того, которое представлено св. Кирилломъ въ посланіи къ монахамъ; особенное вниманіе обращаютъ на себя въ сихъ посланіяхъ тѣ мѣста, гдѣ св. Кирилль выводитъ различныя, поистинѣ безотрадныя для человечества послѣдствія въ случаѣ, еслибы ученіе Несторія оказалось и признано было истиннымъ. «Если Богъ Слово не воплощался, пишетъ св. Кирилль, въ такомъ случаѣ Онъ и не страдалъ за насъ и не воскресалъ изъ мертвыхъ; въ такомъ случаѣ вѣра наша тщетна, сила креста, въ которой одной заключается спасеніе и жизнь міра, испраздняется: все сіе мы говоримъ, замѣчаетъ св. Кирилль, слѣдуя словамъ апостола: *предадохъ бо вамъ исперва, еже и прияхъ, яко Христосъ умре грѣхъ нашихъ ради, но не писанель; и если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша* (1 Кор. 15, 3. 14). Въ возникновеніи новаго ученія св. Кирилль указываетъ очевидный признакъ злоухищенной сѣтаны, по слову апостола Іоанна: *всакъ духъ, иже не исповѣдуетъ Иисуса Христа во плоти пришедши, отъ Бога несть, но сей есть духъ антихриста. о которомъ вы слышали. что онъ идетъ и въ мѣрѣ есть уже* (1 Іоан. 4, 2. 3.). Если бы не воплотился Богъ Слово, то и наше человеческое естество не вознеслось бы съ Нимъ и въ Немъ на небеса, и намъ не было бы надежды ожидать Его съ небеса: но мы ожидаемъ Его съ нашимъ человеческимъ естествомъ».

«Создатель всего, пишетъ св. Кирилль, въ концѣ посланія, Богъ Слово по милосердію Своему ради насъ содѣлался человекомъ; *послику дѣти, т.-е. люди приближились плоти и крови, то и Онъ Богъ Слово пріисхрещеніе пріобщиель тѣлѣже, чтобы смертію изградить измудгаго державу смерти и избавить тѣлѣ, которые страхомъ смерти чрезъ все житіе повинны были работѣ.* Такъ учить божественное Писаніе! Но они, говоритъ св. Кирилль,

о новыхъ лжеучителяхъ, не хотѣть слушать ученія Писанія, а хотѣть вводить ученіе свое. Затѣмъ слова повторяются мысли несторіанскія, и снова опровергаются на основанія отчасти уже указанныхъ нами, отчасти другихъ мѣстъ писанія.

Въ посланіяхъ къ императрицамъ, св. Кириллъ, какъ и естественно было ожидать, раскрываетъ опять тѣ же догматы, что и въ посланіяхъ выше помянутыхъ, т.-е. что Господь нашъ Иисусъ Христосъ есть истинный Сынъ Божій и что Онъ принявъ на Себя истинное человеческое естество, и что слѣдовательно Пресвятая Дѣва, какъ послужившая воплощенію Бога Слова, можетъ и должна именоваться Богородицею. Различіе сихъ послѣднихъ посланій отъ посланій св. Кирилла къ монахамъ и къ императору состоитъ въ томъ, что здѣсь св. Кириллъ еще пространнѣе изъясняетъ относящіяся къ его главному предмету мѣста Св. Писанія, и что здѣсь въ изобилии приводятся выдержки изъ сочиненій св. отцевъ, жившихъ прежде св. Кирилла и учившихъ согласно съ излагаемымъ и защищаемымъ отъ св. Кирилла ученіемъ истинно православной Церкви. Есть особенности въ изложеніи доказательствъ и отъ Св. Писанія; высказавъ напримѣръ свои главные основоположенія и изъяснивъ различіе своего ученія отъ нововозникающаго ученія еретиковъ, св. Кириллъ между прочимъ рассуждаетъ: «Если Святая Дѣва не родила воплощающаго Бога, то она родила обыкновеннаго человѣка, который ничѣмъ не превосходитъ насъ; но если такъ, то почему Ему должно поклоняться всякое колѣно и всякъ языкъ долженъ исповѣдаться, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ въ славу Бога Отца? Почему Ему должны поклоняться ангелы и весь сонмъ небесныхъ силъ? Развѣ такъ почитаютъ обыкновеннаго человѣка? Итъ; но мы почитаемъ Емануила, какъ истиннаго Бога. Еслибы Емануилъ былъ только обыкновенный человѣкъ, то какимъ образомъ смерть Его могла быть спасительна для насъ? Мы знаемъ, что смерть Авраама, Исаака, Иакова, Моисея, Самуила и многихъ другихъ святыхъ не принесла ничего спасительнаго (nihil omnino contulit) человечеству; смерть же Христова причесла человечеству

спасеніе: умерши Самъ, Онъ всѣхъ насъ освободилъ отъ узъ смерти: все это потому, что Онъ есть Слово Бога Отца, Богъ по естеству и что тѣло, которое Онъ принесъ въ вою благоуханія Богу Отцу, есть Его собственное тѣло. Итакъ если прошедшій отъ Св. Дѣвы есть истинный Богъ, почему не исповѣдывать родившую Его Богородицею?—Въ подтвержденіе своихъ рассужденій о Богочеловѣческомъ единствѣ лица въ нашемъ Искупителѣ, св. Кириллъ приводитъ извлеченія изъ святаго Аванасія Великаго, епископа Антиоха, Амволия Писопійскаго, Амвона епископа Адрианопольскаго, Іоанна Златоустаго, Северіана епископа, Ваталія, Теофила; выписки изъ сего послѣдняго особенно пространны; святой Кириллъ приводитъ извлеченія изъ Теофиловыхъ толкованій на посланія къ Римлянамъ, къ Коринтянамъ, къ Галатамъ, къ Ефессеямъ, Филиппійцамъ, Колоссянамъ, Евреямъ, Титу, Тимошею, на посланіе Іакова, на оба Петровы, первое Іоанна, посланіе Іуды, на Евангеліе отъ Маттея, Іоанна, Луки. Единственною дѣланю всѣхъ этихъ извлеченій святой Кириллъ поставилъ для себя доказать, что Христосъ есть Богъ, что Онъ есть истинная жизнь и животворящая, что кровію Его мы искуплены и примирены съ Богомъ, что Его смерть есть наше спасеніе, что Онъ есть единый Сынъ Божій и Господь. Съ утвержденіемъ этихъ истинъ необходимо соединена была и та, что Пресвятую Дѣву должно исповѣдать Богородицею. Тѣ же самыя мысли святой Кириллъ излагаетъ и защищаетъ и во второмъ своемъ посланіи къ царицамъ.

Такъ громко возвысилъ свой голосъ и такъ широко разнесъ свое слово св. защитникъ православія въ виду угрожающихъ усилій лжеученія несторіанскаго: что же дѣлаетъ Несторій?

Несторій конечно ни на малое время не могъ оставаться въ невѣдѣній о томъ, что предпринимаетъ противъ него святой Кириллъ. Какъ человѣкъ близкій къ императору, онъ скорѣе всего могъ узнать о посланіяхъ св. Кирилла къ императору и императрицамъ, представить съ своей стороны какое нужно объясненіе по сему предмету и могъ оставаться съ этой стороны по крайней мѣрѣ на некоторое время спо-

ковъ. Не такъ легко и удобно было устранить опасность, угрожавшую Несторію отъ посланія святаго Кирилла къ обществамъ монашествующихъ. Узнавъ, что посланіе св. Кирилла къ монахамъ начало значительно распространяться и въ скитовъ египетскихъ по многимъ городамъ и что даже дошло оно до Константинополи, Несторій пришелъ въ безпокойство и даже въ негодованіе противъ святаго Кирилла. Безъ всякаго сомнѣнія, не безъ вѣдома Несторія произошло то, что сторонники его написали два посланія, одно противъ Кириллова посланія къ монашествующимъ, другое подъ заглавіемъ: «противъ тѣхъ, кои въ ученіи о соединеніи естествъ во Христѣ или уначинають Божество Единороднаго, или обоготворяютъ человечество». (Указаніе на это мы видимъ въ дальнѣйшей перепискѣ между св. Кирилломъ и Несторіемъ.) Св. Кириллъ узналъ обо всемъ этомъ отъ нѣкоторыхъ «достопочтенныхъ», какъ онъ самъ называетъ ихъ и заслуживающихъ довѣрія мужей. Чтобы не остаться въ этомъ дѣлѣ при однихъ недоразумѣніяхъ, св. Кириллъ рѣшается писать къ Несторію посланіе, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе, что между ними начинаютъ возникать недоумѣнія, и желаетъ, чтобы недоумѣніямъ этимъ какъ можно скорѣе положенъ былъ конецъ.

Отъ нѣкоторыхъ достопочтенныхъ и заслуживающихъ довѣрія лицъ, пишетъ Кириллъ, онъ узналъ, что Несторій пребываетъ въ великомъ негодованіи на него, Кирилла, и употребляетъ всѣ средства огорчать его. Когда онъ, Кириллъ, началъ осведомляться о причинахъ этого негодованія на него со стороны Несторія, то оказалось, что причиною этого послужило посланіе Кирилла, писанное имъ къ святымъ монахамъ. Посланіе это отъ монаховъ распространилось въ народѣ, и такъ какъ оно заключало въ себѣ обличеніе и опроверженіе мыслей несторіанскихъ, то естественно, что и не поправилось Несторію. «Я удивляюсь, пишетъ по сему случаю св. Кириллъ, почему твое благочестіе тщательнѣйшимъ образомъ не разсмотрѣло этого дѣла. Смущеніе въ вѣрѣ возникло не отъ посланія, которое было написано мною прежде, но отъ нѣкоторыхъ поученій, сказанныхъ твоимъ благочестіемъ, или кѣмъ дру-

гимъ. Наслушавшись этихъ поученій, новъ говорены были сторонниками Несторія, нѣкоторые дошли до того, что не хотѣтъ исповѣдывать Христа Богомъ, а исповѣдуютъ Его органомъ или орудіемъ Бога, и человѣкомъ отъ Бога посланнымъ и еще что-то нелѣпѣе того (слова самого Кирилла). Какъ же намъ можно было молчать, пишетъ далѣе св. Кириллъ, когда вѣра извращается, когда возникаетъ въ ней столько измѣненій? Предъявить противодѣйствіе противъ возникающаго зла для св. Кирилла было тѣмъ больше побужденій, что слухи о новомъ ученіи проникли даже въ Римъ; изъ Рима наша Целестивъ и съ нимъ боголюбивѣйшіе епископы спрашиваютъ Кирилла о сочиненіяхъ, явившихся тамъ не извѣстно откуда, отъ самого ли Несторія, или отъиному. Этого мало: отъ всѣхъ первѣй восточныхъ стали приходиться недовольные новыми сочиненіями, выражаютъ рожуть на эти сочиненія, — и св. Кириллъ не знаетъ, какъ усколькнуть всѣхъ таковыхъ. Ужели твое благочестіе думаетъ, спрашиваетъ Кириллъ Несторія, что смущеніе, возникшее въ церквахъ отъ этихъ необычныхъ поученій, маловажно? вмѣсто того, чтобы понести меня, совѣтуетъ Кириллъ Несторію, — лучше бы было тебѣ исправить свои слова, дабы прекратить соблазнъ во вселенской церкви. Если слово и вышло изъ устъ я, положимъ, оно распространилось уже въ народѣ, — этому еще можно помочь нерасмотрѣ своихъ словъ. «Повѣрь, заключаетъ св. Кириллъ, что лучшимъ средствомъ въ этомъ случаѣ будетъ сказать соблазнившимся слово, назвать Св. Дѣву Богородицею, дабы мы и всѣ другіе могли въ мирѣ и единодушіи совершать общественное богослуженіе.» Св. Кириллъ зналъ, конечно, что Несторій по своему высокому положенію въ Константинополѣ пользовался великою силою при дворѣ и могъ надѣлать всѣхъ своихъ оскорбленій святому Кириллу, и по всей вѣроятности въ этихъ соображеніяхъ къ концу своего посланія присовокупляетъ, что онъ за вѣру во Христа готовъ терпѣть все: подвергнуться узамъ и самой смерти. Въ этомъ же посланіи своемъ къ Несторію св. Кириллъ, какъ на болѣе подробное изложеніе своей вѣры (а она же есть и обще-церковная), ука-

зывает на сочинение свое о Святой Троице, где есть слово и о воплощении Единородного (а).

Послание Кирилла, замѣтно, раздражило Несторія. Не вступая самъ въ объясненія съ св. Кирилломъ по поводу поднятаго вопроса, Несторій въ посредники сего объясненія избираетъ пресвитера Лампона, котораго и отправляетъ къ святому Кириллу съ краткимъ письмомъ отъ своего лица. Въ этомъ письмѣ Несторій, воспевавъ похвалы христіанской добродѣтели кротости, укоряетъ св. Кирилла, «что тотъ много сдѣлалъ не по братской любви». Но несмотря на это небратолюбие Кирилла Несторій, какъ самъ о себѣ свидѣтельствуеетъ, преодолеваетъ себя и рѣшается писать къ Кириллу приветственное письмо въ духѣ терпѣнія и любви. Впрочемъ весь этотъ духъ терпѣнія и любви только и выразился въ приведенной нами укоризнѣ Кириллу и въ томъ, что Несторій, вооружившись этимъ духомъ терпѣнія и любви, посылаетъ къ Кириллу своего пресвитера. Но какъ видно, тотъ объясненій, въ какія предписано было войти Лампону съ Кирилломъ, былъ не особенно миролюбивъ. Такъ предполагать можно по заключенію самаго же письма Несторіева къ Кириллу. «Опытъ покажетъ, заключаетъ Несторій свое письмо, какой будетъ для насъ плодъ отъ истинности благоговѣйнѣйшаго пресвитера Лампона. Приветствуемъ все съ тобою находящееся братство я и все находящееся со мною.»

Въ чемъ состояло и чѣмъ кончилось объясненіе святаго Кирилла съ пресвитеромъ Несторіевымъ, неизвѣстно; только скорѣе же послѣ этого объясненія, и, вѣроятно отъ отвѣтъ же на посланіе полученное съ Лампономъ, Кириллъ отправляетъ къ Несторію свое второе посланіе, въ которомъ послѣ краткаго упоминанія о кавихъ-то клеветникахъ и возмутителяхъ взаимнаго мира между нимъ и Несторіемъ, снова обращается къ своему главному предмету—учено въры. Упомянувъ кратко о томъ, что было сказано и сдѣлано нимъ, Кирилломъ, прежде, въ настоящемъ своемъ посланіи Кириллъ уже пространно намеренъ разсуждать о занимающемъ его предметѣ. «Обратившись

къ словамъ Святыхъ Отцевъ, пишетъ между прочимъ св. Кириллъ, постараемся принять ихъ за главное руководство, и пишущая самахъ себя: *аще есмь въ вѣрѣ*, наши собственные сужденія будемъ сколько можно вѣрѣе-сообразовать съ ихъ вѣрными и неспорочными масслами». Обращая вниманіе Несторія на члены вѣры о Сынѣ Божіемъ, въ символѣ составленномъ отцами Никейскаго собора, св. Кириллъ останавливается мыслію на выраженіяхъ: *во Единороднаго Сына Божія, воплотившагося отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы и воплощавшася*. Мы не говоримъ, разсуждаетъ святой Кириллъ, ни того, что естество Слова измѣнившись стало плотію, ни того, что Оно преложилось въ дѣлао чловѣка, состоящаго изъ души и тѣла; но говоримъ, что Слово, соединивъ съ Собою въ единствѣ лица тѣло, одушевленное разумною душею, неизреченно и непостижимо для нашего ума стало чловѣкомъ, сдѣлалось сыномъ чловѣческимъ, ни волею одною и благоизволеніемъ, ни воспріятемъ только лица, а говоримъ, что естества, истинно соединенныя между собою, хотя различны, во въ соединеніи обоихъ сихъ естествъ есть одинъ Христосъ и Сынъ. Это мы представляемъ не такъ, что въ семъ соединеніи уничтожилось различіе естествъ, но Божество и чловѣчество, при неизреченномъ и неизяснимомъ соединеніи, пребыли совершенными, являя намъ единаго Господа Иисуса Христа и Сына. Сущій и рожденный отъ Отца прежде вѣковъ, по плоти родился и отъ жены, не такъ, какъ бы Божественное естество Его приняло начало бытія въ святой Дѣвѣ, и не такъ, какъ бы Онъ послѣ рожденія отъ Отца имѣлъ нужду родиться отъ нея, и не такъ, что прежде родился отъ святыя Дѣвы простой чловѣкъ, а послѣ сошелъ на него Богъ Слово; но Слово, соединившись съ плотію въ самой утробѣ, родился по плоти, усвоивъ себѣ плоть, съ которою родился. Таковымъ же мы Его исповѣдуемъ и въ страданіи и въ воскресеніи. Не говоримъ, что Слово Бога по Своему естеству подвергалось ударамъ, потому что Божественное естество, какъ безтѣлесное, не причастно страданію. Но такъ какъ всѣмъ этимъ страданіямъ подверглось Его тѣло, которое есть *Его собственное*, то мы и говоримъ,

(а) То и другое напечатано въ Хр. Чт. 1847 г. Ч. 3.

что Слово страдало за насъ, потому что Безстрастный былъ въ страдающемъ тѣлѣ. Равнымъ образомъ мы разумѣемъ и смерть Его. Такъ какъ *Его тѣло* благодаритю Божіею за всѣхъ вкусило смерть (Евр. 2, 9), то и говоримъ, что Слово за всѣхъ претерпѣло смерть; такъ же когда говоримъ, что воскресло *тѣло* Его, опять къ Нему же относимъ воскресеніе не такъ, какъ бы Онъ подвергнулся смерти по своему Божеству, а такъ, что *Его тѣло* воскресло. Такимъ образомъ мы исповѣдуемъ Христа единымъ и Господомъ не такъ, какъ бы мы поклонялись Словоу и вмѣстѣ съ тѣмъ поклонялись еще какому-то человѣку, но поклоняемся Единому и тому же, потому что не есть что-либо особое отъ Слова тѣло Его, съ которымъ Онъ сидитъ вмѣстѣ со Отцемъ, не два Сына сядятъ вмѣстѣ съ Отцемъ, но одинъ, соединенный съ Своєю плотію. Таково ученіе православной вѣры, повсюду исповѣдуемой; такъ мыслили святые отцы; это находимъ мы въ ихъ писаніяхъ, — они дерзновенно говорили, что Святая Дѣва есть Богородица не потому, что естество Слова или Божество Его началось по бытію отъ святыхъ Дѣвъ, но потому, что отъ нея родилось святое тѣло, имѣющее разумную душу, и Слово, соединившись съ нимъ въostasно, родилось по плоти. Пишу къ тебѣ эти слова, заключающа св. Кириллъ, побуждаемый любовью ко Христу, и какъ брату советую тебѣ и умоляю предъ Богомъ и святыми ангелами Его одинаково съ нами мыслить и учить, дабы сохранился миръ церковный и чтобы союзъ единомыслія и любви пребылъ неразрывнымъ между священниками Божіими. Привѣтствуй братію находящуюся при тебѣ; тебя привѣтствуетъ братія, находящаяся со мною.»

Отъ этого письма Кириллова Несторій пришелъ, какъ видно, еще въ большее раздраженіе, чѣмъ отъ пераго; онъ теперь отвѣчаетъ Кириллу самъ довольно пространнѣе письмомъ, гдѣ, отстаивая свои прежнія мысли и выраженія относительно общенія Божественнаго естества съ человѣческимъ во Христѣ, не преминулъ вставить вѣскольکو вѣдкихъ выраженій насчетъ разсудительности и правоты защитника православія. «Процаю укоризны, такъ начинается Несторій свое письмо къ Кириллу, процаю укоризны, какія противъ меня содержатся

въ моемъ странномъ посланіи»: и далѣе, усматривая съ своей стороны необходимость вступить съ Кирилломъ въ объясненія, считаетъ необходимымъ разобрать мысли, изложенныя Кирилломъ въ его предшествующемъ посланіи къ Несторію. «Начну съ премудрыхъ словъ, выражаемыхъ Несторіемъ, сказанныхъ твоєю любовью, и приведу ихъ въ точности. Какія же именно эти слова, которыми ты въ своемъ письмѣ выказываешь *дивное* ученіе? Обращаясь къ приведеннымъ у св. Кирилла членамъ Никейскаго символа вѣры о Сынѣ Божіемъ, Несторій усматриваетъ, что Кириллъ самъ неправильно понимаетъ ученіе отеческое, что, читая въ какомъ-нибудь спискѣ преданія святыхъ мужей, онъ не созналъ своего недоразумѣнія, подумавъ, что отцы подверженнымъ страданію назвали вѣчно пребывающее со Отцомъ Слово. «Если бы ты, пишетъ Несторій Кириллу, склонилъ свой слухъ къ предлагаемому братски вразумленію, вникнувъ въ слова св. мужей, то я избавилъ бы тебя отъ клеветы на нихъ, и чрезъ нихъ на божественныя писанія». Съ своей точки зрѣнія на разбираемыхъ слова символа Несторій, посредствомъ хитросплетенныхъ предварительныхъ посылокъ, выводитъ, что отцы поставленіемъ напередѣ именъ: Господь Іисусъ Христосъ, Единородный Сынъ—именъ обшихъ обоимъ естествамъ, имѣли въ виду предустраничь, чтобы исповѣданіемъ о вочеловѣченіи, страданіи и воскресеніи не допускалось раздѣленія свойствъ Сына отъ свойствъ Господа, и чтобы не уничтожились свойства двухъ естествъ тѣмъ, что свойственно одному только Сыну. Если изложить проща хитро-сплетенныя выраженія Несторія, то въ разбираемыхъ членахъ символа вѣры онъ усматриваетъ намѣреніе отцевъ выразить различіе ко Христу Божскаго естества и человѣческаго и затѣмъ, человѣческія свойства—рожденіе, страданіе приписать Христу какъ только человѣку. Разглагольствованіе очевидно софистическое; ни св. отцы собора, ни самъ св. Кириллъ не имѣли въ мысли доказывать, что Божество раждалось временнымъ рожденіемъ, страдало, или что подобное; приписывая Сыну Божію свойства и дѣйствія человѣческія, отцы православныя имѣли въ виду вчлостасно соединеніе въ немъ естества. Если эти же мысли хотѣлъ вы-

разить и Несторій, то не было побуждений обличать св. Кирилла въ недоразумѣніи; обличая же св. Кирилла въ неправильномъ пониманіи мыслей святыхъ, отцевъ, Несторій таилъ подъ своими благовидными выраженіями мысли противъ-церковныя, именно: онъ не хотѣлъ признавать вѣчнаго соединенія во Христѣ Божества и челоѣчества; отъ того онъ такъ сильно и возсталъ противъ выраженій, усвоившихъ Божеству воплощеніе, страданіе и воскресеніе. Но темныя мысли и выраженія Несторія въ началѣ посланія къ Кириллу — ясные являются въ его разсужденіяхъ дальѣйшихъ.

Въ Св. Писаніи вездѣ, гдѣ только идетъ рѣчь о Божественномъ домостроительствѣ, разсуждаетъ Несторій, рожденіе и страданія приписываются челоѣческому естеству во Христѣ, а не Божескому, а потому вѣрнѣйшее наименованіе Св. Дѣла должно быть не Богородица, а Христородица. Въ подтвержденіе своихъ мыслей Несторій приводитъ множество изреченій изъ Евангелія, гдѣ говорится о рожденіи Иисуса Христа по плоти, напр. «книга родства Иисуса Христа Сына Давидова, сына Авраамля: Иаковъ же роди Иосифа, мужа Маринна, изъ неяже родися Иисусъ, глаголемый Христосъ» (Мт. 1, 1. 16) и под. Не сказалъ Иисусъ: «се естъ Божество Мое, но тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ» (Лук. 22, 19). Есть много и другихъ словъ въ Писаніи, продолжаетъ Несторій, которыми прямо воздвигается роду челоѣческому, что не Божество явилось во времени и подверглось тѣлеснымъ страданіямъ, во плоть соединяясь съ естествомъ Божественнымъ. Но этому правильно и съ евангельскимъ ученіемъ согласно исповѣдать, что тѣло Христа естъ храмъ Божества Его, храмъ соединенный съ Божествомъ какимъ-то высокимъ Божественнымъ союзомъ, въ которомъ Божественное естество усвоило себѣ то, что свойственно тѣлесному. Но со словомъ *усвоеніе* приписывать ему качества тѣла, каковы рожденіе, страданіе, смерть. — естъ, възлюбленный братъ, неправильная мысль; допуская это *усвоеніе*, будутъ утверждать, что Богъ Слово и молокомъ питался, и постепенно возрасталъ, и причастенъ былъ страху во время страданія, и имѣлъ нужду въ ангельскомъ укрѣпленіи; относить

это къ Божеству ложно, и мы подвергаемся за то осужденію, какъ хулители. Ты очень хорошо дѣлаешь, пишешь далѣе Несторій, что не оставляешь заботливости о соблазнающихся, и благодарю, что ты душевно ревнуешь о Богѣ и заботишься о нашихъ дѣлахъ. Но знай, что и самъ ты введенъ въ заблужденіе нѣкоторыми клириками одинакаго съ тобою образа мыслей, тѣми, которые здѣсь св. соборомъ низвержены за то, что заражены манихейскими мнѣніями. Въ заключеніе всего Несторій приглашаетъ св. Кирилла принять его разсужденія о соединеніи во Христѣ естествъ. Таковъ нашъ отвѣтъ, который мы даемъ тебѣ, какъ братъ брату, заключаетъ Несторій свое посланіе: «аще ли кто мнитися спорливъ быти,» противъ такого восклицаетъ за насъ Павелъ, «мы такового обычая не имамы ниже церкви Божіи» (1 Кор. 11, 16). Въ концѣ посланія прилагаетъ обычныя привѣтствія и благожеланія Кириллу и братіи его.

Изъ этого отвѣтнаго посланія Несторіева, какъ нельзя яснѣе было видно, чего остается ожидать Кириллу. Несторій не только не обнаруживаетъ готовности сознать и исправить свои погрѣшности, а даже еще съ надменіемъ и насмѣшливостію укоряетъ самого Кирилла въ заблужденіи, и самого его приглашаетъ къ исправленію. Св. Кириль по всему этому заключая, что вести дѣло съ самимъ Несторіемъ оказывается безполезнымъ, приходитъ къ мысли обратиться къ содѣйствию стороннему и рѣшается писать о своихъ дѣлахъ къ папѣ римскому Целестину.

Посланіе св. Кирилла къ папѣ Целестину заслуживаетъ особеннаго вниманія въ различныхъ отношеніяхъ. Прежде всего оно открываетъ предъ нами крѣпкое величіе души св. Кирилла, и какъ нельзя яснѣе обличаетъ несправедливость тѣхъ изъ писателей, кои при обзорѣ преній между Кирилломъ и Несторіемъ больше готовы оправдывать послѣдняго, чѣмъ перваго. У св. Кирилла и нынѣ естъ недоброжелатели, кои обвиняютъ его въ неомѣрномъ властолюбіи и кои изъ этого побужденія объясняютъ всю полемичу его съ Несторіемъ: посланіе св. Кирилла къ папѣ Целестину, какъ нельзя сильнѣе разрушаетъ всѣ такія темныя предположенія.

Святый Кирилль въ посланіи къ Целестину высказываетъ глубокое, сердечное сокрушеніе объ обстоятельствеахъ, начавшихъ волновать всю церковь. «До настоящаго времени (т.-е. до получения втораго отвѣтнаго посланія Несторіева) пишеть между прочимъ св. Кирилль, до настоящаго времени я молчалъ и ни къ твоему благочестію, ни другому кому-либо изъ нашихъ сослужителей ничего не писалъ о нынѣшнемъ прavitелѣ церкви Константинопольской, думая, что поспѣшность въ такомъ дѣлѣ заслуживаетъ неодобреніе; но такъ какъ зло достигло уже крайней степени, то я почелъ за непремѣнную обязанность не молчать больше и сказать все о происшедшихъ смутахъ.»

За симъ св. Кирилль описываетъ въ краткихъ словахъ, какъ начались волненія въ Константинопольской церкви, какъ они стали распространяться по другимъ мѣстамъ, что сдѣлалъ онъ (Кирилль) для того, чтобы склонить Несторія къ исправленію, и какъ во всему этому относится Несторій; отъ всего этого народъ Константинопольскій, пишеть между прочимъ св. Кирилль, пребываетъ въ волненіи, не бываетъ при соборныхъ молитвословіяхъ, кромѣ немногихъ, людей легкомысленныхъ и угодниковъ Несторію; монастыри почти все, и ихъ архимандриты и многіе изъ членовъ сената не бывають при богослуженіяхъ, боясь, чтобы не сдѣлалась неправою ихъ вѣра отъ того прерватнаго ученія, которое онъ и его клеветы, пришедшіе съ нимъ изъ Антиохіи, вездѣ разглашаютъ.... Изъ Константинополя бѣсѣды его распространяются повсюду, привнесены и къ намъ, въ Египецъ. «Что же остается теперь дѣлать намъ, когда не можемъ ни вразумить его, ни отклонять отъ такихъ бѣсѣдъ,—когда народъ въ Константинополѣ со дня на день сильнѣе и сильнѣе заражается зловѣріемъ, а нѣкоторые съ томленіемъ въ душѣ ждуть себѣ помощи отъ епископовъ православныхъ?»

Далѣе посланіе св. Кирилла къ Целестину особенно замѣчательно тѣмъ, что оно проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія между древними пастырями восточной церкви и Римскими. Для римско-католическихъ богослововъ и историковъ всякое почтительное обращеніе восточныхъ епископовъ къ

Риму кому служить несрѣменно доказательствомъ подчиненности восточныхъ епископовъ западному: такое же доказательство подчиненности восточной церкви западному властителю Римско-католическіе каноники усматривають и въ обращеніи св. Кирилла Александрійскаго къ папѣ Целестину; но нужно только внимательнѣе разсмотрѣть и весь ходъ обстоятельствъ, и самое содержаніе сего посланія, чтобы видѣть, какъ неосновательны доказательства якобы подчиненія еп. восточныхъ западному папѣ, заимствуемыя изъ посланія св. Кирилла къ Целестину. Изобразивъ папѣ Целестину истинное положеніе церковныхъ дѣлъ въ Константинополѣ и свои отношенія къ этимъ дѣламъ, св. Кирилль пишеть между прочимъ: «признаюсь, я соборною грамотою хотѣлъ довести до его (Несторія) свѣдѣнія, что мы не можемъ входить въ общеніе съ тѣмъ, кто такъ говоритъ и мыслить; но еще прежде чѣмъ рѣшиться на такой разрывъ сношеній, я заблагоуразудилъ напередъ сдѣлать сношеніе съ твоимъ благочестіемъ: благоволи письменно изложить свое мнѣніе о томъ, должно ли намъ еще имѣть общеніе съ нимъ, или прямо объявить, чтобы никто не приходилъ къ общенію съ нимъ, когда онъ остается съ такимъ образомомъ мыслей и съ такимъ ученіемъ». Отношенія очевидно равнаго къ равному: св. Кирилль не хочетъ одинъ дѣлать послѣдній рѣшительный шагъ въ столь важномъ дѣлѣ вовсе не по страху какому передъ епископомъ Рима, и не по какому либо канониче кому правилу, а единственно изъ приличія и братскаго общенія спрашиваетъ братскаго совѣта предстоятеля церкви Римской. Защитника папства можетъ соблазнить то обстоятельство, что св. Кирилль испрашиваетъ у Папы письменное уведомленіе объ этомъ предметѣ епископамъ Македонскимъ и всѣмъ прочимъ пастырямъ восточной церкви, но у самаго же Кирилла читаемъ и прекрасное толкованіе на это представленіе Папѣ со стороны Кирилла: «согласно желанію ихъ (т.-е. епископовъ Македоніи и прочихъ), пишеть между прочимъ св. Кирилль, мы дадимъ имъ опору и оружіе, чтобы стесая имъ всѣмъ единодушно и единомысленно и подвизаться за правую вѣру, противъ которой открылась

брань». Видно, что и себя самого св. Кирилль не отделяет от авторитета Папы: «мы дадимъ имъ опору и оружіе.»

Чтобы сообщить шагъ несомнѣнная давняя для безошибочнаго сужденія о томъ, какъ мыслить и чему учить Несторій, св. Кирилль послалъ Папѣ бсѣды, которыя Несторій говорилъ въ церкви, сдѣлавъ съ нихъ переводъ, «какой можно было сдѣлать въ Александріи.»

Посланіе св. Кирилля къ Целестину возбудило въ епископѣ Римскомъ смѣшанныя чувства печали и утѣшенія. Целестинъ глубоко опечалился тѣмъ, что на престолѣ Константинопольскомъ явился такой злоствый ересеучитель, — но и успокоивается въ этомъ горестномъ случаѣ тѣмъ, что извѣстна и противоположность равносильное противоядіе со стороны ревнителя шавославія, св. Кирилла. «Какъ ученіе Несторіево, пишетъ Целестинъ, — нечисто и для насъ огорчительно, такъ твоё ученіе чисто и для насъ приятно; какъ того мы порицаемъ и осуждаемъ, такъ твоё благочестіе съ любовію въ Господѣ принимаемъ въ свои объятія, зная, что мы одно и то же мыслимъ о Господѣ». Въ разсужденіи того, какъ имъ поступить съ ересеначальникомъ, Целестинъ предлагаетъ еще испытать силу великой христіанской добродѣтели терпѣнія.

Въ то время какъ онъ приближается на край провасти, пишетъ Целестинъ о Несторіѣ, или уже сталъ на то мѣсто пропасти, откуда начинается паденіе, мы, если можемъ, должны отозвать его назадъ; не подавши ему остерегательнаго голоса, мы какъ бы толкаемъ его и ускоряемъ его паденіе. Христосъ Богъ нашъ, о рожденіи Котораго началось изысканіе, показалъ намъ, что Онъ переносилъ труды для спасенія и одной овцы, восхотѣлъ ее вести на раменахъ своихъ, дабы не похитилъ ее волкъ; если Онъ учитъ насъ дѣйствовать такъ для спасенія одной овцы, не хочетъ ли Онъ, чтобы мы еще болѣе труда понесли за спасеніе *пастыря овцъ*, который, забывъ это свое имя и свою обязанность, самъ себя предалъ хищному волку, стараясь погубить свое стадо, которое обязанъ былъ охранять? Если остается еще надежда, что онъ, сознавъ свою вину, исправится, мы хотимъ, чтобы онъ обратился и былъ живъ, и не губилъ бы тѣхъ, коиъ жизнь вѣв-

рева его охраненію. Но если будетъ со стороны его упорство, то должно открыто произнести осужденіе на него: надобно отсѣчь этотъ больной членъ, отъ котораго страдаетъ не онъ одинъ, а поѣдается все тѣло церкви». Вслѣдствіе всѣхъ сихъ соображеній и побужденій Целестинъ находитъ нужнымъ остановиться на такомъ рѣшеніи: св. Кирилль отъ лица своего и отъ лица папы должевъ былъ объявить Несторію, что если онъ въ продолженіе 10 дней, считая со дня объявленія приговора, письменно не объявитъ ученіе свое непрввымъ, не произнесетъ на оное проклятія и не дастъ искреннаго обѣщанія, что будетъ исповѣдовать ту вѣру о рожденіи Христа и Бога нашего, какую содержитъ церковь Римская, Александрійская и вся вселенская церковь, — то онъ будетъ отлученъ, какъ такой больной, который не хотѣлъ принять помощи отъ врачей и который, страдая заразительною болѣзнію, самъ соѣшить разнести свой недугъ по всему тѣлу церкви, на погубель себѣ и всѣмъ порученнымъ ему.

Здѣсь для болѣе послѣдовательнаго изложенія дѣла мы должны коснуться одного еще прежде случившагося обстоятельства, сопрякосновеннаго съ исторіею Несторіанскихъ споровъ. При Атигѣ, предшественникѣ Несторія по каседрѣ Константинопольской, были изложены съ своихъ престоловъ по обвиненію въ Нелогіанствѣ, въкоторые въ западныхъ епископовъ, какъ-то: Юліанъ, Флоръ, Оронть и Фабій. Эти 4 западныхъ епископа, бывъ лишены своихъ епархій, перешли въ Константинополь и здѣсь искали себѣ оправданія у Императора и Несторія; это обстоятельство подало Несторію ближайшій поводъ войти въ объясненія съ папою; дѣло было прежде, чѣмъ Кирилль успѣлъ объявить Несторію составившееся у него съ Целестиномъ согласіе касательно суда надъ Несторіемъ. Пользуясь жалобами отставленных на западъ епископовъ какъ поводомъ, Несторій шлетъ къ Целестину посланіе, въ которомъ, какъ лице не причастное къ судебному дѣлу, желаетъ знать, за что означенные епископы лишены своихъ епархій? Правда ли, что они еретики, и если они объявлены еретиками, то въ чемъ состоитъ ихъ ересь? «Если епископы эти, пишетъ Несторій, еретики, то жалѣю о нихъ

было бы преступлением, но если их обвинить ложно, то и не жалеть о них было бы жестоко и не человеколюбиво» Выказав этот повод в послании, Несторій как бы мимоходом начинает объяснять Целестину, что некоторые произвели не маловажную порчу въ православіи, говоря о соединеніи Господа съ человекомъ, безотчетливо допускаютъ какое-то сораствореніе и смѣшеніе, такъ что некоторые изъ его клириковъ, заразившись недугомъ еретическихъ мнѣній, открыто богохульствуютъ, говоря, что Богъ Слово, единственный Отцу, получивъ начало отъ Христородицы Дѣвы, какъ бы отъ нея принявъ бытіе; они говорятъ, что послѣ того какъ воспроизведенъ былъ Его храмъ, Онъ былъ погребенъ вмѣстѣ съ плотію, по воскресеніи же сорастворился съ тою же плотію, и потому перешелъ въ Божественное естество; скажу короче, пишетъ Несторій, они учатъ, что и Божество Единороднаго началось вмѣстѣ съ плотію, и вмѣстѣ съ плотію умирало; они и Дѣву Христородицу съ какою-то дерзостію называютъ Богородицею. За сими Несторій распространяется въ опроверженіи сихъ учителей, излагаетъ и доказываетъ ученіе свое. Намъ нѣтъ нужды теперь опять останавливаться на изложеніи мыслей Несторіевыхъ: мысли эти опять все тѣ же, какия мы видѣли изъ писемъ Несторія къ Кириллу; одно только замѣтимъ здѣсь, что Несторій, оправдывая себя, весьма не добросовѣстно излагаетъ опровергаемое имъ ученіе Святаго Кирилла; св. Кириллъ, какъ опять мы видѣли по посланіямъ его, вовсе не проповѣдывалъ глѣхъ мыслей, какия приписываютъ ему и опровергаютъ въ своемъ посланіи къ Папѣ Несторій. Не дожидавшись въ скоромъ времени отвѣта отъ Папы и какъ видно тревожимый неизвестностію дѣла, Несторій велѣлъ за разсмотрѣнными нами посланіемъ посылается къ папѣ другое посланіе о томъ же предметѣ, съ тѣми же объясненіями, опроверженіями воображаемыхъ имъ самими лжеучителей и оправданіями себя.

Но вотъ наконецъ Несторій дождался отвѣта отъ папы. Грозно величественный отвѣтъ! Начало этого отвѣта видно, потому не предвѣщало ничего утѣшительнаго: Целестинъ начинаетъ рѣчь свою пріятыми воспоминаніями о мирномъ и Бо-

гоудноиъ правленіи предшественниковъ Несторіевыхъ на кафедрѣ Константинопольской Аттика и Сисинія. Эти предшественники Нестораіи ушли вѣрнѣ такъ, какъ привяли ее отъ предковъ и отъ того Богъ благословлялъ миромъ правленіе ихъ. Не мало радости пришлось ощутить Целестину и отъ первыхъ слуховъ о томъ, что преемникомъ Сисинію избранъ былъ Несторій; всѣ принимавшіе участіе въ избраніи Несторія столько говорили въ одобреніе его, слава о его жизни была такова, что достоинствамъ его завидовали посторонніи героты: но теперь, уви, обетовательства показываютъ, что всѣ прежніи похвалы Несторію со стороны избравшихъ его и всѣ радости о немъ Целестиновы были напрасны. Прекрасное начало, какое сдѣлалъ Несторій, съгнется худымъ концомъ. Приступая ближе къ дѣлу, Целестинъ объявляетъ Несторію, что онъ получилъ отъ Кирилла свидѣніе о его Несторіевомъ ученіи, получилъ и самыя бѣсѣды Несторіевы и находитъ, что въ нихъ содержится явно вѣщественное ученіе. Можетъ быть (по общему свойству жителей и притчей запада) папа Целестинъ не ушелъ, а можетъ быть (такъ какъ спорное ученіе съ той и другой стороны уже достаточно было изложено и разъяснено) не хотѣлъ, только онъ не входилъ въ подробный разборъ и опроверженіе ученія Несторіева: все, и надобно сказать, довольно обширное, посланіе Целестина къ Несторію наполнено только обличеніями еретичу, извѣнчившимъ скорби объ угрожающей ему гибели и припадкншіи въ исправленію. Что особенно замѣчательно въ этомъ посланіи, такъ это удачно меткая характеристика пріемовъ и разсужденій Несторіевыхъ: «когда мы въ твоихъ сочиненіяхъ и цемъ слѣдуемъ за тобой, пишетъ Целестинъ Несторію, ты старешься вернуться отъ насъ какии-то многословіемъ, темнотой его прикрывая ясность истины; ты много разширяешься въ своихъ бѣсѣдахъ, идешь по многочисленнымъ изворотамъ: по послѣдствію разными дорогами приходишь къ своей вѣщественной цѣли» Изъ этого же посланія папы Целестина къ Несторію мы усматриваемъ однозамѣчательное свидѣтельство объ отношеніяхъ Несторія къ не соглашавшимся съ его ученіемъ: Несторій всѣхъ несогласныхъ къ себѣ подвергалъ преслѣдо-

ваніямъ, отлученію отъ церкви. «Слышимъ, пишетъ между прочимъ Целестинъ, что клирики, мыслящіе согласно со вселенскою вѣрою, съ которыми и мы единомысленны, терпятъ большія притѣвленія, такъ что они не выскокаются, говорятъ, и въ городъ; радуемся, что они получили награду за подвигъ исповѣданія, но скорбимъ, что гонитель ихъ епископъ. Блаженный Павелъ изъ гонителя перемѣнился въ проповѣдника, а нынѣ перемѣняется проповѣдникъ въ гонителя: какое нечестіе! Приглашая за симъ Несторіа къ исправленію его нечестія, Целестинъ объявляетъ ему, что полнымъ свидѣтельствомъ его исправленія въ вѣрѣ должно служить возвращеніе къ церкви всѣхъ тѣхъ, которые отлучены были отъ нея Несторіемъ за Христа, главу церкви. «Если съ ними не будетъ того, что мы говоримъ, пишетъ далѣе Целестинъ, то отлученъ долженъ быть тотъ, кто ихъ отлучилъ, потому что всѣ такіе пребываютъ въ совершенномъ общеніи съ нами; къ клиру же Константинопольской церкви, угрожаетъ здѣсь же Целестинъ, и ко всѣмъ носящимъ имя христіанъ мы поплемъ грамоты, какихъ требуетъ дѣло, чтобы всѣ знали, что ты, ежели останешься въ своемъ превратномъ ученіи и не послѣдуешь тому, что проповѣдуетъ заодно съ нами братъ Кирилль, — то будешь удаленъ отъ епископскаго престола и лишень всякаго общенія съ вѣрными. И въ этомъ посланіи къ Несторію, какъ въ прежнемъ посланіи Целестина къ Кириллу, для извѣщенія раскаянія Несторію назначается 10-дневный срокъ. Богъ да сохранитъ тебя, возлюбленнѣйшій братъ, заключилъ посланіе свое папа Целестинъ.

Вскорѣ же послѣ посланія къ Несторію папа Целестинъ отправилъ обширное посланіе къ клиру и народу Константинопольскому, и менѣе обширныя къ Ювеналію, еп. Іерусалимскому, Руфу Сессалонійскому, Флавіану Фидиппійскому и Іоанну еп. Антиохійскому; во всѣхъ этихъ посланіяхъ папа отчасти убѣждаетъ вѣрныхъ сыновъ церкви беречься отъ соучастія съ еретикомъ Несторіемъ, если онъ не откажется отъ своего лжеудованія; отчасти сообщаетъ къ свѣдѣнію о тѣхъ распоряженіяхъ относительно Несторія, какия сдѣлалъ папа во соглашеніи съ Кирилломъ Александрійскимъ.

Кирилль Александрійскій съ своей стороны писалъ къ Іоанну еп. Антиохійскому, Акакію Берійскому и Ювеналію Іерусалимскому; содержаніе всѣхъ сихъ посланій почти одно и то же; Кирилль увѣдомляетъ поименованныхъ епископовъ о волненіяхъ въ церкви Константинопольской, извѣщаетъ свои первыя попытки къ умиротворенію этой церкви, сообщаетъ объ отвѣтѣ Несторія на эти миротворныя попытки, — о томъ, какъ судить обо всемъ этомъ папа съ епископами запада. Цѣлю всѣхъ этихъ сообщеній св. Кирилль составляетъ возбудить въ помянутыхъ служителяхъ церкви Божіей ревность къ святому дѣлу, для того, чтобы всѣмъ имъ, при единодушій и ревностномъ усердіи, преобладавъ своимъ поансомъ любви ко Христу, спасти людей, подвергшихся опасности, и не дать померкнуть въ церкви свѣту истины. «Всѣ мы, пишетъ св. Кирилль въ одномъ изъ этихъ посланій, въ единомыслии между собою, опредѣляемъ для себя планъ, будемъ писать къ нему (Несторію) и народу. Если мы будемъ имѣть успѣхъ и возвратимъ его отъ настоящаго образа его мыслей къ истинѣ, то мы приобрѣли брата и спасли пастыря. А если наше намяженіе останется безуспѣшнымъ, то онъ самъ будетъ вывонникомъ своей судьбы и самъ по своей винѣ вкуситъ плодъ дѣлъ своихъ». «Надобно памъ, пишетъ Кирилль въ посланіи къ Ювеналію, еп. Іерусалимскому, несправедно писать къ Христолюбивому и благочестивѣйшему императору и ко всѣмъ государственнымъ сановникамъ и совѣтовать имъ, чтобы они человѣка не ставили выше благочестивой вѣры во Христа, но утвердили въ истинной вѣрѣ вселенную и избавили сладо Христово отъ злаго пастыря, въ томъ случаѣ, когда онъ не приметъ отъ всѣхъ насъ вразумленій». Акакію Берійскій и Ювеналій Іерусалимскій съ перваго же разу выразили рѣшительное негодованіе противъ Несторія и просили Кирилла принять на себя дѣло учителя, чтобы ослабить Несторіево ученіе въ тѣхъ, которые его услышали и имъ отторгнуты отъ вѣры. «Теперь, когда волнуется это мысленное море, шлешь Акакію Берійскій въ отвѣтъ Кириллу, скажи ему (Несторію) слова Господа и грозно скажи ему: умолкни, утихнѣ». Иначе отнесся къ этому дѣлу Іоаннъ Антиохійскій: соглашаясь съ помянуты-

ми епископами предоставить Кириллу руководство въ открытой брани съ несторіанством, и даже присоединивъ къ просьбѣ Акакія и Ювеналия и свою просьбу объ этомъ Кириллу, Іоаннъ не излишнимъ почелъ обратиться съ своими дружескимъ участіемъ и къ противной сторонѣ, т. е. къ Несторію, прося и его съ его стороны о нужныхъ уступкахъ для устройства общаго мира. Послания Іоанна Антиохійскаго къ Несторію, писанное имъ еще прежде открытія собора Ефесскаго, весьма замѣчательно. Оно проникнуто такимъ благороднымъ тономъ, такимъ глубокимъ пониманіемъ дѣла и такимъ некренимъ, нешритворнымъ миролюбіемъ, что по всѣмъ этимъ свойствамъ составляетъ едва не самой первой важности (конечно послѣ догматическаго посланія св. Кирилла Александрійскаго) произведение изъ всего, что относилось до исторіи Несторіанскихъ споровъ.

«Владыкъ моему, начинаетъ Іоаннъ, боголюбивѣйшему и преподобнѣйшему епископу Несторію Іоаннъ о Господѣ жаждаетъ всякаго блага». Упомянувъ ислѣзъ этого прѣдствія о какихъ-то личныхъ переговорахъ своихъ по дѣлу Несторію съ снательнѣйшимъ Комитомъ Иринеямъ, и уверивъ Несторію въ политншей своей любви и преданности ему, Іоаннъ между прочимъ писалъ: «въ томъ, что буду совѣтовать тебѣ, можно видѣть и ручательство за нашу искренность въ отношеніи къ тебѣ и не малую въ насъ заботливость руководиться любовью по Богѣ: прими меня за добраго совѣтника, не отвергай полезнаго въ томъ, что буду говорить тебѣ, не отвергай того, что будетъ сказано по любви къ тебѣ и къ Богу. Что же Іоаннъ хочетъ совѣтовать Несторію? Онъ совѣтуетъ Несторію «подчиниться общему, повсюдному требованію православныхъ епископовъ, принять исповѣдуемое повсюду ученіе о соединеніи Божественнаго и человѣческаго естества въ Иисусѣ Христѣ, принять самыя выраженія этого ученія по положенію Кирилла и не отвергать всѣми употребляемаго и защищаемаго слова: Богородица. Въ ученіи о спасеніи насъ Христомъ, Царемъ всего міра, всего лучше употреблять слово, употребляемое многими отцами, соответствующее истиннъ спасительнаго рожденію

вія Его отъ Дѣвы... Если твои умъ мыслить такъ же, какъ отцы и учителя церкви (а это мы знаемъ о тебѣ, владыка, чрезъ посредство многихъ общихъ намъ друзей), то для чего же тяготишься открыто сказать благочестивую мысль словомъ, соответствующимъ этой мысли, и притомъ въ такое время, когда началось такое безновойство отъ твоихъ толкованій вѣры? Безъ сомнѣнія, тебѣ извѣстно, боголюбивѣйшій, что вездѣ и въ далекихъ отъ насъ и близкихъ къ намъ мѣстахъ все пришло въ движеніе, вездѣ слышншь говоръ объ одномъ и томъ же; какая-то сильная буря вдругъ застигла церковь, вездѣ вѣрующіе со дня на день отдѣляются одинъ отъ другихъ влѣдствіе этого толка. Что это точно такъ, видно изъ настоящихъ дѣлъ: Западъ, Египетъ, даже Македонія рѣшительнво отдѣлились отъ единенія, какое благодать Божія даровала церквямъ многимъ потомъ и трудами святыхъ и славныхъ епископовъ». Убѣждая Несторію принять опороченное имъ слово: «Богородица», Іоаннъ приводитъ Несторію на память какой-то имъ общимъ извѣстный помѣръ изъ недавней практики церкви Антиохійской. Епископъ Павелъ въ одномъ изъ своихъ толкованій сказалъ какія-то слова, которыя не были одобрены и самимъ Несторіемъ и всѣми, кто ихъ слышалъ; поднялась тревога; оцасанъ, что эта тревога можетъ произвести раздѣленіе, благоразумный епископъ, по прошествіи немногихъ дней, явился къ народу, и, вкратцѣ и съ стыдливости, исправилъ пренія слова свои, ко блугу церковному. Такъ же поступить совѣтуетъ Іоаннъ и Несторію. Отважиться на такой рѣшительный шагъ для Несторію должно быть тѣмъ менше стѣснительно, что онъ, какъ свидѣтельствовавъ за него Іоаннъ, не ошибался по образу мыслей «Я знаю, пишешь между прочимъ Іоаннъ, что тобою часто и многимъ говорено было, что ты не самый смелый благочестиваго вѣрованія устранишь, а не обличаешь только выраженія его; убѣждаю же тебя сказать то самое, и, чемъ ты не ошибаешься по образу мыслей, ты только употребилъ слово и имя, которое составлено многими отцами, употребляемо было ими и усно и въ книгахъ; отъ этого имени не отъказывался ни одинъ изъ церковныхъ учителей: тѣхъ, которые

употребляли его, было много, и притомъ знаменитыхъ, а не употреблявшие не осуждали употреблявшихъ. Прошу же тебя, прими отъ насъ этотъ совѣтъ, сдѣлай то, къ чему тебя убѣждаемъ, не давай повода новому мѣшью внести въ церковь несогласіе и раздѣленіе. Я писалъ къ тебѣ это посланіе въ присутствіи многихъ благочестивѣйшихъ епископовъ, благонастроенныхъ къ твоему благочестію; эи епископы. Архелай, Аирингій, Осодоритъ, Иліадъ, Мелетій и Макарій. Всѣ они, твердо держась ученія церкви и согрѣтые, какъ и я, любовію къ тебѣ, просятъ тебя, владыко, чтобы ты показалъ покорность; выкинувъ въ содержаніе тѣхъ писемъ, которыхъ сила грозныя бури: она не возмутитъ, не встревожитъ, если будемъ уступчивы; но она визриветъ, если станемъ противиться ей. Прими благодушно этотъ совѣтъ и не смотри на то, если кто-нибудь изъ недоброжелательствующихъ къ намъ станетъ внушать тебѣ пренебречь этимъ дѣломъ ко вреду себя и всей церкви.»

Но между тѣмъ какъ Іоаннъ Антиохійскій, движимый глубокими чувствами дружеской привязанности къ Несторію, все еще шиталъ надежду склонить друга своего на путь мира, Кириллъ Александрійскій, уже давно дѣлавшій подобныя кропки предложенія своему сослуживелю и столь же давно убѣдившійся въ томъ, что вѣры кротости, любви и убѣжденія на Несторіи не дѣйствуютъ, къ тому же возбужденный и уполномоченный теперь отъ братій и сослуживателей своихъ восточныхъ и западныхъ, загремѣлъ наконецъ на Несторіи послѣднимъ грознымъ посланіемъ, которое заключено было его приснопамятными анаеematизмами. Въ этомъ посланіемъ, грозномъ и пространнѣйшемъ посланіи Кирилловомъ дванадцати анаеematизмъ противъ Несторіи предшествуютъ 11 пунктовъ предварительныхъ разсужденій, составлявшихъ какъ бы первая послылки, изъ коихъ анаеematизмы свои св. Кириллъ предлагаетъ Несторію отъ лица своего и отъ лица собора, собравшагося въ Александріи изъ египетскаго округа.

Въ началѣ посланія св. Кириллъ изображаетъ различныя побужденія, въ силу которыхъ онъ рѣшается на этотъ по-

слѣдній грозный шагъ: заповѣдь Христова запрещаетъ любить кого бы то ни было больше, чѣмъ Христа (Мате. 10, 37); совмѣстить любовь ко Христу съ любовію къ Несторію не возможно, потому что Несторій изрыгаетъ на Христа злохуленія. Еслибы Несторій своими зловредными мыслями и ученіемъ вредилъ только себѣ самому, то православнымъ епископамъ было бы меньше и скорби и заботы; но Несторій соблазнилъ церковь, распространилъ въ народѣ закуску необычайной и чуждой ереси, и книги его толкованія разнесены не только въ Константинополь, но и повсюду. Какая же причина, спрашиваетъ Кириллъ, достаточно будетъ къ нашему молчанію? Въ силу такихъ-то побужденій, Кириллъ съ соборомъ своимъ, и съ соборомъ Римскимъ, бывшимъ подъ предѣлательствомъ Целестина, уже третій разъ посланіемъ обращается къ Несторію и совѣтуетъ «оставить отъ его ложаго, превратнаго ученія, а выѣсто его избрать правую вѣру, въ началѣ преданную церквямъ святыми апостолами и евангелистами, которые были самовидцами и служителями Слова. Еслии Несторій рѣшится исповѣдать православіе свое: то онъ не долженъ ограничиваться только тѣмъ, что исповѣдуетъ Символь вѣры, составленный въ Никее; одного этого исповѣданія не достаточно, потому что Несторій понимаемъ и объясняетъ Никейскій символъ неправильно и даже превратно, хотя на словахъ исповѣдуетъ такъ, какъ онъ изложенъ. Несторій долженъ письменно и съ клятвою исповѣдать, что онъ проклинаетъ свое нечестивое и гнусное ученіе, что онъ будетъ мудрствовать и учить такъ, какъ мудрствуютъ всѣ западныя и восточныя епископы, учителя и вожди народовъ. Если Несторій не сдѣлаетъ сего къ сроку, названному въ посланіи пашы Целестина, то онъ не будетъ имѣть никакого общенія съ вѣрными, ни мѣста или счета между священниками Божиими и епископами (т.-е. подвергнется изверженію изъ сана и отлученію отъ церкви). За симиъ слѣдуетъ подробное и пространное изложеніе вѣры, исповѣданіе которой можетъ служить несомнѣннымъ свидѣтельствомъ православія. Приведши Никеоцареградскій Символь вѣры, св. Кириллъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на чле

нахъ о Сыиъ Божіемъ и между прочимъ пишетъ: «слѣдуя во всемъ исповѣданно святыхъ отцовъ и шествуя какъ бы царскимъ путемъ, мы говоримъ: само единосущное Слово Божіе, рожденное изъ самой сущности Отца, ради нашего спасенія сошедшее съ неба, и уничижившееся, воплотилось и воцѣловѣлось, т. е. принявъ плоть отъ св. Дѣвы и усвоивъ себѣ отъ самаго зачатія, претерпѣло наше рожденіе и произошло отъ жены человѣкомъ, не теряя того, чѣмъ было, но и по воспріятіи плоти и крови пребывая тѣмъ же, чѣмъ было, т. е. Богомъ по естеству и по истинѣ; но мы не говоримъ ни того, будто плоть превратилась въ естество Божественное, ни того, будто неизреченное естество Бога Слова измѣнилось въ естество плоти; ибо Оно не подлежитъ измѣненію и превращенію, но по писаніямъ всегда пребываетъ совершенно то же (Евр. 13, 8). Ставъ же видимо и бывъ еще младенцемъ въ пеленахъ, Оно, какъ Богъ, и въ вѣдрахъ родившей Дѣвы наполняло всю тварь и возсѣдало съ Родившею Его.»

Въ дальѣйшихъ пунктахъ сего посланія предлагается подробно изложеніе и разъясненіе догмата объ отношеніи Божескаго и человѣческаго естества въ Исусѣ Христѣ въ томъ же видѣ, какъ мы нѣтъ уже возможность читать по прежнимъ посланіямъ Кирилла. Выводомъ изъ всѣхъ этихъ разсужденій и разъясненій и вмѣстѣ краткимъ выраженіемъ всей сущности содержанія этихъ разсужденій были столь значительны въ исторіи и-сторіанства анасематизма Кирилловы, — слѣдуя:

1. «Кто не исповѣдуетъ Еммануила истиннымъ Богомъ и поемому Св. Дѣву Богородицею, такъ какъ она по плоти родила Слово, сущее отъ Бога, ставшее плотию, — да будетъ анасема. 2. Кто не исповѣдуетъ, что Слово, сущее отъ Бога Отца, соединилось съ плотію чюстасно и что поемому Христосъ единъ съ своимъ плотию, т. е. одявъ и тотъ же съ Богъ и вмѣстѣ чюстасъ, — анасема. 3. Кто во единомъ Христѣ, послѣ соединенія естества, раздѣляетъ лица, соединя ихъ только союзомъ достоинства, т. е. въ вѣтѣ, или въ силѣ, а не союзомъ, — различенъ въ единеніи естества, — анасема.

4. Кто изреченія евангельскихъ и апостольскихъ книгъ, Упо-требляемыя святыми ли о Христѣ или Имъ Самимъ о себѣ, относить раздѣльно къ двумъ лицамъ (чюстасамъ) и одинъ изъ нихъ прилагаетъ къ чюстасу, котораго представляетъ отличнымъ отъ Слова Божія, а другія какъ Богочюстасныя къ одному только слову Бога Отца, — анасема. 5. Кто дерзаетъ называть Христа чюстасомъ Богоноснымъ, а не Богомъ истиннымъ, какъ Сына единаго со Отцемъ по естеству, такъ какъ Слово стало плотію и приблизилось къ намъ, воспріавъ нашу плоть и кровь (Евр. 2, 14), — анасема. 6. Кто дерзаетъ говорить, что Слово Бога Отца есть Богъ или Влаица Христа, а не исповѣдуетъ Его же самаго Богомъ и вмѣстѣ чюстасомъ, такъ какъ по писаніямъ (Іоан. 1, 14.) Слово стало плотію, — анасема. 7. Кто говоритъ, что Исусъ какъ чюстасъ былъ орудіемъ дѣйствій Бога Слова и окруженъ славою Блгороднаго, какъ существующій отдѣльно отъ Него, — анасема. 8. Кто дерзаетъ говорить, что воспріятію Богомъ чюстасу должно поклониться съ Богомъ словомъ, должно Его прославлять вмѣстѣ съ Нимъ, и вмѣстѣ называть Богомъ, какъ одного въ другомъ, а не чтить Еммануила единымъ поклоненіемъ и не возсѣдатель Ему единому славоеловію, такъ какъ Слово стало плотію, — анасема. 9. Кто говоритъ, что единый Господь Исусъ Христосъ прославляется Духомъ въ томъ смыслѣ, что пользовался чрезъ Него какъ бы чудною силою и отъ Него получалъ силу побѣждать нечестыхъ чюстасовъ и совершать въ людяхъ Божественныя знаменія, а не почитаетъ Его собственнымъ Его Духомъ, чрезъ котораго Онъ совершалъ чюстасъ, — анасема. 10. Кто говоритъ, что первосвященникомъ и ходатаемъ нашимъ былъ не самъ Богъ Слово, когда сталъ плотію и подобнымъ намъ чюстасомъ, а какъ бы другой кто, отличный отъ Него, чюстасъ прюкшедшій отъ жены, или кто говоритъ, что Онъ принялъ Себя въ приношеніе и за самаго Себя, а не за насъ только однихъ, такъ какъ не знаа грѣха, Онъ не имѣлъ чюстасъ въ приношеніи за себя, — анасема. 11. Кто не исповѣдуетъ плоть Господа животворящую и собственно принадлежачую Самому слову Бога Отца, но принадлежачую какъ бы другому кому, отличному отъ Него и сое-

диненному съ нимъ по достоинству, т.-е. приобрѣтшему только Божественное въ себѣ обитаніе, и не исповѣдуетъ плоть Его животворящую, такъ какъ она стала собственной Словоу, могущему все животворить, — анаема. 12. Кто не исповѣдуетъ Бога Слово пострадавшимъ плотію, распятымъ плотію, принявшимъ смерть плотію и наконецъ ставшимъ первороднымъ изъ мертвыхъ, такъ какъ Онъ есть жизнь и животворящій, какъ Богъ, — анаема».

Эти-то анаематизмы Несторій долженъ былъ подписать, если захочетъ считаться въ числѣ истинныхъ православныхъ членовъ церкви.

Вмѣстѣ съ этимъ посланіемъ къ Несторію св. Кириллъ отправилъ еще два посланія въ Константинополь, одно къ клиру и народу Константинопольскому, другое къ настоятелямъ монастырей Константинопольскихъ: въ томъ и другомъ извѣщаетъ вѣрующихъ о послѣднихъ распоряженіяхъ касательно Несторія, предпринятыхъ съ согласія восточныхъ и западныхъ правителей церкви, убѣждаетъ ихъ крѣпко стоять въ истинѣ православія и удалаться отъ всякаго общенія съ Несторіемъ, въ случаѣ если онъ вознамѣрится упорствовать въ своемъ новоизобрѣтенномъ ученіи. Тѣ изъ клириковъ и мірянъ, которые за православную вѣру отлучены или извержены были Несторіемъ, всѣ принимались въ церковное общеніе.

Какъ же отнесся ко всему этому патриархъ Константинопольскій? Несторій, какъ видно, вовсе былъ не такого нрава, чтобы уступить внушеніямъ кротости или поколебаться страхомъ угрозъ; гордый сознаниемъ своего собственнаго достоинства и положенія, самообольщенный мнимою справедливостью и основательностію своихъ убѣжденій, и, что всего важнѣе, ослѣпленный довѣріемъ къ нему царя и благо расположеніемъ придворныхъ вельможъ, Несторіи на всѣ эти угрозы и кроткія увѣщанія отвѣчалъ пренебреженіемъ. Первымъ обнаруженіемъ его горделиваго духа было то, что онъ на анаематизмы Кириллова отвѣчаетъ таковыми же числомъ со стороны своей. Анаематизмы Несторія, какъ замѣтно, писаны прямо въ опроверженіе анаематизмовъ Кирилловыхъ, обнаруживаютъ намѣренное приспособленіе къ

плотью, такъ что и по числу и по порядку и по предметамъ исповѣданія составляютъ противоположность анаематизмамъ Кирилловымъ: именно въ первомъ же анаематизмѣ вопреки Кирилловымъ выводимъ изъ слова Еммануилъ, Несторій съ своей стороны возглашаетъ:

1) «Кто говоритъ: Еммануилъ есть истинный Богъ, а не означаетъ только «съ нами Богъ», т.-е. что Онъ обиталъ въ подобномъ нашему естествѣ, такъ, что соединился съ нашимъ естествомъ, воспріятымъ отъ Дѣвы Маріи; кто будетъ называть Ее такъ же Матерію Бога Слова, а не Еммануила, и будетъ говорить, что само Слово Божіе превратилось въ плоть, которую Оно воспріяло для обнаруженія своего Божества, чтобы по виду стать какъ человѣкъ (Филип. 2, 7), — анаема». По подобію перваго и всѣ прочіе анаематизмы Несторіево носятъ на себѣ очевидные признаки противорѣчія анаематизмамъ Кирилловымъ. 2) «Кто говоритъ, что въ соединеніи Бога Слова съ плотію, по намѣренію Божію, устроено мѣстное премѣненіе естества, что плоть стала причастна Божескому естеству, и оно — Божеское естество стало едино съ плотію во всѣхъ отношеніяхъ; или опять, что Христа должно признать Богомъ, плоть распростирая въ безконечность неописаннаго естества, что одинъ и тотъ же Христосъ есть по естеству Богъ и человѣкъ, — анаема. 3) Кто признаетъ Христа, Который по естеству своему есть Еммануилъ, единымъ не вълѣдствіе союза лицъ, и не исповѣдуетъ его состоящимъ изъ двухъ лицъ, Бога Слова и *воспріятого имъ человека*, сочтаныхъ во едино въ Сынѣ, при чемъ единеніе ихъ сохраняется безъ смѣшенія естествъ, — анаема. 4) Кто изрѣченія Евангельскихъ и Апостольскихъ книгъ (бузальная копіровка 4-го анаематизма Кириллова), употребленныя о Христѣ какъ о состоящемъ изъ того и другаго естества, принимаетъ какъ бы объ одномъ ествѣ и страданія покушается приписывать Богу Словоу какъ по плоти, такъ и по Божеству, — анаема. 5) Кто дерзаетъ говорить, что послѣ воспріятія человѣка Сынъ Божій есть одинъ по существу, тогда какъ Онъ есть Еммануилъ, — анаема. 6) Кто послѣ воплощенія будетъ признавать Бо-

га Слово въмъ то другимъ, а не Христомъ, — кто осмѣлится говорить, что зракъ раба въмъ съ Богомъ Словоиъ не имѣтъ начала, и какъ Овъ самъ, т. е. какъ Богъ Слово, и сотворить, — *кто не будетъ призывать его — раба сотвореннаго отъ Бога Слова* какъ Господа, Творца и Бога по естеству, какъ Овъ и общаиъ воззвать его собственною силою, говоря: *разорвите церковь сию и трети дни воздвигну ю* (Иоан. 2, 19), — анаеиъ. 7) Кто говоритъ, что *сотворенный въ дѣтѣ человекъ* есть самый Единородный, который прежде денницы рожденъ изъ чрева Отца (Ис. 109, 3), а не ишоваусть, что Овъ получалъ наименованіе Единороинаго отъ Отца чрезъ соединеніе съ единороднымъ по естеству; кто такъ же называетъ Иисуса другимъ къмъ то. а не Емануилоиъ, — анаеиъ. 8) Кто говоритъ, что зракъ раба достоинъ почтаиъ самъ по себѣ т. е. по достоинству своей природы, хотя и не есть владыка всего, а не за то почтается, что принять въ общеніе съ блаженнымъ естествоиъ Единороднаго, и по самому естеству Господа, — анаеиъ. 9) Кто говоритъ, что зракъ раба сосуществоиъ съ Духу, а не входитъ въ общеніе съ Имъ чрезъ посредство Бога Слова. и что отъ самаго зачатія имѣлъ союзъ съ Имъ, вследствие чего ивогда совершалъ чудесныя врачеванія въ людяхъ и со властью возпоилъ духовъ, — анаеиъ. 10) Кто говоритъ, что само сущее въ началѣ Слово содѣлалось перво свѣщенникомъ и посланникомъ нашего исповѣданія (Евр. 3 11, и самаго себя пришло въ жертву за насъ, а не признаеть посланникомъ Емануила. почему и привошеиъ приписываетъ самому тому. Кто ирипиль человека въ еиеніе, все относя къ единому лицу Сына и приписывая Ему, то какъ Богу, что принадлежиъ Богу, то какъ человеку, что своей стройственно человеку, — анаеиъ. 11) Кто говоритъ, что приняиъ въ единеніе плоть по силѣ своей природы животирина, тогда какъ самъ Господъ и Богъ возвыщаетъ: *Духъ есть плоть оживляющая, плоть не ишоваусть ничтоиъ* (Иоан. 6, 63), — анаеиъ. *Духъ есть Богъ*, сказано еще (Иоан. 4, 24). — Чувствуиъ, что не можно выразить то, что хотиъ сказать. Несторій къ этому анаеиъизму пристаивалъ

еще дополненіе: «кто говоритъ, что Богъ Слово стало плотью ишоваусно, тогда какъ плоть сохраняетъ свойственный себѣ видъ въ Господѣ Христѣ, особенно когда по воскресеніи Овъ саятъ говорить ученикамъ своимъ: *ослажите мя и видите, яко духъ плоти и кости не имѣтъ, якоже мене видите ииуца* (Лук. 24, 37), — анаеиъ». 12) «Кто, ишовауя страданія плоти, но не различая достоинства естества, тѣ же страданія приписываетъ Богу Словоу, какъ и плоти, которую Овъ воспринялъ, — анаеиъ».

Читая эти анаеиъизмы, повидимому, трудно удержаться отъ вопроса: изъ-за чего итеть и къ чему приведетъ такой горячій и раздражительный споръ? И та и другая сторона повидимому совершенно сходны въ сущности вѣрованія; и та и другая сторона ишовауляютъ даже больше, чѣмъ въ полловину сходныя выраженія. Склонная къ соблазну мысль даже можетъ пожалуй ступить даиъе: можно вообразить, что разсужденія и аргументы противника православія имѣютъ на своей сторонѣ больше вѣротія, чѣмъ ученіе защитниковъ православія. И въ самомъ дѣлѣ: не правду ли говорилъ Несторій, что противно было бы человеческому смыслу утверждать, что Божество страдаетъ? Но ревнующій о правахъ человеческого смысла долженъ же быть понять, что ишовауляющие это выраженіе не то хотиъ сказать, чтобы въ самомъ дѣлѣ страдало само безстрастное и безтѣлесное Божество; они хотиъ только сказать, что страдало тѣло, воспринятое въ ишоваусное единеніе съ Божествоиъ; къ тому же и самъ Несторій и все защищавшее и защищающее его должны же понять, что съ отверженіемъ этой истины этого выраженія ишоваувергалось все домостроительство спасенія. Несторій тѣмъ иеиъ имѣлъ право воззвать противъ выраженія, ишовауребляемыхъ православными, что выраженія сии все освещены ишовауребленіемъ библейскимъ: *Слово плоти бысть; Богъ леиъ во плоти* и под.; при всемъ этомъ и по поводу анаеиъизмовъ несторіеиыхъ такъ же, какъ и по поводу посланія его, опять приходится повторить замѣчаніе, что Несторій, оправдывая ученіе свое, во многомъ ишовауращаетъ ученіе и тѣ выраженія, за которыя такъ крѣпко стояла сторона православныхъ

Раздражение Несторія противъ православныхъ не ограничилось тѣмъ, что онъ выставилъ противъ нихъ зотъ зарядъ громкихъ, хотя и совершенно неумѣстныхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ противной сторонѣ антианаематизмовъ. Со времени получения послѣдняго посланія Кирилла и его анаематизмовъ, Несторій открываетъ противъ защитниковъ православія въ Константинополѣ—клириковъ, монаховъ и мірянъ, сильное преслѣдованіе. То, что терпимъ мы, пишутъ нѣкоторые изъ ревнителей православія въ это время, для многихъ, слышащихъ объ этомъ, можетъ показаться невѣроятнымъ. Когда мы сказали Несторію, что его выраженія: Марія родила только единосущнаго себѣ чловѣка, и: рожденное отъ плоти есть плоть, не приличны православнымъ, то онъ приказалъ насъ захватить, и судейская прислуга подъ ударами отвела насъ въ судилище. Здѣсь, обнаживъ и оковавъ насъ, какъ подлежащихъ наказанію, насъ заклемили, растянули и били пятами. Итакъ, чего во вѣншихъ гражданскихъ судилищахъ не переносятъ, не говоримъ—клирики и архимандриты или монахи, а даже никто изъ мірянъ, то мы вопреки законовъ потерпѣли отъ законопреступника, и много времени провели мы въ оскорбленіяхъ отъ судилища, въ голодѣ, подѣ стражею прислуги. Но ярость его не удовольствовалась и этимъ. Какимъ-то обманомъ насъ предали знатнѣйшему начальнику великоименитаго града, и насъ окованныхъ желѣзомъ отвели въ темницу; изъ темницы опять повели въ судилище и здѣсь онъ, Несторій, снова мучилъ насъ, бивъ по лицу». Но и это еще не все, чѣмъ дала себя знать раскипятившаяся злоба Несторія. Пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ въ Константинополѣ, своими связями съ константинопольскою знатію и близостію къ двору, Несторій успѣлъ вселить въ государяхъ (Феодосій и Валентиніанъ) полонорбіе противъ самаго Кирилла, будто онъ, движимый самовластіемъ и самъ собою, прозвель смятеніе и раздѣленіе въ церквахъ. Что Несторій успѣлъ очернить, оклеветать св. Кирилла предъ императорами, это какъ нельзя болѣе ясно изъ указа, который издалъ сн императоры вслѣдствіе начавшихся неурядиствъ въ дѣлахъ церковныхъ. «Мы не

думали, гласить императорскій указъ къ Кириллу, мы не думали, чтобы твое благочестіе такъ приняло воздаваемая отъ насъ тебѣ почести, чтобы ты все такъ смутилъ, какъ будто бы и мы также склонны были къ раздраженію, мы будемъ заботиться о мирѣ церковномъ, а ты знай, что ты все смутилъ, какъ не слѣдовало бы. Чье здѣсь дѣйствовало внѣшнее, это и безъ дальнихъ изысканій понятно: св. Кириалъ получаетъ выговоръ за свои «рылые порывы», «дерзость», «тонкости въ вѣрученіи», а Несторій какъ будто ня въ чемъ не виноватъ, даже мало того: сторона противная Кириллу представляется обиженною незаконно: Кириалъ лишается царскаго благоволенія, и не иначе можетъ возвратитъ себѣ это благоволеніе, какъ только «если оставить все оскорбительное для другихъ и возмутительное, и тѣмъ самымъ доказать, что не вслѣдствіе личной неприязни, ни изъ неприличной неприязни къ кому-нибудь онъ поступилъ такъ жестоко и необдуманно, защищая свое мнѣніе. Въ какой степени справедливы (т. е. несправедливы) были всѣ эти укоризны святому Кириллу, для насъ понятно должно быть изъ всего, въ подробности изложеннаго нами, хода дѣла. Императоръ самъ не знаетъ, за что укоряетъ Кирилла: то онъ ставитъ Кириллу въ укоризну, что Кириалъ началъ споры о вѣрѣ безъ сношенія съ императорскою властію; но эту укоризну тотчасъ же приходится съ Кирилла снять, потому что онъ къ императорской власти писалъ; то Кириалъ укоряется въ намѣреніи произвести разномысліе въ царствennomъ семействѣ, — намѣреніи, будто бы изблнчаемомъ разнообразнымъ содержаніемъ посланій къ императору, его супругѣ и сестрѣ; но и эта укоризна была явная напраслива на сдѣлатаго защитника православія ⁽⁴⁾.

Тѣмъ же посланіемъ, въ которомъ разсмысли на св. Кирилла такіа горькіа укоризны, онъ предудѣдомлялся, что «рев-

(4) Въ началъ своего воззженія исторіи Евсеевскаго собора мы упоминали себѣ эти посланія Кирилла, и теперь находимъ нужнымъ замѣтить, что всѣ эти посланія заняты изложеніемъ догматическаго ученія и вѣсего, подлежащаго поведѣ къ возмущенію мира, не заключающаго

нующие о вѣрѣ государи намѣрены для полнаго безпристрастнаго изслѣдованія спорнаго вопроса и для умиротворенія Церкви созвать соборъ епископовъ; время этого собора назначено будетъ особыми грамотами ко всемъ епископамъ главныхъ городовъ».

Въ XIII день декабрскихъ календь (19 ноября), въ тринадцатый годъ царствованія Θεодосіева ⁽⁶⁾ (431), подписавъ и разославъ къ епископамъ всѣхъ митрополій указъ о созваніи собора. Сказавъ въ началѣ указа о взаимномъ отношеніи между Церковію и государствомъ и о взаимномъ вспоможеніи съ той и другой стороны для блага государства и Церкви, императоръ объявляетъ, что по современнымъ обстоятельствамъ настоятъ неотвратима нужда въ созваніи собора; посему каждый епископъ митропола ⁽⁷⁾, получившій указъ, долженъ быть озавѣщаться послѣ наступающей св. Пасхи прибыть въ Азію, въ Ефесъ, на самый день Пятидесятницы, повелѣвъ туда же прибыть немногимъ, кому заблагодарасудить епископъ изъ подчиненнаго ему округа. «Прежде святѣйшаго собора и прежде составленія общаго, для всѣхъ обязательнаго правила, не должно быть нововведенія ни отъ кого въ частности. Мы увѣрены, объявляютъ императоры въ указѣ, что каждый изъ боголюбивѣйшихъ священнослужителей постарается подать послѣдную помощь дѣламъ, столь необходимымъ и споспѣшествующимъ Богоугожденію; но съ другой стороны мы не потерпимъ равнодушно ничего отступствій; кого призываютъ на священный соборъ и онъ не спѣшитъ съ готовностію прибыть, у того ясно совѣсть печаста. Дано въ Константинополѣ» и т. д.

Для наблюденія за ходомъ дѣла на соборѣ или для наблюденія «благоприличія», какъ сказано было въ указѣ импера-

(6) Императоръ Θεодосій Младшій остался послѣ отца своего Аркадія 8-ми лѣтъ; въ управленіе государствомъ вступилъ 18 лѣтъ; поэтому 13-й годъ правленія Θεодосіева соответствуетъ, по нашему исчисленію, 431-му году; въ некоторыхъ документахъ, относящихся къ Ефескому собору, годомъ собора представляется 431-й.

(7) Наименованіе митропола условно было городомъ имѣвшимъ наиболѣе важное значеніе въ известной области въ гражданскомъ отношеніи.

торскомъ, на соборѣ назначался отъ лица императора придворный сановникъ Кандидіанъ. Обязанности его въ отношеніи къ собору въ указѣ опредѣлялись такъ: «Онъ не долженъ былъ вмѣшиваться въ изслѣдованіе членовъ собора о догматахъ; ибо, какъ сказано въ указѣ, не принадлежащему къ числу святѣйшихъ епископовъ не справедливо вмѣшиваться въ дѣла церковныя. Далѣе этотъ сановникъ долженъ былъ наблюдать, чтобы дѣйствіямъ собора не пренятвовала толпа любовныхъ, какъ мірянъ, такъ и монаховъ, нисколько не нужныхъ для предстоящаго изслѣдованія догматовъ; онъ долженъ былъ позаботиться такъ же о томъ, чтобы отъ неприязненныхъ съ той и другой стороны расположеній разномысліе не дошло до большихъ размѣровъ, а отъ того не встрѣтило бы пренятствій и не замедлилось бы тщательное изслѣдованіе истины; пріемущественно же оному знатѣйшему мужу повелѣно было наблюдать, чтобы никто не оставялъ назначеннаго для разсужденія мѣста, доколѣ не составится и по общему рѣшенію не получитъ утвержденія вѣсспоримое и всѣмъ удобное ученіе». Говорится въ указѣ и еще о нѣкоторыхъ мелкихъ предостереженіяхъ, какия должны были принять къ свѣдѣнію Кандидіанъ, напр. чтобы на соборѣ не начинали никакихъ изысканій постороннихъ, не относящихся къ главному дѣлу и т. под. Но вотъ одво важное для уразумѣнія послѣдующей исторіи замѣчаніе: въ самомъ же этомъ указѣ, подписанномъ императорами, значилось, что вмѣстѣ съ Несторіемъ, боголюбивѣйшимъ епископомъ великоименитаго града, отправился на соборъ знатѣйшій мужъ Иринея. Хотя правда и прибавлено, что Иринея этотъ отправился на соборъ единственно изъ дружбы къ Несторію и въ какомъ отношеніи не долженъ былъ принимать участія въ дѣлахъ святѣйшаго собора; но съ знатными вельможами тяжело бороться, и этотъ Иринея, какъ покажетъ дальѣйшая исторія, много зла причинилъ въ дѣлахъ церковныхъ.

Къ назначенному въ императорскомъ указѣ сроку собралось 159 епископовъ, не считая Несторія и приставшихъ къ нему еще до открытія собора шести или семи епископовъ. Прошло 16 дней за срокъ назначенный въ императорскомъ указѣ

для открытія собора, а нѣкоторые изъ митрополитовъ все еще не являлись въ Ефесъ. весьма важное обстоятельство для собора составляло замедленіе Іоанна епископа Антиохійскаго съ нѣсколькими епископами его округа. Іоаннъ, какъ объяснялъ въ писаніи къ Кириллу, замедлялъ отъ невообразимыхъ трудностей путешествія; онъ уже 30 дней паходился въ пути, не давая себѣ никакого послабленія; нѣкоторые изъ присутствовавшихъ ему епископовъ давно подверглись разстройству здоровья; Іоанну и спутникамъ его оставалось еще 5 или 6-ть дней пути до Ефеса. Между тѣмъ собравшіеся въ Ефесъ епископы начинали тѣготиться все болѣе и болѣе продолжаемою отерочкою открытія собора; нѣкоторые начинали подвергаться болѣзни; св. Кириллъ паходился въ затрудненіи, открывать ли засѣданіе собора, или дожидаться прибытія Іоанна съ епископами его округа: по смыслу краткаго посланія, какое прислалъ съ дороги уже Іоаннъ Антиохійскій къ св. Кириллу, можно было догадываться, что Іоанну хотѣлось бы, чтобы отцы собора еще нѣсколько подождали его. Кандидіанъ чиновникъ императорскій положительно настаивалъ, чтобы отцы собора дождались Іоанна съ его епископами, но св. Кириллъ, отчасти побуждаемый положеніемъ большинства большинства епископовъ уже собравшихся, отчасти опираясь на смѣлость императорскаго указа, который требовалъ, чтобы епископы *собрались въ Ефесъ на седьмой день пятидесятиницы*, и который угрожалъ царскимъ гнѣвомъ тому, *кто не поспѣшитъ тотчасъ прибыть къ назначенному времени въ Ефесъ*, рѣшилъ болѣе не откладывать начало дѣла и открылъ соборъ въ храмѣ Богоматери. Какъ судить объ этомъ смѣломъ, рѣшительномъ дѣйствіи св. Кирилла? Не принимая на себя непринадлежащаго папъ права укорять или оправдывать св. мужа, мы желали бы указать испытующимъ тамъ вопросамъ на тѣ побужденія, коими движимъ былъ мужъ святой. Святымъ Кирилломъ управляла ревность о славіи Богоматери, и движимый сею ревностію, онъ могъ допустить и поспѣшность, тѣмъ паче, что, по словамъ его, «нѣкоторые изъ восточныхъ епископовъ, посланные Іоанномъ напередъ

возвѣстили отцамъ собора: господинъ ево. Іоаннъ повелѣлъ сказать вашему благочестію: «дѣлайте свое дѣло». ^(а) Передъ днемъ открытія собора посылали приглашеніе къ Несторію и къ сторонникамъ его епископамъ: звать Несторія на соборъ отправились четыре епископа. Несторій и его епископы все отвѣчали двусмысленно: «посмотрю, и если мнѣ нужно будетъ пойти, приду»; однакожь въ день открытія собора не явились. Когда въ началѣ засѣданія прочитанъ былъ императорскій указъ о созваніи собора, и когда, нотаріусъ, Петръ, пресвитеръ Александрійскій, изложилъ кратко все обстоятельства, по требованію коихъ собранъ настоящій соборъ (т. е. о началѣ лжеученій несторіанскихъ, о перепискѣ по сему дѣлу между Кирилломъ, Несторіемъ и папою Целестиномъ), то сочлены собора заявили о необходимости послать за Несторіемъ, чтобы ученіе благочестія установилось по общему сужденію и соглашенію. Епископы, составлявшіе прежде депутацію для приглашенія Несторія на соборъ, объявили, что они ходили къ Несторію, но что онъ отвѣтилъ такъ неопредѣленно. Рѣшили опять послать за Несторіемъ; отправились три епископа и на сей разъ съ формальнымъ предписаніемъ отъ лица собора; они снова убѣждали Несторія прибыть и не уклоняться отъ дѣла, особенно потому, что императоры повелѣли, оставивъ все, завѣяться утвержденіемъ вѣры. Посланныхъ отъ лица собора епископовъ до Несторія не допустили—стража, стоявшая въ его домѣ и клирики, которыхъ Несторій привезъ съ собою; а когда депутаты начали настоятельно требовать, чтобы объ нихъ доложили Несторію, что имъ нельзя же уйти отъ Несторія безъ отвѣта, тогда трибунъ Флорентій, сопровождавшій Кандидіана, вышедши съ клириками Несторія, отвѣтилъ отъ его лица депутатамъ отъ собора: «когда соберутся все епископы, тогда и мы выйдемъ къ нимъ». Члены собора, услышавъ о такомъ отвѣтѣ Несторія депутатамъ, къ нему отъ лица собора, рѣшили послать къ Несторію приглашеніе въ третій разъ: въ этомъ третьемъ посольствѣ члены собора

(а) См. посл. Кирил. въ Константинополь, Д. В. С. Т. I. стр. 614-619.

призывали Несторія явиться и оправдаться предъ сонмомъ церковнымъ въ томъ еретическомъ ученіи, которое, говорятъ, онъ проповѣдывалъ по церквамъ. Зная и то, прибавили члены собора, что ежели ты не явишься и не устоишь противъ того, что устно и письменно показываютъ противъ тебя, тогда святѣйшій соборъ будетъ въ необходимости составить противъ тебя опредѣленіе, какое следуетъ по правиламъ св. отецъ. Епископовъ, составлявшихъ это посольство къ Несторію, опять не допустили; воины, приставленные у дверей Несторія, съ грубостію отвѣчали епископамъ, что они отъ самаго Несторія получили приказъ никого изъ посланныхъ соборомъ не пускать. Видя, что привлечь Несторія на соборъ не останется никакой возможности, епископы рѣшились начать дѣло безъ Несторія.

Прежде всего прочитали, какъ первоосново всякаго вѣроченія и вѣроопредѣленія, символъ вѣры, составленный на соборѣ Никейскомъ; за сѣмъ рѣшено было прочесть посланіе св. Кирилла къ Несторію, и это посланіе всѣми отцами присутствовавшими на соборѣ, признано было во всемъ согласнымъ съ апостольскою проповѣдію и съ православною вѣрою, изложенною святыми отцами въ Никей. После того, какъ отобраны были голоса отцевъ о посланіи св. Кирилла къ Несторію и послѣ того какъ всѣ отцы собора дали отзывъ о сѣмъ посланіи одобрительный, опредѣлено было прочесть посланіе Несторія къ св. Кириллу, чтобы сличить, въ какихъ отношеніяхъ оно окажется къ символу Никейскому. И всѣ отцы единогласно заявили, что это посланіе нисколько не согласно съ благочестивою вѣрою, изложенною святыми отцами въ Никей; всѣхъ, кто такъ вѣруетъ, признали нужнымъ предать анаемѣ: ибо все, что содержитсяъ въ томъ посланіи чуждо православной вѣрѣ. После того, какъ прочитано было нечестивое посланіе Несторія, св. Кириллъ высказалъ на соборѣ предложеніе спросить кого слѣдуетъ о бесѣдахъ Несторія устныхъ, чтобы такимъ образомъ еще провѣрить мысли Несторія, изложенныя въ его посланіи къ св. Кириллу; соборъ опредѣлилъ спросить нѣкоторыхъ епископовъ, комуъ пришлось имѣть разговоръ съ Несторіемъ въ Ефесѣ; Феодотъ

епископъ Анкирскій на соборѣ объяснялъ, что Несторій какъ въ посланіи упорно отвергалъ, что Богу Слово, т.-е. Единородному можно приписывать что-либо человѣческое, считая это унизительнымъ для Него, такъ и въ разговорѣ повторялъ то же самое. Какъ тамъ, т.-е. въ посланіи, утверждалъ, что о Богѣ нельзя говорить, что Онъ питался мясомъ, или родился отъ Двѣхъ, такъ и здѣсь, т.-е. въ разговорахъ устныхъ, неоднократно говорилъ, что о Богѣ нельзя сказать, что Онъ двухъ или трехъ мѣсяцевъ. И это слышали отъ него не мы одни, замѣчаетъ Феодотъ, но и многіе другіе. Тоже свидѣтельство объ устныхъ бесѣдахъ Несторія далъ на соборѣ Акакій, епископъ Мелитинскій. «Нельзяыми своими вопросами, объяснялъ Акакій собору, Несторій старался принудить собесѣдниковъ или совершенно отвергнуть, что Божество Единороднаго воплотилось, или допустить, что вмѣстѣ съ Богомъ Словою воплотилось Божество и Бога Отца и Св. Духа. Потомъ, продолжалъ Акакій, при другій бесѣдѣ вступилъ въ разговоръ одинъ изъ бывшихъ съ нимъ епископовъ, который утверждалъ, что иной есть Сынъ, претерпѣвшій страданія, и иной—Богъ Слово. Я не могъ вынести такого богохульства, заключилъ Акакій, протислся со всѣми и ушелъ». Все это не оставляло никакого сомнѣнія въ томъ, что Несторій нечестиво мыслить о Божественномъ достоинствѣ лица Искушителя. Чтобы жеученіе Несторія выставить еще болѣе въ ясномъ свѣтѣ, и вмѣстѣ чтобы представить невозможное полное опроверженіе на него, соборъ опредѣлилъ прочесть извлеченія изъ блаженныхъ отцевъ, епископовъ и мучениковъ, имѣвшія отношеніе къ главному предмету изслѣдованія: прочитали извлеченія изъ книги св. Петра епископа Александрійскаго, св. Леанасія Великаго, Юлія папы Римскаго, св. Феликса папы Римскаго, Феодила епископа Александрійскаго, св. Кипріана Карфагенскаго, Амвросія епископа Медиоланскаго, Григорія Богослова (кто не признаетъ Марію Богородицею, тотъ отлученъ отъ Божества), Василия Великаго, Григорія Нисскаго, Аттиса епископа Константинопольскаго, Амфилохія епископа Иконійскаго. Отцы собора нашли нужнымъ сопоставить съ этими извлеченіями изъ св. отцевъ

извлечения из сочинений Нестория; начали читать выдержки из сочинений Нестория^(а). По окончании этого чтения, Флавий епископ Филиппийский от лица всех отцев собора выразился: «все сказанное Несторіем отвратительно и богоухульно; слухъ нашъ не можетъ болѣе выносить сихъ мерзостей». Вслѣдствіе сего отцы собора составили такой приговоръ о изложении Несторія: «такъ какъ нечестивѣйшій Несторій сверхъ прочаго не захотѣлъ повиноваться нашему приглашенію и не принялъ посланныхъ отъ насъ святѣйшихъ и благочестивѣйшихъ епископовъ, то мы вынужденными нацѣлись изслѣдовать нечестивое его ученіе. Открывши же частію изъ его писемъ, частію изъ другихъ сочиненій, частію изъ бесѣдъ, которыя онъ недавно имѣлъ въ сей митрополіи (Ефесѣ) и которыя подтверждены свидѣтелями, что онъ и мыслить и проповѣдуетъ нечестиво, мы вынуждены были на основаніи каноновъ и посланія святѣйшаго отца и послужителя нашего Целестина, епископа Римскаго, произнесть противъ него хотя не безъ горькихъ слезъ слѣдующее опредѣленіе: Господь нашъ Исусъ Христосъ, на Котораго онъ изрыгалъ хулы, устами сего святѣйшаго собора опредѣляетъ лишить его епископскаго сана и отлучить отъ общенія церковнаго». Приговоръ противъ Несторія подписали болѣе 200 епископовъ. Это число подписей такъ значительно возросло по сравненію съ числомъ епископовъ собравшихся ко времени открытія собора (159) потому, что многіе изъ присутствовавшихъ имѣли полномочіе подписываться за другихъ. На другой день по изложеніи Несторія ему объявлено приговоръ собора въ такой формѣ: «Святый соборъ, собранный благодатию Божіею, по повелѣнію благочестивѣйшихъ и христоролюбивѣйшихъ нашихъ императоровъ въ митрополіи Ефесѣ, Несторію, новому Іудѣ. Знай, что ты за нечестивыя твои проповѣди и противленіе

(а) Мы не приводимъ здѣсь этихъ извлеченій ни свято-отеческихъ, ни несторіанскихъ потому, что они не содержатъ въ себѣ ничего особеннаго кромѣ того, что мы знаемъ объ ученіи православныхъ и объ ученіи Несторія по свидѣтельству, приведенному выше. Желающіе читать эти извлеченія, могутъ найти ихъ въ рус. переводѣ: Дѣлнія Всел. соборовъ изд. Каз. Акад. Т. I. стр. 361 и слѣд.

канонамъ, въ 22-й день текущаго мѣсяца іюня, на основаніи церковныхъ правилъ изложите святымъ соборомъ, лишете всякой церковной степенію».

Въ тотъ же день, какъ состоялось соборное опредѣленіе о изложеніи Несторія, соборъ отъ лица своего отправилъ уведомленіе объ этомъ въ Константинополь къ клирикамъ и канонамъ Константинопольской церкви. Предсѣдатель собора св. Кириллъ Александрійскій отъ лица своего отправилъ въ Константинополь особое посланіе, къ епископамъ Комарію и Потамону, архимандриту монастырей Далматію и нѣкоторымъ пресвитерамъ. Это посланіе святаго Кирилла къ епископамъ, оставшимся въ Константинополь, архимандриту Далматію и прочимъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя черты, важныя отчасти для уразумѣнія исторіи самого собора, отчасти для уразумѣнія отношенія къ этому дѣлу со стороны Несторія, а потому мы находимъ не излишнимъ остановиться на немъ съ большимъ вниманіемъ.

Въ началѣ посланія св. Кириллъ изъясняется о тѣхъ желаніяхъ и ожиданіяхъ, съ какими приступали члены собора къ изслѣдованію занимавшаго ихъ дѣла. Въ простотѣ своего сердца члены собора ожидали, что Несторій явится на соборъ и принесетъ раскаяніе во всехъ богоухульствахъ, какія онъ изрыгалъ своими устами со времени своего посвященія, (ожидали), что онъ будетъ просить прощенія у собора. Вѣдали бы и на самомъ дѣлѣ случилось все такъ, какъ предполагали члены собора, т. е. еслибы Несторій и въ самомъ дѣлѣ пришелъ на соборъ и просилъ прощенія, члены собора и на тотъ случай предвидѣли затрудненія, какъ тогда поступить съ Несторіемъ: можно ли будетъ его простить, ибо вина его была весьма велика: «этотъ человекъ, своими проповѣдями возмутившій всю вселенную и поколебавшій благочестно содержимую въ церквяхъ вѣру не заслуживалъ прощенія». Но каково же было удивленіе отцевъ собора, когда они увидѣли на дѣлѣ, что Несторій не только не раскаивается и не проситъ прощенія въ своихъ хулахъ, но и по прибытіи въ Ефесъ продолжалъ употреблять тѣ же богоухульныя выраженія о Христѣ какія употреблялъ и прежде, и тѣмъ ясно показывалъ, что

онъ несколько не намеревъ отступать отъ своего превратнаго мнѣнія. «Когда некоторые почтенные митрополиты и благочестивѣйшіе епископы вступили съ нимъ въ преніе и показать между прочимъ св. Кирилль, и доказывали ему изъ богодухновеннаго Писанія, что родившійся по плоти отъ святыя Дѣвы есть Богъ, то онъ произнесъ слѣдующія нечестивыя слова: «я не признаю двухъбъсачнаго и трехъбъсачнаго Бога». Къ сему присовокупилъ онъ, замѣчаетъ Кирилль, и другое не малое, совершенно ниспровергая воплощеніе Единороднаго. Что же еще оставалось отцамъ собора дѣлать, какъ не спѣшить отрѣшеніемъ и отсѣченіемъ этого нечестиваго богохульца? Откладывать дѣло далѣе не было ни нужды, ни возможности. За сѣмъ св. Кирилль сообщаетъ константинопольскимъ епископамъ свѣдѣніе о томъ, какъ отцы собора начали дѣло, какъ приглашали Несторія, что отвѣчать на все это Несторій. Въ этомъ-то изложеніи соборныхъ занятій у святаго Кирилла сообщается одно особенно замѣчательное свидѣтельство о Несторіи: «нѣкоторые почтенныя благочестивѣйшіе епископы, пишетъ между прочимъ св. Кирилль, засвидѣтельствовали, что онъ, въ самомъ этомъ городѣ Ефесѣ, разсуждая съ нами, явно отвергалъ Божество Иисуса». Не здѣсь ли таилась главная причина столь сильныхъ, энергическихъ объясненій и дѣйствій съ той и другой стороны? Въ самомъ дѣлѣ еслибы Несторій въ душѣ своей носилъ глубокое убѣжденіе въ Божественномъ достоинствѣ лица Иисуса Христа, то ему не было нужды съ такимъ ожесточеніемъ противиться принятымъ въ церкви выраженіямъ этого Божественнаго достоинства Иисуса Христа; и еслибы съ другой стороны св. Кирилль не подозрѣвалъ, что подъ оболочными выраженіями Несторія въ сущности скрывается эта бездна злохуленія: то по всей вѣроятности не сталъ бы поднимать такой горячей борьбы.

Въ дальнѣйшихъ строкахъ своего посланія святой Кирилль сообщаетъ константинопольскимъ духовнымъ властямъ свѣдѣніе о рѣшеніи, какое состоялось на соборѣ относительно Несторія. И здѣсь есть одно замѣчаніе, важное для уразумѣнія дальнѣйшаго хода дѣла. Св. Кирилль узналъ отъ кого-то, что

посланный въ Ефесъ отъ лица императорскаго Кандидіанъ уже отправилъ доносъ къ императору; св. Кирилль имѣетъ основаніе подозрѣвать, что донесеніе Кандидіаново будетъ враждебно для отцевъ собора; поэтому онъ, св. Кирилль, ввѣщаетъ духовнымъ властямъ, чтобы они были *бдительны* Дѣйствительныя, истинныя дѣянія собора о изложеніи Несторія, пишетъ Кирилль, еще не переписаны; поэтому мы не могли еще послать должнаго донесенія къ государямъ, но Богъ дастъ,—оно отправлено будетъ вмѣстѣ съ дѣянiami, если только удастся намъ найти человека, который бы могъ ихъ доставить. Если же мы замедлимъ доставленіемъ ихъ, знайте, что намъ воспрепятствовали послать.

На этотъ разъ опасенія Кирилла пока были напрасны: донесеніе къ императору отъ лица собора было составлено, послано и дошло ко двору благополучно; только дѣйствія это донесеніе не имѣло на сей разъ никакого. Отцы собора, изложивъ весь ходъ своихъ занятій, между прочимъ просили было государей, чтобы повелѣли истребить въ церквахъ все ученіе Несторіево и книги его, кація гдѣ найдутся, предать огню и всѣмъ—кто осмѣлился бы послѣдовать его ученію,—пригрозить гнѣвомъ императорскаго величія. Но еще не успѣли императоры сдѣлать никакого распоряженія* по поводу этого донесенія, какъ въ вѣмъ изъ Ефеса же поступаетъ донесеніе отъ другой стороны—Несторіевой. Эта сторона и оправдывала себя и обвиняла членовъ Кириллова собора въ отступленіи отъ смысла императорскаго указа, и приносила жалобы на разные притѣсненія, кація будто бы причиняемы были православными Несторіанамъ. Оправдывая свою невинку, по приглашенію собора на соборъ, Несторій и его сторонники объясняли императорамъ, что, слѣдую смыслу указа, они хотѣли дожидаться сбора всѣхъ епископовъ, и особенно прибытія Іоанна Антиохійскаго, епископовъ Италиі и Сициліи, чтобы такимъ образомъ устроить общее и полное засѣданіе и общимъ голосомъ утвердить вѣру св. отцевъ Никейскихъ. Узнавъ, что на такое разсужденіе Несторія египетскіе епископы негодуютъ, Несторій почелъ долгомъ своимъ справиться о томъ, какихъ мыслей касательно сего предмета держится посланный отъ

императора Кандидіанъ. Но его святѣлость (т.-е. Кандидіанъ) убѣждалъ всѣхъ, чтобы согласно предписанію величества дожидались прибытія всѣхъ, кои были еще на пути. «Такимъ образомъ мы, пишетъ Несторій и его братія, не желая нарушить предписаніе вашего благочестія, остались въ покоѣ. Египтине и Азіійцы, выражается Несторій о епископахъ составлявшихъ соборъ съ Кирилломъ, опусканъ изъ виду мировую и законную цѣль вашего благочестія и какъ бы желая разсѣчь тѣло церкви, одни сами по себѣ составили собраніе: сдѣлао противное и обычаю церкви и указу вашего благочестія, недавно изданному». Но злоупотребленія, какія дозволяли себѣ Кириллъ и его сторонники, по донесенію Несторія, этимъ не ограничивались. Несторій обвиняетъ ихъ даже въ злоупотребленіяхъ воинскою силою и въ попыткѣ произвести возмущеніе въ народѣ. «Разставивъ своихъ воиновъ на площади, пишетъ Несторій о своихъ противникахъ, они возмутили весь городъ, сторожили наши дома, своими нападками тревожили наши общія собранія и грозили чѣмъ-то необычайнымъ. Главнымъ виновникомъ этихъ смутъ былъ епископъ Мемнонь; онъ заперъ для насъ св. церкви, св. мѣста мучениковъ и базиликаю св. апостола Іоанна, чтобы мы въ случаѣ гоненія не могли найти себѣ въ нихъ убѣжища; имъ же, т.-е. сочленамъ Кирилла, напротивъ открылъ великую церковь и открылъ тамъ мѣста для засѣданій, угрожая въ то же время всѣмъ намъ смертію. И тамъ мы, пришедше въ Ефесъ по предписанію вашего христоролюбиваго величества, заключалъ Несторій свое посланіе, просимъ, умоляемъ, заклинаемъ ваше благочестіе, чтобы вы или приказали охранять насъ отъ всякой обиды и составить законный соборъ, не допуская въ него никого изъ клириковъ и монаховъ и ни одного епископа изъ тѣхъ, кои пришли не званые для возмущенія собора, но чтобы изъ каждой области избраны были двое знакомыхъ съ дѣлами мужей и вмѣстѣ съ своими митрополитами допущены были на соборъ,—или по крайней мѣрѣ дозволили намъ безопасно возвратиться домой, ибо они угрожаютъ лишить насъ даже жизни». Подписались Несторій и съ нимъ десять епископовъ. Что въ этомъ донесеніи на половину наговорено напрасляны,

это само собою ясно какъ Божій свѣтъ. Употреблять воинскую силу, когда въ Ефесѣ былъ сіятельный придворный сановникъ, и когда этотъ сановникъ несомнѣнно держалъ сторону Несторія, Мемнонь не могъ и осмѣлиться, и если бы осмѣлился, то не могъ бы привести своего желанія въ осуществленіе.— Или опять: чтобы члены собора взяли на себя святѣлость угрожать Несторію смертію, это опять неспособность едва воображимая. Что же касается до того обвиненія, что Мемнонь, митрополитъ Ефескій заперъ для еретиковъ церкви и св. мѣста мучениковъ, то—какъ иначальственный епископъ всѣхъ этихъ святыхъ,—Мемнонь воплотъ могъ и даже долженъ былъ недопускать до сей святыхъ несовѣтъ.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, какъ наконецъ прибылъ въ Ефесъ съ своими восточными епископами, Антиохійскій еп. Іоаннъ. Еще до прибытія своего въ Ефесъ Іоаннъ уже предуведомленъ былъ графомъ Иринеємъ, котораго послалъ къ нему Несторій,—предуведомленъ о томъ, что сдѣлалъ св. Кириллъ, или точнѣе—что сдѣлали отцы собора подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла, относительно Несторія. Епископы православные старались было склонить Іоанна на сторону свою и для сего прямо по прибытіи его послали къ нему депутатовъ, но Іоаннъ этой депутаціи не привіять. На другой же день по своему прибытіи Іоаннъ открылъ свой соборъ, составивъ его отчасти изъ своихъ спутниковъ, отчасти изъ епископовъ—прежде бывшихъ и состоявшихъ сторону Несторія; сюда пріестили и нѣкоторые изъ епископовъ присутствовавшихъ на соборѣ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ Кирилла, но послѣ перешедшихъ на сторону несторіанскую: всѣхъ епископовъ съ нимъ было 43 ⁶⁾. Сюда явился съ своими слугами и чиновникъ императорскій—Кандидіанъ. Онъ привіетъ сочленамъ собора Іоаннова жалобу на членовъ собора Кириллова, что онъ Кандидіанъ уговаривалъ тѣхъ епископовъ дожидаться прибытія еп. Антиохійскаго, но что тѣ епископы не только не послушались его,

(а) Между подписями сочленовъ собора Іоанна Антиохійскаго читаемъ имя знаменитаго Феодорита епископа Кирскаго.

а даже выгнали будто бы его из своего собранія на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ права участвовать въ ихъ постановленіяхъ. Затѣмъ Кандидіанъ объяснилъ сообщникамъ Іоанна въ видѣ жалобы все, что сдѣлано было соборомъ Кирилловымъ противъ Несторія. Іоаннъ и сочлены его нашли все это совершенно противозаконнымъ и съ своей стороны приступили къ суду надъ Кирилломъ и его соборомъ. Между обвиненіями на Кирилла и Мемнона значилось: они заперли отъ сторонниковъ Несторія святую церковь, св. мѣста мучениковъ, св. гробницу апостола, не дозволивъ даже епископамъ совершать праздникъ св. Пятидесятницы; Мемнонъ, собравъ множество поселаятъ, привелъ городъ въ смутеніе, послалъ своихъ клириковъ въ дома епископовъ—сторонниковъ Несторія и угрожалъ имъ самыми худыми послѣдствіями, если они не присоединятся къ безпорядочному ихъ собранію; по внушенію злой своей совѣсти, они все возмущили и привели въ смутеніе, внесли смуты въ церковныя дѣла, презрѣли благочестивую грамоту и нарушили церковныя постановленія съ тою цѣлю, чтобы не было подвержено изслѣдованію ихъ еретическое злоученіе, которое находится въ ихъ глава недавно отосланныхъ Кирилломъ въ царственный городъ, въ каковыхъ главахъ весьма многое сходно съ нечестіемъ Арія, Аполлинарія и Евномія. За всѣ таковыя главы Іоаннъ и сочлены его нашли справедливымъ Кирилла и Мемнона, какъ зараженныхъ неизлечимою болѣзнію, низложить, а прочихъ, вовлеченныхъ въ ихъ заблужденіе, отлучить отъ общины, пока они, сознавъ свой преступокъ, не произнесутъ анаемы на еретическія главы Кирилла. О соборѣ своемъ и объ опредѣленіяхъ его Іоаннъ и сочлены его отправили съ своей стороны донесеніе къ императорамъ, императрицамъ, клиру, народу и сенату Константинопольскому. Во всѣхъ этихъ посланіяхъ Іоаннъ усиленно старается обвинить Кирилла и выставить правоту свою. Въ частности въ посланіи къ императору спрашиваютъ, чтобы осужденіе на Кирилла и Мемнона было утверждено императорскою властію.

Въ удивленіе приводитъ и невольно возбуждаетъ противъ себя негодованіе эта до крайности поспѣшная и безхарактер-

ная выходка епископа Антиохійскаго. Того кроткаго, миролюбиваго и благосовѣтливаго Іоанна, каковаго мы видѣли въ приведенномъ выше посланіи его къ Несторію, теперь, въ опредѣленіи собора, составленномъ имъ противъ собора Кириллова, вовсе и узнать нельзя. «Вы, гласятъ опредѣленіе къ сочленамъ собора Кириллова, побуждаемые дерзостію, безчиномъ и еретическимъ образомъ мыслей, собрались отдѣльно и произвели всякаго рода замѣшательства въ городѣ и святомъ соборѣ, съ тою цѣлю, чтобы не подвергались изслѣдованію главы, согласныя съ зловѣріемъ и нечестіемъ Аполлинарія, Арія и Евномія». Перечетши еще нѣкоторыя вины сочленовъ собора Кириллова, опредѣленіе Іоаннова собора постановляетъ: «ты, Кириллъ Александрійскій, и ты Мемнонъ, епископъ сего города, знайте, что вы низложены, лишены епископства и отлучены отъ всякаго церковнаго священнодѣйствія, какъ зачинщики и вожди безпорядка и беззаконія, виновники нарушенія отеческихъ правилъ и императорскихъ предписаній». Прочіе сочлены собора Кириллова подвергались также отлученію отъ церкви, доколѣ не предадутъ проклятію еретическія главы, изданныя Кирилломъ Александрійскимъ (разумѣются его анаематизмы), противныя евангельскому и апостольскому ученію.

Такою неожиданною переменою въ отношеніяхъ Іоанна Антиохійскаго къ дѣлу св. Кирилла и Несторія мы ничѣмъ инымъ не можемъ изъяснить, какъ только тѣмъ, что Іоаннъ съ перваго же разу сталъ подъ сильнымъ влияніемъ съ одной стороны Кандидіана, съ другой—епископовъ сторонниковъ Несторія. Что касается до убѣжденій, то объ убѣжденіяхъ въ настоящій разъ и рѣчи быть не можетъ, потому что дальнѣйшая исторія показывается, что убѣжденія Іоанновы сходились съ ученіемъ св. Кирилла.

Узнавъ, что Іоаннъ Антиохійскій заявилъ такія неожиданныя отношенія къ спорному дѣлу, святой Кириллъ почелъ нужнымъ обратить на это обстоятельство особенное вниманіе своихъ сочленовъ. Кириллъ и Мемнонъ снова приглашаютъ

собратій своихъ епископовъ на соборъ ^(а) и сами являются въ качествѣ обвинителей на Иоанна передъ соборомъ прочихъ епископовъ; они представляютъ отъ двоихъ себя жалобу на Иоанна, что онъ поступилъ въ отношеніи къ нимъ неправильно, и требуютъ соборнаго рѣшенія о поступкѣ Иоанновомъ. Смыслъ жалобы Кирилла и Мемнона былъ таковъ, что каковы бы ни были дѣйствія св. Кирилла и Мемнона, руководившихъ общимъ дѣломъ, во всякомъ случаѣ Иоаннъ долженъ былъ заранѣе объявить о своемъ соборѣ и пригласить на соборъ обвиненныхъ имъ епископовъ. Но онъ составилъ свой соборъ и на немъ опредѣлялъ такъ, что другая сторона ничего объ этомъ не знала: это было противъ всякихъ правилъ церкви.

Сочлены Кирилла рѣшили пригласить Иоанна и сообщники его къ отъѣзду: пусть дадутъ они отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ предъ соборомъ. Кириллъ и Мемнонъ брались доказать, что Иоаннъ и его епископы поступили незаконно и нечестиво. Но здѣсь началась опять та же исторія, что и при сношеніяхъ съ Несторіемъ. Тѣ же посольства, тѣ же намѣтки отъ воиновъ оградившихъ Иоанна, и отъ прислуги его, и такой же отказъ со стороны Иоанна: «я не хочу отвѣчать, говорилъ Иоаннъ къ епископамъ приглашавшимъ его на соборъ, передъ людьми низложенными и оглученными».

Это уклоненіе Иоанна отъ объясненія соборнаго не безъ основаній было признано епископами собора Кириллова за доказательство безсилія противниковъ поддержать и доказать справедливость обвиненій, возводимыхъ ими на Кирилла. «Если они, какъ справедливо разсуждалъ Кириллъ, хотѣли доказать, что мы защищаемъ ересь Аполлинаріеву, то лучше бы они пришли сюда и обличили насъ, а не безчинствовали: мы никогда не одобрили мнѣній ни Аполлинарія, ни Арія, ни Евномія; напротивъ мы всѣхъ сихъ еретиковъ предаемъ про-

(а) Къ этому времени прибыли на соборъ замедлившіе изъ пути панскіе легаты. Когда легатамъ сообщено было о томъ, что сдѣлано было на соборѣ, быншемъ прежде подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла, они во всемъ согласились съ опредѣленіями собора и остались на сторонѣ православныхъ—на сторонѣ святаго Кирилла.

клятву, а съ ними и Несторія, новаго богохульника. Обращались къ Иоанну и съ третьимъ приглашеніемъ явиться на соборъ и доказать справедливость его обвиненій на Кирилла; Иоаннъ опять отказалъ и потому соборъ Кирилловъ рѣшилъ взаимно отсѣчь Иоанна и его союзниковъ отъ сообщества церковнаго и сообщить обо всемъ этомъ императорамъ. Такимъ образомъ въ Еусеѣ составились двѣ стороны, изъ коихъ каждая поражала другую проклятіями. И та и другая партія старалась склонить на свою сторону царя, сановниковъ, клириковъ и монаховъ константинопольскихъ и отправляла въ столицу одно за другимъ посланія съ цѣлю противниковъ своихъ обличить въ неправотѣ, а себя представить правыми. И надобно огдать полнѣйшую справедливую сочленамъ собора св. Кирилла, что они въ своихъ сообщеніяхъ и объясненіяхъ обнаруживаютъ гораздо больше сдержанности и безъ всякаго сравненія превосходятъ противную сторону въ правдивости. Правда была на сторонѣ св. Кирилла и его собора; это сознаніе своей правоты сообщало сторонникамъ и друзьямъ св. Кирилла крѣпость и терпѣливость въ различныхъ злоключеніяхъ, кои отсель начинаютъ надолго преслѣдовать ихъ. На сторонѣ противной была сила, не согрѣшая можно сказать, темная. Могло быть, что эта тьма искушений и бѣдъ разогнана была бы скорѣе свѣтомъ истины, еслибы различію этого спасительнаго свѣта истины не препятствовали различные сіятельные комиты и графы, которые, какъ помнятуые нами выше Кандидіанъ и Иривей, по дружбѣ къ Несторію возгорѣли желаніемъ вмѣшаться въ дѣло догматическое и предложить свои услуги при дворѣ, такъ не глубоко понимавшемъ тонкости истинно богословскаго православнаго вѣроученія...

29 или 30 іюня пришелъ отъ императоровъ отвѣтъ на донесеніи Кандидіана, Несторія и св. Кирилла. Отвѣтъ былъ замѣтно неблагоприятенъ для св. Кирилла и защищаемаго имъ дѣла. Императоръ въ строгихъ выраженіяхъ высказывалъ свое негодованіе на епископовъ, пріѣхавшихъ на соборъ, за то, что они увлеклись взаимнымъ раздраженіемъ и вели дѣло по страсти; ихъ дѣло было заниматься разясненіемъ и изложениемъ истины вѣры, а не составленіемъ приговоромъ

и отлученій. Все, что сдѣлано было тою и другою стороною, до сихъ поръ должно быть оставлено безъ значенія; епископы должны заявить снова разсмотрѣніемъ дѣла сообща и въ согласіи: для этого именно, онъ, императоръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы никто изъ членовъ собора не оставялъ Ефеса, доколѣ не сдѣлано будетъ все нужное. Императоръ не теряетъ еще надежды устроить дѣло мирнымъ соглашеніемъ епископовъ. Предлагая членамъ собора дѣло на новое разсмотрѣніе, императоръ въ заключеніе писалъ: «да будетъ вамъ известно, что наше величество заботится не о людяхъ или о святѣйшемъ и благочестивѣйшемъ Несторѣ, но о самой истинѣ и ея догматахъ»⁽⁶⁾

Получивъ такое предписаніе отъ императоровъ, Іоаннъ Антиохійскій отъ лица своего и отъ лица сочленовъ своихъ почелъ нужнымъ представить императорамъ нѣкоторые объясненія, отчасти въ видахъ самооправданія, отчасти въ видахъ благоустройства желаемого императоромъ всеобщаго соглашенія. «Прочитавъ съ безчеловѣчными похвалами императорскія повелѣнія и назвавъ вселенную блаженною потому, что она находится подъ такимъ скипетромъ и управляется такою властію», Іоаннъ Антиохійскій находитъ нужнымъ объяснить государямъ, что онъ не напрасно подвергъ отлученію св. Кирилла и братаго его. Св. Кириллъ и братія его, по объясненію Іоанна, отъ самаго начала поперали императорскія повелѣнія; они захотѣли возобновить и утвердить ученіе Арія, Евномія и Аполлинарія; не обращая вниманія на императорскія повелѣнія, осмѣлились безразсудно произнести несправедливое осужденіе противъ престола царствующаго надъ градами—града Константинополя. Изъ всѣхъ этихъ дѣйствій св. Кирилла Іоаннъ и сочлены его усматривали, что истинное благочестіе подвергалось опасности, и вотъ, чтобы спасти благочестивую вѣру, необходимымъ нашли произнести на мнѣмыхъ разорителей ея осужденіе. Представивъ такое объясненіе своихъ дѣйствій, Іоаннъ утѣсненнымъ находить въ этомъ же донесеніи молить императоровъ, воспитанныхъ въ правос-

лавномъ ученіи, чтобы они твердо сохранили сію вѣру, защищали и сохраняли ее невредимою, такъ какъ въ этомъ заключается для нихъ надежда на успѣхъ во всѣхъ дѣлахъ. Въ видахъ благоустройства общихъ совѣщаній Іоаннъ приходитъ нужнымъ просить императоровъ о такомъ распоряженіи, чтобы на предстопнее время по возможности сокращено было число членовъ собора. «Безъ этого постановленія, пишетъ далѣе Іоаннъ, неизбежно опять произойдетъ возмущеніе; ибо (говоритъ Іоаннъ о соборѣ бывшемъ подъ председательствомъ св. Кирилла) пришло 50 изъ Египта, сорокъ подъ предводительствомъ Мемнона, тирана изъ Азіи, двѣнадцать еретиковъ изъ Памфиліи, называемыхъ Мессалианами, кромѣ другихъ, приставшихъ къ тому же митрополиту и отлученныхъ въ разныхъ мѣстахъ или епископами или соборомъ: всѣ они составляютъ толпу, не знающую Божественныхъ догматовъ и способную только производить шумъ и возмущеніе».... Всѣ эти мѣста изъ донесенія Іоаннова важны для насъ потому особенно, что показываютъ, до какой степени возрасло на этой сторонѣ раздраженіе противъ св. Кирилла и его собора; всѣ эти укороны на сотрудниковъ св. Кирилла суть не болѣе какъ только брань, ничѣмъ неоправдываемая. Въ концѣ донесенія представляются особенныя жалобы на Мемнона, митрополита Ефесскаго, подобныя тѣмъ, какія еще прежде изводимы были на него касательно отношеній его къ сторонникамъ Іоанновымъ; такъ Іоаннъ жалуется, будто сторонники Мемнона, т.-е. сочлены собора Кириллова, преслѣдуютъ Іоанна и сторонниковъ его паллами и камнями, такъ что имъ несчастнымъ приходится бѣгать отъ сторонниковъ Мемнона, словно отъ враговъ. Вслѣдствіе всѣхъ такихъ плачевныхъ обстоятельствъ Іоаннъ проситъ императора изгнать изъ города преимущественно тирана Мемнона, который старается привести все въ смятеніе. «Если онъ не будетъ изгнанъ, заключаетъ Іоаннъ свое донесеніе, то невозможно будетъ ни намъ достигнуть мира, ни вамъ привести въ исполненіе намѣреніе вашего благочестія»... Но этого мало, что озлобленные противники православія и защитниковъ его сами отъ себя нанесли такую клевету на св. мужей прямо

(6) Предписаніе это было поглаго сь чиновникомъ Палладіемъ.

предъ лицемъ императора; какъ будто не надѣясь на прочность коварства своего, они въ то же время отправляютъ посланія къ префекту и магистру, надзирателю и адвокату константинопольскимъ, гдѣ въ такихъ же сильныхъ выраженіяхъ жалуются на св. защитниковъ православія и себя представляютъ чуть не замученными до смерти. «То, на что осмѣливаются Кирилль и Мемнонь, говорится между прочимъ въ посланіи къ префекту, превосходить всякое звѣрство варваровъ; не осталось никакой жестокости, которой бы они не употребили противъ насъ; мы какъ во время войны подвергаемся постояннымъ нападеніямъ»; несчастные умоляютъ «исквитъ ихъ отъ явной смерти, призвавъ въ Константинополь»; если этого не будетъ—они «погибнутъ совершенно и сдѣлаются добычею восточнаго».

Насколько справедливы были всѣ эти жалобные вопли, это всего лучше объясняетъ дальнѣйшая исторія. Замѣтимъ, что на сторонѣ Іоанна и партіи его были комитъ Кандидіанъ и графъ Пріией: уже само по себѣ не вѣроятно, чтобы, состоя подъ столь сильной охраной, Іоаннъ и сторонники его могли подвергаться такимъ жестокимъ притѣсненіямъ, на какія жалуются въ своихъ посланіяхъ; и дальнѣйшая исторія дѣйствительно показываетъ, что всѣ оныя описанія бѣдствій были если не совершенная выдумка, по крайней мѣрѣ въ нѣсколько разъ преувеличены противъ того, что могло быть въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности только и было стѣснительнаго для противниковъ православія, что защитники его не позволяли еретикамъ входить въ святые храмы; но на такую мѣру они имѣли неоспоримыя права; что же касается до прочихъ видовъ притѣсненія, то мы, на основаніи и цѣлѣннѣ историческихкихъ и соображеній по дѣйствительному историческому теченію дѣла, должны сказать, что страдальцами за православіе были не Іоаннъ и его сторонники, а скорѣе св. Кирилль, Мемнонь и братья ихъ.

Защитники православія, по полученіи приведеннаго выше указа императорскаго, съ своей стороны послали было объясненіе къ императору, въ которомъ изображали ему истинное положеніе дѣла, что, на какомъ основаніи и въ какомъ

видѣ они сдѣлали относительно Несторія; но это донесеніе къ императору отъ православныхъ было задержано противниками православія. Соучастники Несторія въ Константинополь, какъ только узнали о изложеніи его, не известно въ какихъ видахъ захотѣли было утаить это изложеніе; для сего они сторожили на корабляхъ и на дорогахъ и не позволяли никому изъ членовъ святаго собора ни входить въ Константинополь, ни выходить изъ него; входили и выходили только тѣ, кто держалъ сторону врага Христова (Дѣян. вс. соб. т. I, стр. 857). Безпокойные такую зловредною предусмотрительностію Несторіанъ, отцы истиннаго собора вручили отъ себя посланіе одному нищему, для передачи епископамъ и монахамъ въ Константинополь; нищій скрылъ это посланіе внутри посоха и успѣлъ передать по назначенію. Посланіе собора, гдѣ описывался весь порядокъ дѣла и затѣмъ изображено было стѣснительное положеніе отцевъ собора, привело въ негодованіе православныхъ епископовъ и монаховъ, бывшихъ въ Константинополь: всѣ монастыри возстали и вмѣстѣ съ архимандритами отправились къ императорскимъ палатамъ съ пѣніемъ антифоновъ. Между архимандритами особенно видное мѣсто и значеніе имѣлъ въ то время св. Далматій, 48 лѣтъ не выходившій изъ своего монастыря. Представъ предъ лице императора, Далматій безбоязненно началъ изображать предъ нимъ стѣснительное положеніе отцевъ православія и напротивъ вопилъ благослѣпное положеніе враговъ православія: «соучастники Несторія, говорили между прочимъ св. Далматій императору, во множествѣ приходятъ и уходятъ невозбранно, а православные епископы въ стѣсненіи.»

Императоръ далъ обѣщаніе вызвать въ Константинополь довѣренныхъ отъ собора. Распоряженіе о вызовѣ изъ Ефеса довѣренныхъ епископовъ въ Константинополь дѣйствительно послѣдовало въ скорости, и епископы, отправленные отъ собора истинно православнаго, объясняли императору, что и какъ отцы сего собора сдѣлали относительно Несторія. Дѣло ихъ само по себѣ было право, безукоризненно; но этому дѣлу весьма много вредить посланный императоромъ чиновникъ Кандидіанъ. «Онъ, пишутъ отцы собора въ донесеніи къ импе-

ратору, дорожа дружбой съ Несторіемъ больше нежели благочестіемъ, старается произвести въ вѣсть предубѣжденіе, прежде нежели вы основательно узнаете, въ чемъ состоитъ дѣло. Кандиданъ во все время прелятствовалъ православнымъ доводить до свѣдѣнія императорскаго объ ихъ дѣйствіяхъ на соборѣ; все стараніе свое этотъ чиновникъ употреблялъ въ пользу Несторія. Еще большее стѣсненіе отцы православія испытали отъ другаго друга Несторіева, графа Иринея. «Мы были во всемъ стѣснены, свидѣтельствовали отцы православія, и не могли подробно описать вашему величеству того, что мы потерпѣли отъ знатнѣйшаго комита Иринея; онъ возмутилъ весь св. соборъ, и нѣкоторыми безпорядками и нападѣніями навелъ такой страхъ на епископовъ, что очень многие изъ нихъ опасались даже за самую жизнь».

Благодаря однакоже содѣйствію истинныхъ друзей православія въ Константинополѣ, отчасти вниманію императора, этой депутации удалось было съ перваго же разу объяснить, кому слѣдуетъ начиная отъ императора, истинное положеніе дѣла въ Ефесѣ. Это объясненіе должно было, конечно, склонить всѣхъ ревнующихъ объ истинной вѣрѣ на сторону св. Кирилла. Уже все было подготовлено къ окончательному рѣшенію дѣла въ пользу православія и св. Кирилла, какъ изъ Ефеса прибылъ въ Константинополь сильный сторонникъ и другъ Несторія и Иоанна Иринея. Сильныя связями при дворѣ, онъ успѣлъ въ короткое время разстроить все сдѣланное депутациею, посланною отъ св. Кирилла. Иринея, какъ самъ же и объясняетъ, успѣлъ собрать всѣхъ знатнѣйшихъ начальниковъ и чрезъ нихъ довести до слуха императоровъ обо всемъ, «что по жестокости сдѣлано было египтяниномъ» (разумѣется св. Кириллъ Александрійскій). Ходатайствомъ Иринея сдѣлано то, что императоръ назначилъ новое переислѣдованіе дѣла, которое должно было происходить въ присутствіи самаго императора и главныхъ сановниковъ. Какъ происходило это совѣщаніе, кто именно былъ защитникомъ св. Кирилла, не извѣстно; извѣстно только, что защитникъ св. Кирилла былъ преслѣдуемъ; тотчасъ же по совѣщаніи составлено и отлученіе «Египтянина». Сущность обвиненія на св. Кирилла выражена

была такъ: «Кириллъ и бывшіе съ нимъ все сдѣлали самовластно и противозаконно и потому подлежатъ за сдѣланное отлученію отъ церкви и другимъ наказаніямъ». Уже приготовлена была бумага для поднесенія императору, какъ на сторону защитниковъ св. Кирилла успѣлъ прибыть врачъ и синкеллъ (домашній секретарь) Кирилла Іоаннъ. Этотъ благочестивый и какъ видно смѣлый и рѣшительный человекъ успѣлъ снова возстановить поруганную правду. «Съ прибытіемъ Іоанна большая часть начальниковъ, по выраженію Иринея, какъ бы измѣнились, такъ что и слышать не хотѣли отъ него Иринея о томъ, о чемъ прежде передъ ними или даже ими самими было разсуждено». Какъ видно изъ дальнѣйшаго хода дѣла, врачу и синкеллу Кириллову Іоанну удалось только приостановить, но отнюдь не во все разстроить нечестивое предначертаніе противниковъ св. Кирилла, слишкомъ сильныхъ, чтобы можно было легко и скоро поразить ихъ. Благвременнымъ прибытіемъ защитника св. Кирилла сдѣлано было только то, что отсѣлъ мнѣніи сановниковъ, занимавшихся разсмотрѣніемъ спорнаго дѣла, раздѣлились: одни желали, чтобы оставалось въ силѣ все, что было доселѣ сдѣлано тою и другою стороною, т.-е. низверженіе и отлученіе какъ св. Кирилла и Мемнона, такъ и съ противной стороны Несторія; другіе требовали, чтобы всѣ эти взаимныя отлученія были преданы забвенію, чтобы соборъ изъ нѣсколькихъ епископовъ занялся снова переислѣдованіемъ дѣла и опредѣленіемъ ученія вѣры; иные требовали, чтобы выражена была слѣдственная коммиссія изъ Константинополя, для пересмотра всего дѣла на мѣстѣ. Императоръ, какъ видно заучававшій въ этихъ безконечныхъ взаимныхъ доносахъ и обвиненіяхъ со стороны спорившихъ сторонъ, признавъ полезнымъ для умиротворенія спорившихъ сторонъ низложить Несторія, св. Кирилла и Мемнона. Съ такимъ указомъ онъ и посылаетъ въ Ефесъ комита Іоанна, который по приведеніи въ исполненіе воли царской долженъ былъ сдѣлать то, что признаемъ полезнымъ относительно вѣры. Епископамъ же, находившимся въ Ефесѣ, предвѣсывалось, чтобы они приложили особенное пощеченіе къ тому, какъ бы разрѣшить всѣ недоумѣнія, уничтожить всѣ

Кирилл, так же как и соборъ, объясняетъ, что и комить Иоаннъ и указъ императорскій представляютъ все дѣло не правильно: не правда, будто Кириллъ и Мемнонъ низложены святымъ соборомъ; по этому-то св. Кириллъ находить нужнымъ предупредить духовныхъ константинопольскихъ, особенно архимандритовъ, чтобы они, когда комить Иоаннъ возвратится въ Константинополь, воспрепятствовали ему передать императору неправильныя свѣдѣнія объ истинномъ положеніи дѣлъ. О себѣ св. Кириллъ пишетъ, что онъ содержится подъ строгою стражею; «воины и спятъ передъ его дверями»: — о прочихъ сочленвахъ своего собора св. Кириллъ пишетъ, что все они извурены до чрезвычайности, многие уже померли, многие до того обѣдвали, что принуждены продавать свои вещи для того только, чтобы какъ-нибудь существовать. Сами отцы Ефесскаго собора о своемъ положеніи писали слѣдующее: «Есть для нихъ станвится темницею, гдѣ они заключены вотъ уже три мѣсяца; послать о себѣ извѣстіе въ Константинополь они не могутъ ни водою, ни сушею и должны уже прибѣгать къ мрамъ до крайности искусственнымъ, — пересѣдываю» и т. п. (объ одномъ изъ такихъ обстоятельствъ мы упоминали прежде). Причиною такихъ строгостей къ отцамъ собора — служить, по ихъ сообщеніямъ, ложные слухи, кои распространяются о нихъ со всехъ сторонъ и доходятъ до императора. Отцы собора Ефесскаго усердно просятъ духовныхъ константинопольскихъ припасть къ стопамъ императора и все ему объяснить; именно они должны объяснить императору: что св. соборъ, вовсе не намѣренъ былъ низлагать св. Кирилла и Мемнона; напротивъ онъ цѣлуетъ къ этимъ руководителямъ своимъ глубочайшее уваженіе, что святой соборъ не можетъ быть въ общеніи только съ еретическимъ сборищемъ Несторія и Иоанна Антиохійскаго. Отцы истиннаго собора увѣщаютъ духовныхъ константинопольскихъ, чтобы они именемъ всего св. собора просили императора освободить и возстановить св. Кирилла и Мемнона, освободить и прочихъ епископовъ собора изъ ихъ стѣснительнаго положенія, и повелѣть имъ или расходиться по своимъ мѣстамъ, или, если окажется то-

го достойными — предстать предъ лице императорское: иначе они все перемрутъ или отъ болѣзней, или отъ печали. Впрочемъ — прибавляютъ отцы истиннаго собора — еслибы намъ и умереть пришлось, мы и тогда не согласимся отступить отъ того, что опредѣлили».

Устроениемъ Божиимъ — клиру константинопольскому удалось представить императору и его званѣйшему синклиту «прошеніе и ходатайство» въ пользу отцевъ истиннаго собора. Защитники св. собора умоляютъ императора возстановить святаго Кирилла и Мемнона и утвердить опредѣленіе истиннаго собора Ефесскаго: соборъ этотъ былъ несравненно многочисленнѣе (около 200 епископовъ), чѣмъ собраніе 39 человекъ противной стороны. Если св. Кириллъ предводитель собора противозаконно подвергается наказанію, то это относится и ко всему собору, который во всемъ съ нимъ согласенъ; въ лицѣ Кирилла и Мемнона подвергаются наказанію и все епископы. Но боголюбезные императоры должны же позаботиться о томъ, чтобы церковь, которая и ихъ воспитала какъ мать, не была раздирема и чтобы не возобладалъ снова въ насъ мученичества.

Сторонники Несторія и Иоанна Антиохійскаго въ свою очередь употребляли всевозможныя усилія къ тому, чтобы склонить императоровъ на свою сторону. Они отправляютъ съ комитомъ Иоанномъ отъ себя объясненіе императору, гдѣ, восхваляя распоряженіе императора о низложеніи св. Кирилла, выражаются между прочаимъ, что эта мѣра есть единственное средство къ тому, чтобы успокоить весь міръ, приведенный въ смущеніе египтяниномъ (т. е. св. Кирилломъ). «Но прибытіи въ Ефесъ императорскаго указа, пишутъ сторонники Несторія, они прежде всего постѣили осудить анаематизма Кирилловы, противорѣчаще евангельскому и апостольскому ученію, анаематизма, въ которыхъ святой Кириллъ будто бы держаетъ изречать анаемому «на всехъ — прежде бывшихъ святыхъ»; къ согласію на эти анаематизмы, по объясненію Несторіанъ, св. Кириллъ склонялъ сочленовъ своихъ воспользовавшись невѣдѣніемъ однихъ, болѣзнію другихъ — и всего болѣе употребивъ хитрость и же-

стокость. Они—сторонники Несторія и Иоанна Антиохійскаго, въ согласіи съ комитомъ Иоанномъ читались было склонить на свою сторону епископовъ, прельщенныхъ Кирилломъ, склонить къ тому, чтобы они признали анаематизмы Кириллова погрѣшительными; но члены Кирилловы отъ этого приглашенія уклонились и имя—сторонникамъ Иоанна ничего болѣе не остается, какъ исповѣдать истинную вѣру и оныя положенія погрѣшительныя отвергнуть. Символь Никейскій не требуетъ никакихъ добавленій; если же императоръ желаетъ слышать изъясненіе—въ разсужденіи о Пресвятой Дѣвѣ и Богородицѣ, то они при помощи Божіей—въ отраженіе своихъ противниковъ исповѣдуютъ: «что Господь нашъ Иисусъ Христосъ, Единородный Сынъ Божій—истинный Богъ и истинный человекъ, прежде всѣхъ временъ рожденъ отъ Отца по Божеству, въ концѣ же времени ради насъ и ради нашего спасенія родился отъ Дѣвы по человечеству, и есть единого съ нами существа, т. е. по человечеству. Два естества между собою соединились, и потому мы исповѣдуемъ единого Христа, единого Господа и единого Сына. Ради сего соединенія (которое однакоже несмѣсимо) мы исповѣдуемъ, что св. Дѣва есть Богородица, послану Богъ Слово сдѣлался плотью, и чрезъ воплощеніе—отъ начала соединилъ съ собою храмъ, который Овъ воспринялъ отъ Дѣвы». Приведши это исповѣданіе сторонники Иоанна просятъ императора, чтобы оныя поддержалъ вѣру, поколебленную «египетскими положеніями», и чтобы отъ всѣхъ епископовъ потребовалъ отверженія тѣхъ положеній и подлинъ исповѣданія Никейскаго; если не будутъ отвергнуты анаематизмы Кириллова, прибавляютъ сторонники Иоанна, то невозможно будетъ и водворить миръ въ церкви.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ дальнѣйшему изложенію послѣдующихъ обстоятельствъ, замѣтимъ здѣсь, что въ приведенномъ исповѣданіи значительно сглажены рѣзкости лежученія чисто несторіанскаго; исповѣданіе обнаруживаетъ значительный поворотъ на сторону православія, отъ чего, какъ показала исторія дальнѣйшая, между самими несторіанами произошло раздѣленіе, такъ какъ нѣкоторые изъ ихъ же стороны

ле хотѣли сего исповѣданія подписать, напр. Александръ епископъ Иеропольскій. Какъ бы то ни было, только замѣтно, что сама противная, еретическая сторона высказала значительную уступку сторонѣ православныхъ; она принимаетъ слово «Богородица». Это одно важное обстоятельство, которое нужно принять къ свѣдѣнію при соображеніи дальнѣйшаго хода дѣлъ. Между тѣмъ и ходатайство друзей православія, бывшихъ въ Константинополь, передъ императоромъ не осталось безуспѣшнымъ. Они пишутъ между прочимъ отцамъ собора Евескаго, что императоръ начинаетъ наконецъ лучше думать объ отцахъ истиннаго собора. Какимъ способомъ совершилась эта благотворная перемена, для насъ осталось неизвѣстнымъ; мы знаемъ только, что императоръ на просьбу истинныхъ оцѣвъ православія склонился и пожелалъ лично слышать депутатовъ съ той и другой стороны. Указъ императора о приглашеніи депутатовъ съ той и другой стороны въ Константинополь до насъ не сохранился, и мы знаемъ о немъ уже изъ послѣдующаго хода дѣлъ. Комитъ Иоаннъ объявилъ эту волю государя той и другой сторонѣ и спорившіе епископы отправляютъ отъ себя по 8 человекъ въ Константинополь; со стороны православныхъ отправились два папскихъ легата, Ювеналій еп. Иерусалимскій, Флавианъ Филиппійскій, Фирмъ-Кессарій Каппадокійскій, Феодотъ Анкирскій, Аканій Мелетисскій и Евотпій Итолемаидскій (изъ Африки); со стороны противниковъ отправились: Иоаннъ Антиохійскій, Иоаннъ Дамаскскій, Памерій Никомидійскій, Павелъ Емизскій, Макарій Ласдикійскій, Аурингій Халкидскій, Феодоритъ Керскій и Елладій Итолемаидскій (изъ Финліи); св. Кириллъ и Мемнонь все еще оставались подъ стражей. Тѣ и другіе изъ депутатовъ снабжены были отъ своихъ сторонниковъ, оставшихся въ Евесѣ, инструкціями, сущность которыхъ состояла въ томъ, что православные не должны были входить въ соглашеніе съ несторіанами, доколѣ не будетъ подписано изложеніе Несторія, а несторіанская сторона не должна была входить въ соглашеніе съ православными, доколѣ не будутъ отвергнуты анаематизмы Кириллова. Депутаты уже достигли Халкидона, какъ здѣсь получено было император-

ское распоряженіе, чтобы они остановились здѣсь для взаимныхъ совѣщаній и ожидали прибытія императорскаго.^(а) Императоръ прибылъ въ Халкидонъ, и разсужденія начались; православные прежде предъявили желаніе, чтобы освобождены были изъ-подъ стражи св. Кириллъ и Мемнонь, чтобы Несторій былъ изложенъ и ученіе его было подвергнуто проклятію; партія противная заявила, что она не согласится вступить ни въ какія сношенія съ сторонниками св. Кирилла, — съ этими (мнимыми) отступниками отъ православной вѣры, доколѣ они не отвергнутъ еретическія главы (анаематизмы Кирилловы). Теодоритъ Кирскій (одинъ изъ членовъ комиссіи, бывшихъ въ Халкидонѣ) началъ было укорять православныхъ: «они утверждаютъ, что одно естество во Христѣ Божеское и вмѣстѣ человѣческое» (см. посл. Теод. къ епископу Іеропольскому: Д. В. соб. т. I, стр. 828). Іоаннъ Антиохійскій приписывалъ было православнымъ убѣжденіа, что Богъ подверженъ страданіямъ, что одно естество и тѣла и Божества (см. бесѣд. Іоанна Антиох. въ Халкид. Д. В. С. т. I, стр. 836); и другіе изъ епископовъ, составившихъ эту же комиссію, завляли на православныхъ обвиненіе, будто они учатъ, что страдало божество Единороднаго Сына Божіа, а не человѣчество, которое Онъ принялъ ради нашего спасенія; что изъ Божества и человѣчества произошло одно естество; будто Божество подвергалось нѣкоторой перемѣнѣ, и измѣнилось въ плоть (т. I, стр. 842). Всѣ эти и подобныя обвиненія на православныхъ не имѣли для себя никакого основанія: истинные выразители церковнаго ученія были весьма строги и точны въ своихъ выраженіяхъ, чтобы могли допустить гдѣ-нибудь и когда-нибудь выраженія подобныя тѣмъ, какія приводили имъ въ укоризну^(б). Какъ скоро защитники пра-

(а) Допустить депутатовъ до Константинополя найдено было опаснымъ потому, что въ Константинополѣ могли открыться возмущенія, по причинѣ сосредоточенія тамъ людей, особенно интересовавшихся предметомъ преній.

(б) Здѣсь мы находимъ нужнымъ замѣтить, что еще во время пребыванія своего въ Ефесѣ, когда еще не было рѣшительныхъ распоряженій отъ правительства, Теодоритъ составилъ пространное опроверженіе на анаематизмы св. Кирилла; св. Кириллъ по-

православія улучили возможность изложить свое ученіе спокойно, безъ прегрѣвно шума и преврательствъ съ противной стороны, то скоро же и оказалось, что имъ приписываютъ джеученія измышленныя, что сами они вовсе не преподають такого ученія, какое приписываютъ имъ. Іоаннъ Антиохійскій и сторонники его обвиняли напр. св. Кирилла въ арианствѣ, евноміанствѣ, ашоллваріанствѣ: но это была такая несправедливость, больше которой едвали можно и вообразить. Отсель весьма понятнымъ становится, почему нѣкоторые изъ депутатовъ, вначалѣ бывшіе на сторонѣ Несторія, стали переходить на сторону православныхъ и «подписали 12 главъ переходящихъ на сторону православныхъ и «подписали 12 главъ Кирилла Александрійскаго»^(а). Понятно также, какія послѣдствія должны были имѣть эти разсужденія комиссіи въ Халкидонѣ для рѣшенія участи главныхъ дѣятелей въ этихъ сношеніяхъ. Еще комиссія не была распушена, какъ въ Ефесѣ получено было предписаніе всѣхъ трехъ первенствующихъ дѣятелей въ этой исторіи освободить: только св. Кириллъ и Мемнонь были оставлены въ ихъ прежнихъ правахъ, а Несторію повелѣно было отправиться куда ему угодно, или, какъ выражается другой памятникъ, Несторій «увольнялся въ мѣсто своего прежняго пребыванія, т. -е. въ Антиохію, откуда прибылъ на престолъ Константинопольскій» (Дѣян. всел. соб. т. I, стр. 852). Когда сторонники Несторія начинали было защищать свое дѣло и личность Несторія, то императоръ отвѣчалъ: «я знаю, что вы дѣлаете не хорошія собранія»; а ходатайствовавшимъ о Несторіѣ сказалъ, «чтобы ему, т. -е. императору, даже и не напоминали объ этомъ человѣкѣ». Надобно сказать, однакожь, что изложеніе Несторія и заключеніе въ Антиохійскій монастырь теперь пока еще прикрыто было нѣкоторыми знаками почтенія къ Несторію, изъ уваженія къ его принимаемому положенію; но скоро правительст-

вѣншіе составили еще болѣе пространное опроверженіе на Теодорита. Эта полемика много содѣйствовала къ равнѣсенію спорнаго дѣла, и на совѣщаніяхъ бывшихъ въ Халкидонѣ, и той и другой сторонѣ удобно было уразумѣть сущность ученія стороны не согласной съ нею. Подробнѣе о полемикѣ между Теодоритомъ и св. Кирилломъ Александрійскимъ будетъ сказано впоследствии.

(а) См. посл. Теод. къ еп. Іеропольскому. Д. В. С. т. I стр. 827.

во увидѣло, что мягкія мѣры въ отношеніи къ еретикамъ не удобно ведутъ къ желанной цѣли, и потому нашло нужнымъ произвести надъ Несторіемъ приговоръ несравненно болѣе строгій. По прошествіи нѣкотораго времени, депутация епископовъ, асѣдывшихъ въ Халкидонѣ, переведена была въ Константинополь и епископамъ православнымъ повелѣно было избрать преемника Несторію. На катедру Константинопольскую былъ избранъ и рукоположенъ Максиміанъ. Теперь Несторію повелѣно было отправиться въ ссылку въ Петру (Дѣя. всел. соб. т. 2, с. 299); прочимъ епископамъ повелѣно возвратиться въ свои провинціи и города. Св. Кириллъ прибылъ въ Александрію 30 октября и городъ привѣлъ его, какъ выражается одинъ памятникъ, съ величайшимъ восторгомъ и честью (см. Декретъ объ изгнаніи Несторія, Дѣя. всел. соб. т. 2. стр. 298).

Получивъ извѣстіе о позволеніи возвратиться въ Александрію, а можетъ быть и по возвращеніи своемъ въ Александрію, св. Кириллъ еще разъ писалъ къ императору Феодосію обширное посланіе, гдѣ спокойной, тономъ много потерпѣшаго, но всепрощающаго страдальца, изображаетъ истинный ходъ дѣлъ во все время Ефесскаго собора, и это посланіе, рисующее намъ въ величественномъ свѣтѣ св. Кирилла, производитъ особенно удивительное впечатлѣніе изъ всехъ памятниконъ относящихся къ исторіи Ефесскаго собора⁶⁾. Такимъ благотворнымъ, утѣшительнымъ результатомъ разрѣшились эти бурныя пренія, возмущившія весь тогдашній христіанскій міръ! Благодаря участию благонамѣреннаго и благочестиваго императора, темная вражда лежеченъ обезпечена и неизмѣннымъ защитникамъ православія воздано должное по справедливости. Но внутренняго примиренія между спорившими сторонами и теперь еще не послѣдовало; противники православія, защитники Несторія все еще вѣрно настаивали на своихъ прежнихъ требованіяхъ, и, не смѣя вредить безопасности защитниковъ православія вѣншимъ обра-

(а) Приводить здѣсь это посланіе мы не станемъ; желающіе читать его могутъ видѣть его въ Дѣя. всел. соб., изд. Каз. акад. т. 2. стр. 262 и слѣд.

зомъ (такъ какъ ихъ безопасность была обезпечена хранителями общаго спокойствія), изощрили противъ нихъ свое слово. Особенно вѣрно за Несторія стоялъ и особенно сильно нападалъ на святаго Кирилла Феодоритъ; къ Феодориту прикнулъ Александръ епископъ Терапольскій, Мелетій Молсуеугскій, Андрей Самосатскій; всѣ они и съ ними не мало другихъ сообщниковъ составляли партію противодѣйствія православнымъ, которое продолжалось долгое время и по закрытіи Ефесскаго собора.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ памятникъ, существенно относящійся къ исторіи Ефесскаго собора, — правила сего собора.

Авторъ «Опыта курса церковнаго законодѣнія», блаженный памяти преосвященный Смоленскій Іоаннъ замѣчаетъ, что Ефесскій соборъ особыхъ правилъ для церковнаго благочинія, какъ другіе соборы, не составлялъ (т. 2. стр. 241). Тѣ правила, которыя помѣщаются съ именемъ Ефесскаго собора въ собраніи церковныхъ канононъ, преосвященный Іоаннъ называетъ извлеченіемъ изъ окружающаго посланія, отправленнаго отъ лица собора ко всемъ церквамъ. Но такое сужденіе о правилахъ Ефесскаго собора не подтверждается ни собраніемъ дѣяній соборныхъ, ни самымъ содержаніемъ правилъ сего собора; и на основаніи хода самыхъ дѣяній соборныхъ и изъ разсмотрѣнія самихъ правилъ съ болѣею основательностію можно сказать, что правила св. Ефесскаго собора были составлены отцами св. собора какъ особыя, положительныя правила, а не составляютъ только «извлеченія изъ обружнаго посланія». Дѣянія Ефесскаго собора показываютъ, что посланіе отъ лица собора было разслано само собою, а правила при этомъ посланіи были сами по себѣ.

Труднѣе рѣшеніе вопроса: когда были составлены правила Ефесскаго собора?

Изъ обружнаго посланія, при коемъ были приложены правила Ефесскаго собора, видно, что правила сіи писаны уже послѣ того какъ Іоаннъ Антиохійскій явилъ я въ Ефесъ и заливилъ свое отпаденіе отъ отцевъ истиннаго собора; следовательно—правила составлены не въ первое засѣданіе собора;

изъ содержания самыхъ правилъ видно, что Несторій, въ то время когда были составлены правила, былъ еще въ силѣ; такъ онъ представляется еще въ состояніи отлучать отъ церкви и принимать въ свое общеніе тѣхъ, кои отлучены епископами православными; отсюда видно, что правила писаны прежде заключенія Несторія подъ стражу и послѣдовавшаго вскорѣ за тѣмъ ошочательнаго низложенія его. Принимая во вниманіе эти два замѣчанія, мы получаемъ основаніе сказать, что правила Ефесскаго собора составлены были въ періодъ времени между первымъ засѣданіемъ и окончательнымъ закрытіемъ собора. Судя по тому, что изложеніе правилъ Ефесскаго собора, въ Дѣяніяхъ соборныхъ стоитъ въ связи съ дѣломъ о Харисіи, которое, какъ видно по актамъ собора, было разсматриваемо въ 6-мъ засѣданіи, изъ дѣловъ объ управленіи кипрской церкви, разсмотренномъ въ засѣданіи 7-мъ, мы должны сказать, что правила Ефесскаго собора были составлены отцами сего собора не прежде 7-го засѣданія, но въ какое именно засѣданіе, рѣшить сего по недостатку указаній въ памятникахъ невозможно.

Сколько правилъ было составлено отцами Ефесскаго собора? Рѣшеніе сего вопроса стоитъ въ зависимости отъ того, причислять ли къ правиламъ собора разсужденія и опредѣленія отцевъ собора по дѣлу о Харисіи пресвитеръ и по дѣлу объ управленіи Кипрской церкви. Въ некоторыхъ кодексахъ Ефесскому собору приписываются только 6 правилъ; но тамъ не включаются въ число правилъ упомянуты нами разсужденія отцевъ собора о Харисіи и о Кипрской церкви; въ иныхъ кодексахъ эти разсужденія отцевъ причисляются къ правиламъ и съ именемъ Ефесскаго собора представляются 8 правилъ. Зонара и Вальсамонъ между правилами Ефесскаго собора считаютъ 8;—8 правилъ значится и въ нашей Книгѣ правилъ, изд. свѣтѣйшимъ синодомъ.—Еще одно, предварительное замѣчаніе относительно правилъ Ефесскаго собора: ни въ одномъ соборѣ не замѣчается такой живой органической связи между исторією собора и его правилами, какая замѣчается между исторією и правилами собора Ефесскаго. Правила Ефесскаго собора суть, можно сказать, живая копія всей исто-

рій разсужденій и преній, бывшихъ во время Ефесскаго собора, и во многихъ чертахъ выражаютъ собою истинную, дѣйствительную жизнь и дѣятельность членовъ собора и прочихъ вѣрующахъ того времени.

Правило 1. Доколѣ предметъ изысканій не былъ изслѣдованъ всесторонне, доколѣ не состоялось обоюднаго соглашенія между спорившими сторонами, доколѣ очень естественно могло происходить, что члены собора и даже митрополиты могли переходить отъ одной стороны на другую. Въ исторіи дѣяній соборныхъ мы видимъ, что одинъ разъ, напротивъ, сторона Іоанна Антиохійскаго усилилась приращеніемъ 4 членовъ; въ другой разъ изъ нея убыло 7 епископовъ (см. Д. В. С. т. 1 стр. 637) на сторону православныхъ: вообще говоря, вся исторія Ефесскаго собора показываетъ нѣсколько случаевъ, что мѣтнія и убѣжденія у членовъ собора измѣнялись, и съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнялись и ихъ отношенія къ той или другой сторонѣ. Первое правило Ефесскаго собора въ свою очередь представляетъ съ одной стороны и живое подтвержденіе того, что такъ именно и было въ дѣйствительности во время Ефесскаго собора, съ другой—нужное противодѣйствіе этой шаткости и этому колебанію членовъ собора. Еслибы какой митрополитъ, гласитъ правило, рѣшился отступить отъ святаго и вселенскаго собора и присоединиться къ отступническому соимцу (очевидно разумѣется сторона Несторія и Іоанна Антиохійскаго), или будетъ мудрствовать какъ Целестинъ (разумѣется одинъ изъ первыхъ сотрудниковъ Пелагія, распространявшій Пелагіанское ученіе въ Ефесѣ)^(*); таковой, какъ изверженный святымъ соборомъ отъ всякаго церковнаго общенія и недействительный, не только не можетъ ничего дѣлать противъ епископовъ своей области, но еще будетъ подлежать суду тѣхъ самыхъ православныхъ епископовъ области и окрестныхъ митрополитовъ

(*) Замѣчательно, что многие изъ исследователей Пелагія и Целестина приняли сторону Несторіанскую и постоянно упоминаются въ дѣлахъ соборныхъ на сторонѣ Іоанна Антиохійскаго (см. Дѣл. 5-е). Поэтому-то Ев. соборъ и упоминается въ своемъ правилѣ о Целестиновомъ мудрованіи.

Этого судъ надъ митрополитомъ, отступившимъ отъ сообщеннаго съ православными, смотря по качеству вины подлежащаго, можетъ кончиться совершеннымъ изверженіемъ его изъ епископскаго сана

Правило 2 Второе правило, такъ же какъ и первое, предусматриваетъ и старается предотвратить возможность колебательнаго отношенія къ спорному дѣлу въ епископахъ. Правильно имѣеть въ виду епископовъ, по отсутствію не принимающихъ личнаго участія въ засѣданіяхъ собора. Очень могло быть, что кто-нибудь изъ сихъ отсутствовавшихъ епископовъ приметъ сторону отступниковъ отъ собора православнаго, и что даже между тѣми, кои прежде подписали изверженіе Несторія ^(г), найдутся такіе, кои перейдутъ къ отступническому сообщенію. Какъ тѣхъ такъ и другихъ св. соборъ извергаетъ со степеніи епископства и лишаетъ степеніи священства.

Правило 3. Еще при первомъ возникновеніи несторіанскихъ преній, какъ мы видѣли, Несторій, какъ скоро замѣтилъ, что православные съ разныхъ сторонъ начинаютъ ему противодѣйствовать, то между различными видами наказаній своимъ противникамъ употребилъ и то, что лицамъ, имѣющимъ степень священства, запретилъ священнодѣйствовать. Весьма вѣроятно, что это запрещеніе священнодѣйствовать продолжало тяготѣть надъ запрещенными во все продолженіе преній и значительно тяготило подпавшихъ сему запрещенію. Св. соборъ епископовъ православныхъ это запрещеніе, вложенное Несторіемъ и его сообщниками на православныхъ, съ нихъ снимаетъ и возвращаетъ имъ право снова воспріять степень священства, какову имѣли. Вторая половина сего правила дѣлаетъ изъ сего случая обобщеніе, и на будущее время вообще постановляетъ, чтобы единоумудреующіе съ православнымъ и вселенскимъ соборомъ члены клира огню

(г) Здѣсь по всей вѣроятности разумѣются тѣ подписи, кои должны были давать епископы по полученіи ими извѣдженія о изложеніи Несторія на первомъ засѣданіи св. собора. Мы видѣли, что какъ скоро состоялось на томъ засѣданіи изложеніе Несторія, то на другой же день было разослано о семъ извѣдженіи къ епископамъ, не бывшимъ на соборѣ лично

никакимъ образомъ не были подчинены отступившимъ или отступающимъ отъ православія епископамъ, т.-е. какъ скоро епископъ заражается ересью, то клирикъ подчиненный ему освобождается отъ обязанности быть къ нему въ повиновеніи, и конечно ожидаютъ распоряженій отъ собора епископовъ православныхъ.

4-ое правило Ефесскаго собора извергаетъ изъ священнаго чина клириковъ, кои дерзнули бы держаться лжеученія Несторіева или Целестіева, т.-е. Пелагіанскаго.

5-ое правило особенно замѣтно стоитъ въ живой связи съ тогдашними обстоятельствомъ и живо напоминаетъ себѣ одно изъ бывшихъ тогда происшествій. О происшествіи этомъ мы въ свое время уже упоминали и теперь по связи рѣчи и для ясности изложенія не излишнимъ находимъ несколько словъ о немъ повторить, — именно: въ правленіе патріарха Константинопольскаго Аттика, въ Константинополь былъ мѣстный соборъ, на которомъ произнесено было осужденіе на ученіе Пелагіана; такъ какъ въ то время въ восточной и западной церкви были въ полномъ согласіи, то рѣшеніе Константинопольскаго собора было уважено и принято въ Римѣ. Въслѣдствіе сего опредѣленія о Пелагіанахъ нѣкоторые изъ епископовъ, по обвиненію въ пелагіанствѣ, подверглись изложению. Четверо изъ такихъ изложенныхъ епископовъ: Юліанъ, Флоръ, Оростъ и Фабій, несмотря на то, что имѣли свои кафедры въ какихъ-то областяхъ западной имперіи (см. пос. Нестор. къ папѣ Целестину, Д. В. С. т. 1. стр. 341.), обратились за поддержкою къ Несторію; и Константинопольскій епископъ въ самомъ дѣлѣ являлся было ходатайствовать предъ Римскимъ папою за помянутыхъ епископовъ. Объ успѣхахъ сего ходатайства нечего было, конечно, и помышлять, когда падъ самимъ Несторіемъ навела уже и гонима была разразиться буря. Но для насъ въ настоящемъ случаѣ важенъ самый фактъ, что Несторій брался ходатайствовать и защищать епископовъ, подверженныхъ отлученію законнымъ соборомъ епископовъ. Весьма вѣроятно, что по этому (и конечно по многимъ подобнымъ) поводу св. соборъ составляетъ опредѣленіе: ежели кто-нибудь за непримиримыя

дѣла осуждены будутъ соборомъ или собственными епископами. Несторій же и его епископы, вопреки правиламъ, покусаясь возвратити имъ общеніе съ церковію, или степень священства: св. соборъ признаетъ все это для восстановленныхъ базисными, и отлученные закономъ должны оставаться изверженными изъ священнаго чина.

6-ое правило какъ бы снова подтверждаетъ всѣ постановленія, сдѣланныя святымъ соборомъ, когда внушаетъ, чтобы все, постановленное св. соборомъ, было хранимо твердо, и опредѣляетъ, что елибы нѣкоторые восхотѣли какимъ бы то ни было образомъ поколебать то, что о каждомъ изъ нихъ учинено святымъ соборомъ, то таковыя, если они епископы или вообще принадлежатъ къ клиру, совершенно должны быть извержены отъ степеней священства, ежели міряне—отлучены отъ общенія церковнаго.

7-ое правило Ефесскаго собора содержитъ въ себѣ извѣстное въ изложеніяхъ догматическаго ученія запрещеніе на будущее время составлять новыя ереси исповѣданія или символы. Наводомъ къ сему правилу послужило слѣдующее обстоятельство. На одномъ изъ засѣданій Ефесскаго собора, Харисій, пресвитеръ и эконокъ Флладельфійской церкви, донесъ святому собору, что соучастники нечестія Несторіева, пресвитеры Анастасій и Фотій прислали въ Лидію, къ епископамъ этой области, нѣкихъ Антонія и Іакова пресвитеровъ съ рекомендательными о нихъ письмами, какъ о людяхъ безупречно православныхъ. Іаковъ, пришедъ въ Лидійскій городъ Флладельфидъ, обольстилъ нѣкоторыхъ «простѣйшихъ», какъ выражался Харисій, клириковъ и склонилъ ихъ подписать изложеніе вѣры, содержавшее въ себѣ ученіе, очевидно несторіанское. Несторіане, пролагая такимъ способомъ въ Лидію путь себѣ, въ то же время замыслили подавить тамъ ученіе православное, такъ что Харисія наипрѣмъ, предъавителя излагаемой жалобы, какъ еретика отлучили отъ церковнаго общенія и запретила ему священнослуженіе. Достигнуть этого друзьямъ Несторія было, какъ видно, весьма удобно, потому что въ числѣ обличенныхъ ими упоминаются и епископы Лидійскіе (напримѣръ Зеновъ). Въ исповѣданіи, какое усили-

вался было ввести въ церковное употребленіе еретикъ Іаковъ, — въ членѣ о Сынѣ Божіемъ между прочимъ читалось: «Господь Богъ Слово воспріялъ совершеннаго человѣка отъ съмени Авраама и Давида; сего человѣка, одинаковаго съ нами по существу, силою св. Духа образованнаго въ утробѣ Дѣвы, — Онъ неизреченно соединилъ съ Собою, допустилъ его претерпѣть смерть, по закону существа человѣческаго, воскресилъ изъ мертвыхъ, возвелъ на небо, и посадилъ одесную Бога» и т. п. ⁽⁴⁾ Это то исповѣданіе, написанное несторіанскими мыслями и выраженіями, Іаковъ предлагалъ подписывать всѣмъ, кои желали считать себя въ числѣ православныхъ, «соблюдающихъ церковныя догматы», и кои желали перейти отъ какого нибудь еретическаго заблужденія къ истинѣ. И жеучителю дѣйствительно удалось склонить на сторону сего исповѣданія значительное число православныхъ и еще болѣе значительное число такъ называемыхъ четырехдесятниковъ ⁽⁵⁾. Какъ видно по дѣяніямъ собора, около этого времени значительное число четырехдесятниковъ рѣшились обратиться къ церкви православныхъ, и Іаковъ всѣхъ ихъ склонилъ подписать свое исповѣданіе несторіанское. Когда православный пресвитеръ Харисій все это объяснилъ Отцамъ св. собора и представилъ имъ на разсмотрѣніе самое исповѣданіе, какое распространяютъ Несторіане при посредствѣ Іакова, то соборъ, поелику усмотрѣлъ въ разсматриваемомъ исповѣданіи очевидныя признаки несторіанства, постановилъ, чтобы на будущее время никому не позволено было ни произносить, ни печатать или слагать новую вѣру (т. е. иное исповѣданіе вѣры) кромѣ той, которая опредѣлена съ отцами, со святымъ Духомъ сошедшими въ городъ Никей; кто же дерзнетъ составлять иное исповѣданіе, и предлагать свое новосоставленное исповѣданіе — желающимъ обращаться къ православію отъ язычества или отъ Іудейства или отъ какой

(4) Въ подлинникѣ это исповѣданіе можно читать въ Д. Всел. Соб. т. 1, стр. 746 и слѣд.

(5) Наименованіе это было усвоено тѣмъ христіанамъ, кои праздновали Пасху въ одно время съ Іудеями, 14 числа мѣсяца нисана.

ереси, — таковые, ежели они епископы, или принадлежат клиру, — да будут чужды — епископы епископства, клирики — клира; а ежели миряне, то да будут преданы анаемъ. Вторая половина сего правила изрекаетъ сужденіе на самое изложение вѣры, послужившее поводомъ къ составленію приведеннаго нами постановленія, равно и на всехъ епископовъ, клириковъ и мирявъ, кои рѣшившись бы мудрствовать о воплощеніи Единороднаго Сына Божія согласно съ представленнымъ отъ Харисія исповѣданіемъ. Все таковыя «мудрствующіе согласно сквернымъ и развращеннымъ несторіевымъ догматамъ» подвергаются: епископы лишению епископства, клирики извергаются изъ клира, миряне да будутъ преданы анаемъ.

8-е и послѣднее правило Ефесскаго собора посвящено разсужденію о дѣлѣ касавшемся управленія Кипрской церкви. Незвѣстно, на какомъ основаніи, но, по всей вѣроятности, увлекшись примѣромъ тѣхъ отношеній, въ какихъ стояли между собою въ Кипрѣ и Антиохіи власти гражданская и воинская ⁽²⁾, и правитель въ Антиохіи церковный заявилъ притязаніе подчинить своему управленію церковь Кипрскую; видимымъ знакомъ подчиненности Кипрской церкви митрополиту Антиохійскому должно было служить, по намѣреніямъ властолюбца, то, что онъ митрополитъ Антиохіи будетъ (по крайней мѣрѣ онъ заявлялъ такое притязаніе) совершать поставленіе епископовъ для Кипрской церкви. Въ то время какъ продолжались еще занятія Ефесскаго собора, скончался Кипрскій митрополитъ Теодоръ (Д. В. С. т. 2, стр. 6) Киръ Антиохійской церкви, дѣйствовавшій безъ всякаго сомнѣнія въ духѣ и по распоряженію своего митрополита, обратился къ воинскому начальнику Антиохіи съ просьбою, чтобы онъ послалъ отъ себя приказъ къ начальнику области Кипрской — о томъ, чтобы избраніе преемника умершему митрополиту на о. Кипрѣ совершаемо не было, а чтобы это дѣло перенесено было на соборъ, каменію въ распоряженіе стороны Антиохійцевъ. Воинскій начальникъ Антиохіи Флавій Діонисій

(2) Въ гражданскомъ и воинскомъ отношеніи область Кипрская была въ зависимости отъ правителя Антиохіи (см. Д. В. С. т. 2, стр. 8. Вальсамовъ и Зонара на 8-е правило Ефес. собора)

дѣйствительно прислалъ приказъ въ этомъ смыслѣ Теодору правителю области Кипрской, угрожая даже, за неисполненіе этого приказа, взысканіемъ. Но еще прежде чѣмъ пришелъ этотъ указъ на о. Кипрѣ, тамъ уже избранъ былъ соборомъ своихъ епископовъ въ преемники Теодору, Ригивъ. Этотъ-то Ригивъ — епископъ города Констанція, Кипрской митрополи, прибывъ въ Ефесъ къ отцамъ собора вмѣстѣ съ другими епископами Кипрской области Зиномомъ и Евagriемъ, заявилъ предъ соборомъ о нововводимыхъ притязаніяхъ со стороны Антиохійскаго митрополита на церковь Кипрскую и просили опредѣленія на сей предметъ соборнаго. Св. соборъ прежде всего обратилъ вниманіе на то, — какъ производимо было избраніе митрополита Кипрской области досель? Прибывшіе изъ Кипрской области на соборъ епископы объявили, что до сихъ поръ избраніе ихъ митрополита было совершаемо соборомъ мѣстнымъ, что и недавно почившій Теодоръ, и Тривъ и предшественникъ его Сабинъ, и прежде нахъ бывшій, досель уважаемый св. Епископъ, все поставлено было на островѣ Кипрѣ, и никогда ни Антиохійскій епископъ, ни другой кто либо не имѣли права рукоположенія въ Кипрской области. Отцы св. собора Ефесскаго нашли такой порядокъ поставленія митрополита для Кипрской области совершенно правильнымъ, тѣмъ паче, что и первымъ вселенскимъ соборомъ постановлено правило, которое «охраняетъ вначальныя преимущества каждой церкви» (разумѣется правила 6 е). Вслѣдствіе сихъ соображеній св. соборъ опредѣлилъ, что притязаніе Антиохійскаго митрополита на церковь Кипрскую противно церковнымъ правиламъ, что Антиохійскій митрополитъ совершать рукоположеніе епископа для Кипрской области права не имѣетъ, что предстоятели Кипрской церкви будутъ сохранять неприкосновеннымъ и ненарушимымъ свое право — самимъ совершать рукоположеніе благоговѣннѣйшихъ епископовъ. Что постановлено въ разсужденіи области Кипрской, тоже должно быть приложено и къ областямъ другимъ; и въ другихъ округахъ и во всѣхъ областяхъ никто изъ епископовъ не долженъ занимать чужой области, которая прежде и издревле не признавала надъ со-

бою власти ни его, ни его предшественниковъ. Если же кто занялъ чужую область, тотъ долженъ возвратитъ ее, чтобы правило отцевъ не было нарушено, чтобы подъ видомъ священнодѣйствія не вбродивалась надмѣнность власти мѣрской. Если бы кто рѣшился предложить постановленіе противное сему, то постановленіе такое, какъ не согласное съ опредѣленіемъ св. и вселенскаго собора объявляется недействительнымъ. Вероятно по вимизію къ особой удобоприимчивости этого постановленія на практикѣ, св. соборъ нарочито предлагаетъ, чтобы каждый митрополитъ для своего удостовѣренія взялъ себѣ списокъ съ сего постановленія.

Не включены отцами Евсеевскаго собора въ составъ обязательныхъ правилъ, но имѣли существенное отношеніе къ исторіи Евсеевскаго собора и даже присоединены въ видъ прибавленія къ правиламъ Евсеевскаго собора—разсужденія и опредѣленіе отцевъ Евсеевскаго собора по дѣлу Евстазія, митрополита Памфилійскаго.

Евстазію не извѣстно отъ какихъ причинъ и обстоятельствъ, впадъ въ душевное разстройство; отъ душевнаго безпокойства и разслабленія у него ослабло расположеніе къ дѣятельности; къ тому же старецъ смущенъ былъ нападеніями на него какихъ-то недоброжелателей: раздраженный всѣмъ этимъ Евстазію пасыменнымъ отреченіемъ отказался отъ своей кathedры. Епископы округа Памфилійскаго отреченіе Евстазія уважили и избрали на его мѣсто другаго—Теодора. Но видно, что вслѣдъ за отреченіемъ старца отъ управленія церкви для него начались еще болѣе чувствительныя стѣсненія и оскорбленія Евстазія является пречъ отцами Евсеевскаго собора «со слезами, не грядя, ниже церковь оспаривая у поставленнаго на мѣсто его Теодора, во прося токмо чести и имеванія епископскаго». Отцы собора наши правильнымъ и законнымъ призвать къ силѣ и распоряженію епископовъ Памфилійскихъ, и уважить просьбу Евстазія. Епископы округа Памфилійскаго поступили, по отзыву отцевъ Евсеевскаго собора, правильно, когда уважили отреченіе Евстазія. Ему Евстазію, какъ принявшему на себя священно-начальственное поученіе, подобало удерживать оное съ духовною крѣпо-

стію; но послѣду онъ показалъ себя не тщательнымъ, то и долженъ былъ понести неизбежное слѣдствіе своей недѣтельности. Но съ другой стороны и слезной просьбы самоотрешающаго митрополита отцы собора не нашли причинъ не уважить: отцы собора вошли въ розысканіе причинъ и обстоятельствъ, какъ и почему послѣдовало отстраненіе Евстазія отъ кathedры, и нашли, что причиною отстраненія его не была какіе нибудь проступки его, кои подвергали бы его законному низверженію, а единственно самовольное отреченіе его. Кромѣ сего, достойнаго сожалѣнія и «соболѣзнованія» обстоятельства, отцы собора обратили вниманіе на то, что старецъ этотъ внѣ града, въ которомъ родился, и внѣ отеческаго жилища долгое время пребылъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ отцы собора судили и опредѣляли: «Евстазію безъ всякаго прекословія имѣть имя и честь епископа и общеніе, съ тѣмъ только, чтобы онъ не руководилъ, не занималъ цркви и самовластно не священнодѣйствовалъ; но развѣ когда или пригласитъ съ собою или позволить ему братъ и соепископъ, по благорасположенію и любви во Христѣ». Замѣчательны однакожъ послѣднія строки изъ разсмотрѣннаго нами посланія Евсеевскаго собора къ собору Памфилійскому. Изложивъ приведенныя нами сужденія и опредѣленія, отцы собора заключаютъ: «еще же положите о немъ, т. -е. объ Евстазію, какой болѣе благоклонный совѣтъ вынѣ, или послѣ, то и сіе угодно будетъ святому собору. Очевидно, что отцы собора вселенскаго согласны были произнести объ отреченіи Евстазія сужденіе и болѣе снисходительное, и не стали бы противодѣйствовать, еслибы Евстазію сему предоставлена была и самостоятельная кathedра и даже, въ случаѣ елибы открылась возможность, митрополія.

Для полноты обзорѣнн занятій и опредѣленій Евсеевскаго собора намъ слѣдуетъ сказать объ опредѣленіи Евсеевскаго собора касательно Мессалиана и объ опредѣленіи по просьбамъ Евпрепія и Кирилла, епископовъ Фракіійскихъ. Опредѣленія собора по тому и другому дѣлу въ составъ правилъ собора не вошла, безъ сомнѣнія потому, что касались предметовъ, имѣвшихъ весьма частное значеніе; во сказанія о

занятіях собора по тому и другому изъ сихъ пунктовъ помѣщаются во всѣхъ изданіяхъ Дѣяній соборныхъ и не могутъ быть опущены безъ ущерба полноты изложенія исторіи Ефесскаго собора. Сущность дѣла въ слѣдующемъ:

На одномъ изъ засѣданій Ефесскаго собора (на какомъ, опредѣлить нельзя) Валеріанъ и Амфилохій епископы, какъ видно Памфилійскіе, предложили въ общемъ собраніи разсмотрѣть дѣло о Мессалианахъ или Евхитахъ, «сквернѣйшихъ», какъ выразились Дѣянія собора, еретикахъ. Еретики эти подъ разными наименованіями (Мессалиане, Евхиты, Енуэзиасты) встрѣчались тогда въ Памфиліи. Вмѣстѣ съ объявленіемъ объ этихъ еретикахъ Валеріанъ представилъ собору на разсмотрѣніе книгу, составленную сими еретиками, называемую Аскетиконъ (книга подвижничества), и еще принесъ соборную запись о Мессалианахъ, составленную въ Константинополь, при патриархѣ Сисиніи; упомянуто было и о томъ, что и въ Александріи (когда и при комъ, не извѣстно) Мессалиане были осуждены. Обо всемъ этомъ въ памятникахъ соборныхъ сохранились только краткія упоминанія и никакого опредѣленнаго понятія о Мессалианахъ не сообщено; по этому мы находимъ нужнымъ обратиться къ розысканіямъ стороннимъ. Когда появились Мессалиане, несомнѣнно опредѣлить нельзя; видно только, что они появились довольно задолго до Ефесскаго собора: знаменитый Амфилохій, въ 370 году сдѣлавшійся митрополитомъ иконійскимъ, писалъ противъ Мессалианъ книгу. Сочиненіе это до насъ не сохранилось: мы знаемъ о немъ по упоминанію блаженнаго Теодорита, который эту книгу читалъ и по всей вѣроятности на основаніи ея сообщаетъ намъ свѣдѣнія о Мессалианахъ. Сущность этихъ свѣдѣній въ слѣдующемъ: «Мессалиане пользуются содѣйствіемъ какаго-то демона и это содѣйствіе принимаютъ за присутствіе въ нихъ Св. Духа; они избѣгаютъ всякаго труда рукъ, и, предаваясь сну, грѣзы сновидѣній называютъ пророчествами. Они не удаляются отъ церковнаго общенія, говоря, что божественная пища, о которой сказалъ Господь Христосъ: ядый мою плоть и пійый мою кровь живъ будетъ во вѣки (Гав. 6, 54), и не вредитъ и не приноситъ поль-

зы. Сподобляющіеся св. брещенію, по ученію Мессалианъ, не получаютъ отъ него никакой пользы: одна усердная молитва изгоняетъ живущаго въ человѣкѣ демона. Когда, по изгнанію демона, вселяется въ человѣка Св. Духъ, то онъ отвлекаетъ человѣка отъ наклонности къ злу; тогда уже не нужно бываетъ ни постя для обузданія тѣла, ни ученіе для удержанія человѣка отъ зла и внушенія ему добраго порядочнаго поведенія. Кто достигъ этого, тотъ не только освобождается отъ плотскихъ похотей, но и ясно предвидитъ будущее и тѣлесными (такъ у Теодорита) очами созерцаетъ Божественную Троицу». (См. Пер. Исг. Теодорикъ. 4 гл. 11; Eriph. adv. haer. 1—4). И по Теодорикъ и по памятникамъ соборныхъ Дѣяній мѣстомъ скоплены Мессалианъ представляются особенно монастыри Калевія Мессалианъ, сообщенныя собору епископомъ Валеріаномъ, не извѣстно; но если предположить даже, что зло лжеучительства и вѣсколько не разлилось во времени Ефесскаго собора по сравненію съ тою степенью, до какой достигло оно во время знаменитаго Амфилохія митрополита Иконійскаго, — уже на основаніи того, что мы знаемъ о Мессалианахъ по сему древнему памятнику, можно судить, какъ отнесется къ этому дѣлу Ефесскій соборъ. Зловредность лжеученія Мессалианъ очевидна была до несомнѣнности, и Ефесскій соборъ долготъ справедливости почелъ отнестись къ Мессалианамъ со всею строгостію «Всѣ находящіеся по всей провинціи еретикъ-Мессалиане или енуэзиасты, или подозрѣваемые въ этой ереси, члены ли клира или міряне, должны были, по опредѣленію собора, засвидѣтельствовать свое согласіе съ православными и письменно знаеметвовать свою ересь; кто откажется сдѣлать это, то пресвитеры или діаконы или находящіеся въ другой какой церковной степени, да свергнутся и изъ клира, и со степени, и отъ общенія. а міряне да будутъ прокляты». Сверхнюю книгу этой ереси, называемую Аскетиконъ, соборъ такъ же предастъ проклятію. Мессалианамъ, или даже подозрѣваемыхъ въ этой ереси, не позволено жить вмѣстѣ въ монастыряхъ, «чтобы плевели не умножились и не разрастались». По смыслу дальнѣйшихъ

разсуждений собора видно, что Мессалиане не во всем оказывали покорность епископам; соборы предписывают, чтобы представляющие особенности в своем образе мыслей и в своей деятельности вопли в соглашение с епископами касательно того, что полезно и необходимо для общения и благоустройства. Велибы почему-нибудь соглашение с епископами не состоялось, еслибы чего не утвердила епископы Валерианъ и Амелюхий и прочие епископы по всей провинци, то высшее рѣшеніе должно послѣдовать отъ митрополита. «Хотя бы были оставлены, читаемъ между прочимъ в разсужденіяхъ собора, благочестивѣйшіе епископы Ликійскіе или Ликаонскіе, не должно однакожъ оставлять митрополита которой бы то ни было провинци» (Д. В. С. т. 2, стр. 22—24).

Просьба въ собору со стороны Еввренія и Кирилла епископовъ аракійскихъ касалась порядковъ церковнаго управленія. «Отъ начала, какъ выражались помянутые епископы, была въ Европѣ (разумѣется въ мѣстахъ просвѣщенныхъ христіанствомъ) обычай, что у одного епископа были въ управленіи два или три города или, какъ выражались Еввреній и Кириллъ, епископства: епископъ вралійскій, наприм. управлялъ Ираклей и Павіономъ, епископъ визійскій—Визіей и Аркадіополемъ и т. п.; ни одинъ изъ второстепенныхъ городовъ, бывшихъ въ управленіи епископа, самостоятельнаго епископа не имѣлъ и не просилъ. Но теперь во время ефесскаго собора помянутые епископы аракійскіе, встрѣтивъ какія то основанія опасаться, что второстепенные города, прежде подчиненные вмѣстѣ съ главнымъ городомъ епископу, стануть просить, а Фритила митрополитъ вралійскій (уклонившійся во время собора на сторону несторіанъ) согласится дать этимъ городамъ епископовъ самостоятельныхъ. Повягто, конечно, что это нововведеніе, еслибы ему удалось осуществиться, не могло быть приятнымъ для епископовъ главныхъ городовъ. «Если бы это нововведеніе осуществилось, объясняли помянутые епископы собору, то и мы епископы, управлявшие сами городами, лишились бы власти надъ церквами (въ которыхъ много потрудились), и древній обычай, уже утвержденный дав-

намъ временемъ, былъ бы нарушенъ, а отсюда произошли бы споры и нестроения, особенно между епископами Европы. Чтобы предотвратить всѣ эти угрожавшія нестроения, епископы аракійскіе просили отцевъ собора издать опредѣленіе, чтобы ни митрополитъ Фритила, ни управляющіе вмѣстѣ съ нимъ епископствомъ (вѣроятно разумѣются епископы аракійскаго округа), не приступали къ поставленію епископовъ въ упомянутыхъ второстепенныхъ городахъ. Святый вселенскій соборъ призналъ прошеніе Еввренія и Кирилла «почтеннымъ» и съ своей стороны опредѣлилъ, чтобы «ни въ святыхъ прадахъ, ни во вѣдѣнныхъ законахъ, которые имѣютъ за себя древній обычай, не было вводимъ ничего новаго въ городахъ Европы, чтобы города управлялись по древнему обычаю епископами, отъ которыхъ зависѣла издавна, и послѣ, на будущее время не должно вводить ничего новаго въ древніе обычаи». Оставалось съ особеннымъ вниманіемъ на этомъ опредѣленіи собора, не можемъ не замѣтить: 1) чрезвычайной осмотрительности, съ какою выражались отцы св. собора, и 2) столь же досточтимой благоразсудительности, по которой она не дозволяла внести опредѣленіе свое въ составъ правилъ всеобщіе обязательныхъ и не допускающихъ никакого перетолкованія или измѣненія. Не отсутствовать отъ этихъ правилъ по обстоятельствамъ времени было не возможно; св. соборъ предвидѣлъ это, а потому и не внесъ сихъ опредѣленій въ составъ правилъ, непрекаемо неизмѣнныхъ, каковы всѣ правила св. вселенскихъ соборовъ.

Изложеніемъ дѣла Еввренія и Кирилла, епископовъ аракійскихъ, дошедша до насъ Дѣянія ефесскаго собора оканчиваются; этимъ дѣломъ должны закончить повѣствованіе о Ефесскомъ соборѣ и мы. Дальнѣйшихъ свидѣній объ офоциальномъ, формальномъ закрытіи Ефесскаго собора до насъ не сохранилось⁶⁾. Въ одномъ изъ упомянутыхъ прежде посла-

(6) Гезе по указаніямъ Котеллерія приводитъ подъ именемъ Феодосіева указа о закрытіи собора (см. т. 2, стр. 227). Но этотъ указъ стоитъ въ такомъ опустительномъ разрозненіи съ истиннымъ ходомъ дѣла, какъ онъ представляется по несомнѣнно достовернымъ памятникамъ, что читатель, обстоятельно знакомый

ній со стороны отцев православія къ императору Θεодосію мы замѣтили, что они между прочимъ просили императора и о томъ, чтобы онъ утверждалъ своимъ согласіемъ дѣянія и опредѣленія ихъ. Судя по тому, что окончательное рѣшеніе по главному дѣлу преисправившихся сторонъ последовало въ пользу православныхъ, надобно полагать, что и все прочія, обобративныя нами правила и опредѣленія православнаго собора Ефесскаго заключены и закрѣплены были утвержденіемъ императорскимъ. Но и послѣ того, какъ депутаціи, составленныя для окончательнаго разсмотрѣнія дѣла, были распущены, послѣ того какъ Несторій съ престола патріаршаго былъ низложенъ и православіе признаны были правыми, — препія между православными и защитниками несторіанства все еще не окончились. Нѣкоторые изъ сторонниковъ Несторія продолжали составлять собою партію противдѣйствія православнымъ; нѣкоторые (какъ Имерій, епископъ Никомидійскій) и скочались въ этомъ противленіи; нѣкоторые пришли наконецъ къ соглашенію съ православными, хотя послѣ продолжительныхъ и упорныхъ съ ними препій. Такъ Іоаннъ Антиохійскій и братія его послѣ долгихъ розыскаій и препій согласились наконецъ съ св. Кирилломъ Александрійскимъ и съ соборомъ Ефесскимъ принять — о Пречистой и Преподобной Матери Божіей наименованіе — Богородица, и на друга своего Несторія согласились провозвести проклятіе. Св.

св. истиннымъ подожженіемъ дѣлъ во время собора, не можетъ отрѣшиться отъ сомнѣній въ подлинности того указа. Мы знаемъ, наприм., что по истинному ходу дѣлъ императоръ, когда увидѣлъ, что въ Ефесѣ отцы собора не могутъ прийти къ соглашенію между собою, то пригласилъ изъ нихъ депутаціи, сначала въ Халкидонъ, потомъ въ Константинополь. Между тѣмъ, по тому указу, который приводится у Котслерія, императоръ, не видя соглашенія между отцами собора въ Ефесѣ, больше не хотѣлъ предпринимать никакихъ мѣръ, остается съ сочувствіемъ къ сторонѣ еретической и съ гнѣвомъ привкачиваетъ всѣмъ разсодиться по своимъ мѣстамъ. Не легко, говоримъ, принять подлиннымъ этотъ указъ послѣ того, какъ мы знаемъ, что императоръ окончилъ дѣло съ полнѣйшимъ успѣхомъ для православныхъ. Во всякомъ случаѣ — если и признать этотъ указъ подлиннымъ — онъ не можетъ быть считаемъ заключительнымъ — въ отношеніи къ Ефесскому собору.

Кириллъ привѣтствовалъ эту рѣшимость своихъ прежнихъ противниковъ необыкновенно восторженнымъ посланіемъ: «да возрадуются небеса» и т. п. Несторій, еще прежде сосланный въ ссылку, теперь вторично подвергнутый проклятію долгое время переводимъ былъ въ ссылку съ мѣста на мѣсто, попался въ плѣнъ номадамъ и окончилъ жизнь свою въ жалкой неизвѣстности.